

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика, Управление, Право

2022

Том 22

Выпуск 4

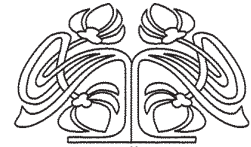
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

- Фенин К. В.** О влиянии «баек» на формирование методологии экономической науки и их пользе в процессе ее преподавания (Часть I) 364
- Манохина Н. В., Митяева Н. В., Устинова Н. Г.** Институциональное портфолио российского образования 371
- Максимов В. А.** Сочинения А. Н. Радищева: этюд экономико-антропологической интерпретации 384

Управление

- Туманян Ю. Р., Индустриев М. А.** Импортзамещение как фактор инновационного развития экономики России 396
- Левченко Е. В., Левченко А. А.** Формирование модели оценки экономической безопасности в условиях цифровых преобразований 406

Право

- Амелин Р. В., Бессонов Л. В., Комкова Г. Н., Чаннов С. Е.** Концептуальный подход к классификации и сертификации роботов и сложных автоматизированных информационных систем 413
- Липчанская М. А., Привалов С. А.** Перспективы и проблемы использования машиночитаемого права в судопроизводстве 424
- Рыженков А. Я., Буринова Л. Д.** Развитие возобновляемых источников энергии и их значение для перехода России на стандарты «зеленой» экономики 432
- Бердникова Е. В., Куликова С. А.** К вопросу об исторической преемственности организационно-институционального механизма народного контроля в СССР современной системой общественного контроля: политико-правовой аспект 440
- Подмарев А. А.** Неограничиваемые права и свободы человека: правовые позиции Конституционного Суда России (1995–2022 гг.) 449
- Лампадова С. С.** «Соглашение о лояльности» как новелла российского миграционного права 456
- Тарасов А. В., Гоглева К. Ю.** Международные судебные органы как субъекты наднациональной специализированной контрольной деятельности 464
- Тихонова С. В.** Аксель Хоннет: пределы правовой свободы 473

Приложение

Представляем книгу

- Анисимов А. П.** Принципы семейного права 480

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “Экономика. Управление. Право”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4; 5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (eup.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 23.11.22.
Подписано в свет 30.11.22.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 14,41 (15,5).
Тираж 100 экз. Заказ 142-Т

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@ Rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Fenin C. V. On the influence of “tales” on the economics methodology formation and their use in the teaching process (Part I) 364

Manokhina N. V., Mityaeva N. V., Ustinova N. G. Institutional portfolio of Russian education 371

Maksimov V. A. The works of A. N. Radishchev: A study of economic and anthropological interpretation 384

Management

Tumanyan Yu. R., Industriev M. A. Import substitution as a factor of Russian economy innovative development 396

Levchenko E. V., Levchenko A. A. Forming a model for assessing economic security in conditions of digital transformations 406

Law

Amelin R. V., Bessonov L. V., Komkova G. N., Channov S. E. Conceptual approach to the classification and certification of robots and complex automated information systems 413

Lipchanskaya M. A., Privalov S. A. Prospects and problems of using machine-readable law in legal proceedings 424

Ryzhenkov A. Ja., Burinova L. D. Development of renewable energy sources and their importance for Russia's transition to the standards of the “green” economy 432

Berdnikova E. V., Kulikova S. A. The issue of the historical succession of the organizational and institutional mechanism of people's control in the USSR by the modern system of public control: A political and legal aspect 440

Podmarev A. A. Unrestricted human rights and freedoms: Legal positions of the Constitutional Court of Russia (1995–2022) 449

Lampadova S. S. “Loyalty agreement” as a novelty of Russian migration legislation 456

Tarasov A. V., Gogleva K. Yu. International judiciaries as subjects of supranational specialized control activities 464

Tikhonova S. V. Axel Honneth: The limits of legal freedom 473

Appendix

Presentation of the Book

Anisimov A. P. Family law principles 480

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александр Анна, Ph.D. (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D. (Огайо, США)

Василевич Григорий Алексеевич, доктор юрид. наук, профессор (Минск, Беларусь)

Велиева Джамиля Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Павел, Ph.D. (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхавгадори Ариунаа, Ph.D. (Уланбаатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D. (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эртин Сефика Шуле, Ph.D. (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW"**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editors-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Janna A. Mingaleva (Perm, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

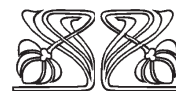
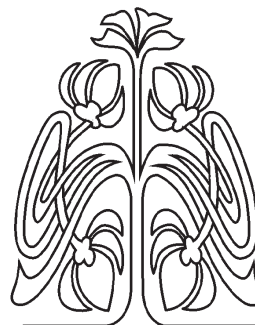
Vitali N. Khrustalov (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

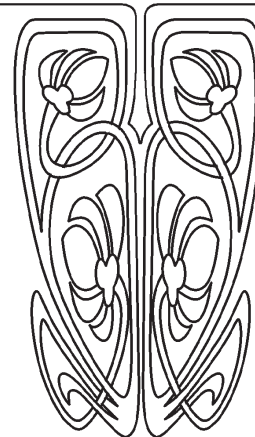
Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЭКОНОМИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 364–370

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 364–370

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-364-370>

EDN: GYBHWY

Научная статья
УДК 330.88

О влиянии «баек» на формирование методологии экономической науки и их пользе в процессе ее преподавания (Часть I)

К. В. Фенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

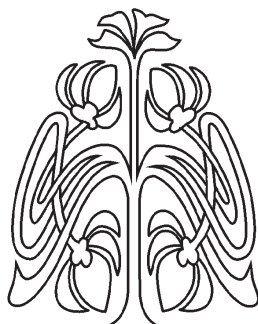
Фенин Кирилл Вячеславович, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, fenin.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

Аннотация. Введение. Обосновывается возможность использования байки – поучительного полуправдивого рассказа-истории – для популяризации фундаментальной триады экономических наук: экономической теории, экономической истории и истории экономической мысли. Предложена постановка проблемы употребления жанра литературной байки как методического приема в процессе преподавания экономических дисциплин. Заявлена допустимость вовлечения байки в теоретический дискурс экономической науки в специфических условиях генезиса ее новой исследовательской парадигмы – постнеклассической модели. **Теоретический анализ.** Историкографический обзор показал, что многие видные англоязычные и русскоязычные экономисты в своих научных статьях и монографиях текстуально или аллегорически используют термины «притчи», «басни», «рассказы», «истории», «мифы», «сага» и т.п. В связи с этим представляется возможным дополнить данный семантический ряд термином «байки». Изучение принципов построения гипотез и моделей в рамках экономической теории и экономической истории в XX в. продемонстрировало, что суть методологии данных наук – инструментализма – очень близка к процессу выдумывания полуправдивых поучительных рассказов, из которых должны следовать правильные выводы. **Результаты.** Как доказано, постмодерн способствовал плюрализации современной академической среды, что может благоприятно повлиять на процесс творческого самовыражения экономистов и прогресс в области хозяйственных наук.

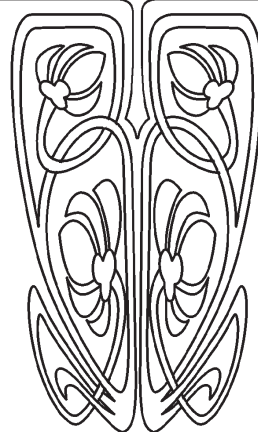
Ключевые слова: байки, постмодернизм, инструментализм, экономическая теория, экономическая история, история экономической мысли

Для цитирования: Фенин К. В. О влиянии «баек» на формирование методологии экономической науки и их пользе в процессе ее преподавания (Часть I) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 364–370. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-364-370>, EDN: GYBHWY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

On the influence of “tales” on the economics methodology formation and their use in the teaching process (Part I)

C. V. Fenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Cyrl V. Fenin, fenin.kir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1061-6602>

Abstract. Introduction. This article is a justification of the possibility of using tales to popularize economics, economic history and the history of economic thought. **Theoretical analysis.** The historiographic review showed that many prominent English-speaking and Russian-speaking economists in their scientific articles and monographs textually or allegorically use the terms “parables”, “fables”, “stories”, “stories”, “myths”, “saga”, and the like. Therefore, the term “tales” will organically complement this semantic range. The study of the construction of theory and models within the framework of economic theory and economic history in the 20th century revealed that the essence of the methodology of scientific research data (instrumentalism) is very close to the practice of inventing half-truth instructive stories, from which the proper conclusions should be made. **Results.** Post-modernization of the modern academic environment pluralization, can be used in the process of creative self-expression of economists and progress in the field of economic sciences.

Keywords: tales, postmodernism, instrumentalism, economics, economic history, history of economic thought

For citation: Fenin C. V. On the influence of “tales” on the economics methodology formation and their use in the teaching process (Part I). *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 364–370 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-364-370>, EDN: GYBHWY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Согласно русскоязычной Википедии, «байка – это поучительный или юмористический рассказ, иногда основанный на реальных событиях. При этом достоверность байки несколько выше, чем анекдота, но это не исключает прямого вымысла или литературных приёмов, с помощью которых рассказчик «подаёт» байку» [1]. Автор надеется, что обращение к Википедии, достоверность которой подчас подвергается сомнению, не оттолкнет потенциальных читателей. Традиционной индульгенцией от укоров в использовании сомнительных источников была, есть и будет ссылка на авторитеты. На ум приходит сразу два «гранда экономической науки»: сэр Э. Б. Аткинсон, специалист по экономическому неравенству, и Т. Седлачек, автор нашумевшего бестселлера «Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит» – постмодернистской критики методологии мейнстрима. Первый ссылается на Википедию, обращаясь к историческим справкам относительно экономической политики Англии и генезиса глобализации, а второй – при определении вещественных чисел [2, с. 136, 449; 3, с. 441, 495].

Перечень экономических дисциплин, популяризация которых может быть успешно обеспечена посредством травли полуправдивых поучительных историй, очень широк, но в рамках данного исследования он ограничится «Holy Trinity» научного экономического знания, включающей экономическую теорию, эконо-

мическую историю и историю экономической мысли. Потребность в написании данной статьи есть следствие рефлексии автора в узком смысле – как преподавателя, обучающего студентов трем вышеназванным дисциплинам, и в широком смысле – как члена научного сообщества, вынужденного трудиться в специфических условиях генезиса новой исследовательской парадигмы – постнеклассической модели науки (постнеклассики). Постнеклассика, зародившаяся в конце XX в., в своей предельной форме игнорирует объективные основания бытия и отрицает возможность достоверной и точной верификации научного знания [4, с. 16–17]. На практике все это приводит, как бы выразился К. Маркс, к вульгаризации экономики как науки, а также к массовизации и геймификации в процессе преподавания экономических дисциплин. Нет смысла рассуждать о том, несет ли данный процесс только негативные изменения, или же в постнеклассике есть что-то позитивное. Разумнее – это попытаться понять, как наиболее продуктивно использовать данную трансформацию модели воспроизводства научного знания. Этому и посвящена данная статья.

Теоретический анализ

Изучение историографии позволило с уверенностью утверждать, что такая «стилистическая» вольность, как использование слова «байки» в названии научной статьи по экономике, вполне допустима. Для начала стоит сослаться на работу нобелевского лауреата по экономике П. Самуэльсона «Parable and Realism in Capital

Theory: The Surrogate Production Function», опубликованную в 1962 г. С английского «parable» переводится как «притча», с которой П. Самуэльсон в своей работе отождествлял упрощенную экономическую модель, очень полезную как для эмпирических исследований, так и для преподавания. Занятно, что Т. Седлачек, сравнивая экономическую теорию П. Самуэльсона с Библией, также не видел особой разницы между притчами, мифами и моделями, которые, по его мнению, подчиняются одним и тем же законам жанра в том смысле, что они абстрактны и имеют смысл лишь в определенном контексте [3, с. 30, 285, 468–469, 495; 5, с.193–194; 6, с. 588].

К обозначенной проблематике относится и часто цитируемая научная статья «Дилеммы экономиста-теоретика» экс-президента «Эконометрического общества» Ар. Рубинштейна, в которой автор заявил, что «мы (экономисты-теоретики) организуем наше мышление с помощью того, что именуется моделями. Просто слово “модель” звучит научнее, чем “басня” или “сказка”, хотя большой разницы между ними я не вижу». Сюда же примыкает научно-популярная монография «Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism», написанная нобелевскими лауреатами по экономике Дж. Акерлофом и Р. Дж. Шиллером. В русскоязычном переводе книга получила название – «Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма» [7, с. 79]. Глава пятая труда Дж. Акерлофа и Р. Дж. Шиллера была переведена на русский как «Истории» (англ. «Stories»). Но английский термин «stories» в зависимости от контекста может быть переведен и как «рассказы» или «повести», или те же «сказки» и даже «байки». Интересно, что при издании на русском языке книги Дж. Акерлофа и Р. Дж. Шиллера переводчики, видимо, сознательно сделали латинскую транслитерацию фразеологизма «animalspirits», известного по «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса. В экономической литературе существует более дюжины разных вариантов перевода данного понятия на русский язык: от «жизнерадостности» до «животных страстей» или «настроения». Множественность перевода понятия создает проблему и множественной его интерпретации, что может раздуть пузырь для научных спекуляций, как это было с «Wert» (нем. «стоимость/ценность») в капитале К.Маркса [3, с. 425–428; 4, с. 196–197; 8, с. 51–56; 9, с. 75–81; 10, с. 349].

Переходя к русскоязычным примерам для стилистического обоснования названия статьи, стоит остановиться на двух работах. Первая – научно-популярная монография «Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики», вышедшая под авторством С. М. Гуриева – экономиста, весьма известного в медиапространстве. В своей книге ученый в ходе «крестового похода» против экономического обскурантизма разоблачал мифы массового сознания относительно функционирования хозяйственных систем, попутно насаждая свои собственные «объективные» взгляды. Вторая – это научная статья Г. А. Черемисинова «Современная скандинавская “Сага о политической экономике”»: “Against the Stream. Critical Essays on Economics” Гуннара Мюрдаля – замечательный пример герменевтического анализа научного творчества выдающегося экономиста [11, 12].

Таким образом, поскольку в ранее опубликованных научных и научно-популярных работах, посвященных экономике, фигурируют термины «притчи и басни», «рассказы и повести», «мифы и сага», вполне допустимо дополнить данный семантический ряд еще и «байками».

Переходя к содержательному толкованию тематики исследования, следует ненадолго отойти от постмодернистского столпотворения – смешения и уравнивания в смыслах различных понятий и категорий. Для приведения доказательств того, что методология экономической науки может быть построена на «полуправдивых поучительных рассказах», стоит обратиться к истории экономических учений. Так, известный историк мысли Х. Д. Курц утверждает, что современная экономическая наука (мейнстрим) в значительной мере находится под влиянием инструменталистской методологии. Суть этой методологии в том, что ценность теории определяется исключительно ее предсказательной силой – «достоверностью» результатов и выводов. В то же время реализм предпосылок теорий или моделей значения не имеет, т.е. можно формулировать буквально любые нереалистичные и фантастичные теоретические предпосылки, удобные для условий исследования [13, с. 12].

Попытки использования инструменталистской методологии в экономике, по мнению Х. Д. Курца, осознанно начались вначале XX в., т. е. задолго до наступления стадии постнеклассики, и пионером в этом начинании был Й. А. Шумпетер. Но всецело инструменталистский подход применительно к экономической теории был развит Ф. Фридманом в его знаменитой статье «Методология позитивной экономической

науки» в 1953 г. Нобелевский лауреат по экономике не просто допускал вольность в процессе научного теоретизирования, но даже настаивал на обратной зависимости между значимостью концепции и реализмом ее предпосылок. По мнению М. Фридмана, чтобы быть значимой, теория должна исходить из дескриптивно ложных предпосылок – не принимать в расчет и не объяснять многих сопутствующих факторов [13, с. 12; 14, с. 28–29, 36].

Другой лауреат Нобелевской премии по экономике Р. Ауман(н), являющий собой пример редкого нестяжательства – в 1960 г. он отказался ради фундаментальной науки от престижной должности в IBM и годового оклада в 130 тыс. долл. США (в сегодняшних ценах). В своем интервью в 2004 г. ученый также однозначно заявил, что в экономической теории ценна лишь правильность выводов, а не предположений (предпосылок). В науке предположения никто особо серьезно и не рассматривает, все смотрят на выводы, которые и обосновывают или опровергают теорию. Поэтому критика экономической теории за ее нереалистичность несостоятельна. Полный реализм предпосылок экономических моделей все равно недостижим, да и особо не нужен, потому что только исходя из того, дает ли модель достаточно хорошие для данной цели предсказания, можно сделать вывод о ее полезности и эффективности [15, с. 396, 455; 16].

Стоит отметить, что инструменталистская методология присуща не только «чистой» экономической теории. Инструментализм нашел широкое применение и в экономической истории, о чем свидетельствует биография Р. Фогеля. Выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г., он прославился монографией «Железные дороги и рост американской экономики», опубликованной в 1964 г., в которой автор использовал контрфактуальное (контрфактическое) моделирование [17]. Анализируя влияние строительства железных дорог на экономику США, Р. Фогель сравнил реальный исторический ход событий с альтернативными (контрфактическими). Экономист обнаружил, что если бы вместо железнодорожной системы перевозок грузов между штатами США развились бы системы водного или гужевого транспорта, то американский национальный доход рос бы медленнее максимум на 2,5% в год. Научное сообщество было взбудоражено, поскольку бытовало мнение, что вклад в развитие экономики США, полученный от строительства железных дорог, намного существеннее. Однако Р. Фогель доказал, что сумма многих

конкретных технических изменений, а не несколько крупных инноваций (тех же железных дорог), определяет ход экономического развития [18, с. 374; 19, с. 101–118; 20].

Интерпретируя наследие Р. Фогеля в своей работе по истории экономической мысли, Д. Макклоски отмечает, что вклад ученого в развитие экономической истории носит стилистический характер. По мнению Д. Макклоски, Р. Фогель как «писатель» создал несколько новых академических жанров и свою собственную аудиторию «читателей» – профессиональных клиометристов. Для этого ученый прибегал к сциентическим риторическим приемам: наукообразным формулировкам тезисов, линейному программированию, многочисленным статистическим выкладкам, – многие из которых сознательно были выражены в количественной форме. К слову, впервые провокационную мысль о том, что количественные данные, которыми изобилуют сложные социальные явления, могут служить риторическим доказательством всего, чего угодно, в том числе и личных убеждений исследователя, высказал В. И. Ульянов-Ленин в своем сочинении «Империализм как высшая стадия капитализма». К такому же выводу пришел Р. Коуз, для которого эмпирический тест был риторическим приемом, направленным на убеждение [17, с. 23, 47; 19, с. 102–107, 110, 112, 113, 114, 116, 117; 21, с. 214; 22, с. 84].

Глубокую общую оценку влияния инструменталистской методологии на развитие экономической науки дала упомянутая Д. Макклоски. Неортодоксальность и постмодернистская философия данного эксперта, считающего, что «научное знание не очень-то отличается от остальных его видов» и что «все без исключения науки гуманитарны, поскольку существуют только для человека», а «экономическая теория – это жанр литературы», располагает читателя ожидать от автора содержательную критику мейнстрима. Данная критика, ноносящая, скорее, формальный характер, все-таки находит свое отражение во многих тезисах Д. Макклоски. Автор, отдавая должное позитивистской экономике, которая была полезна до середины 1960-х гг., полагает, что данная парадигма была и остается чем-то вроде «добровольного идиотизма» сообщества экономистов. Вместе с тем Д. Макклоски полагает, что хотя в научном дискурсе методология и неважна, а имеет значение лишь искреннее желание исследователя внести свой вклад в дискуссию, но поскольку ученые ищут убедительности, красоты и разрешения загадки, нужно обеспечить им все это посредством риторики. Причем риторическим приемом может быть и

сам инструментализм. В итоге подход Д. Макклоски становится изощренным способом защиты мейнстрима, потому что он направлен не на поиск альтернатив ему, а, скорее, на оправдание деятельности ортодоксальных экономистов [19, с. XXIX, 32, 52, 135, 206, 219, 242–243; 22, с. 82; 23].

Результаты

Вышеприведенных фактов из «Holy Trinity» экономических наук вполне достаточно для содержательного обоснования правомерности тематики данной научной статьи. Стоит признать, что экономическая наука как часть общечеловеческой культуры становится все более причастной к феноменам современного постмодернистского общества. В этом смысле определение экономической теории, данное Т. Седлачком, как набора историй, продвинутых сказок для взрослых, рассказанных по-научному, отличающихся от мифов и легенд, но имеющих с ними много общего: необходимость подключения воображения, динамику изложения, правдоподобность на определенном уровне абстракции и т.д., – представляется вполне справедливым [3, с. 469]. Органично дополняет мнение чешского исследователя позиция В. В. Новикова о том, что экономисты, даже не осознавая этого, в процессе научного исследования и преподавания сочиняют и рассказывают истории в трех литературных жанрах: комедийном, научно-фантастическом и детективном [24].

Разумеется, как и инструментализм критиковался многими видными экономистами: П. Самуэльсоном, Дж. Тобиным В. В. Леонтьевым – за нереалистичность допущений сконструированных по его методологии теорий и моделей, так и «постмодернистская экономика» порой вызывает ропот со стороны научного сообщества [25, с. XV, 53, 144; 26, с. 116, 272]. Еще в 1990 г. Ж. Бодрийяр отметил, что в условиях, когда благодаря СМИ, теории информации и видео все стали потенциальными творцами, и всё заявляет о себе, самовыражается, набирает силу и обретает собственный знак, политическая экономия подошла к своему концу, разрастаясь до пародии на саму себя [27, с. 97, 116]. П. А. Ореховский и В. И. Разумов считают, что постмодерн привнес в научную среду установки на деконструкцию и симулякры, а преподавание стало некой формой «духовной проституции». Большинство статей во всех отраслях наук пишутся и публикуются с явным осознанием того, что они никогда не будут прочитаны. Данная ситуация, описыва-

емая авторами как нескончаемый «бахтинский карнавал», привела научных работников к экзистенциальному кризису и полной фрустрации [28, с. 77, 85, 90].

Автор данной статьи не разделяет пессимизма уважаемых коллег. Несмотря на многие минусы, современная академическая среда предполагает свободу в генерации собственных идей. Даже если профессиональное сообщество остается индифферентным к большинству научных трудов, всегда можно воспользоваться рецептом В. В. Набокова – начать творить для собственного удовольствия и для эстетики. Но для того, чтобы создать свою экономическую теорию, надо хорошо знать историю развития собственной науки, которая есть ни что иное, как «сборник анекдотов и баек», о существенной пользе которых более предметно будет рассказано в продолжении текущей публикации.

Список литературы

1. Википедия – Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Байка> (дата обращения: 20.06.2022).
2. *Аткинсон Э. Б.* Неравенство: как с ним быть? М. : Дело, 2018. 536 с.
3. *Седлачек Т.* Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М. : Ад Маргинем Пресс, 2022. 544 с.
4. *Рязанов В. Т.* Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб. : Алетейя, 2020. 436 с.
5. *Samuelson P.A.* Parable and Realism in Capital Theory: The Surrogate Production Function // Review of Economic Studies. 1962. Vol. 29, iss. 3. P. 193–206.
6. *Ронкалья А.* Богатство идей: история экономической мысли. М. : ИД ВШЭ, 2018. 656 с.
7. *Рубинштейн А.* Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики. 2008. № 11. С. 62–80. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-11-62-80>
8. *Akerlof G. A., Shiller R. J.* Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism. Princeton University Press, 2009. 230 p.
9. *Акерлоф Дж., Шиллер Р.* Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М. : Юнайтед Пресс, 2010. 273 с.
10. *Кейнс Дж. М.* Избранные произведения. М. : Экономика, 1993. 543 с.
11. *Гуриев С. М.* Мифы экономики: заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. М. : Юнайтед Пресс, 2011. 294 с.
12. *Черемисинов Г. А.* Современная скандинавская «Сага о политической экономии»: «Against the Stream. Critical Essays on Economics» Гуннара Мюрдаля //

- Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 243–254. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-243-254>
13. Курц Х. Д. Куда идет история экономических учений: медленно движется в никуда? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2008. № 3. С. 3–25.
 14. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
 15. О чем думают экономисты: беседы с нобелевскими лауреатами / под ред. П. Самуэльсона, У. Барнетта. М. : Альпина Паблишер, 2017. 490 с.
 16. The World Bank: [site]. URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 15.08.2022).
 17. Fogel R. W. Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1964. xv + 296 p.
 18. Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени = The Cambridge Economic History of Modern Europe : в 2 т. Т. 2 : 1870 – наши дни. М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. 624 с.
 19. Макклоски Д. Риторика экономической науки. 2-е изд. М. ; СПб. : Изд-во Института Гайдара ; Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 328 с.
 20. Nobel Prize : [site]. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1993/summary/> (дата обращения: 10.06.2022).
 21. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Государство и революция. М. : АСТ ; ОГИЗ, 2021. 512 с.
 22. Расков Д. Е. Риторика новой институциональной экономической теории // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 81–95.
 23. Расков Д. Е. Экономическая теория как риторика // Проблемы современной экономики. 2006. № 1–2 (17–18). С. 66–75.
 24. Новиков В. В. Цена правды: какие истории рассказывают экономисты и зачем они это делают // Теории и практики. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/11958-istorii-economistov> (дата обращения: 20.06.2022)
 25. Кламмер А. Странная наука экономика: приглашение к разговору. М.; СПб. : Изд-во Института Гайдара ; Международные отношения, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015. 344 с.
 26. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
 27. Бодрийяр Ж., Сиоран Э. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы. М. : Родина, 2019. 272 с.
 28. Ореховский П. А., Разумов В. И. Время карнавала: российская высшая школа и наука в эпоху постмодерна // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3, ч. 1. С. 77–94. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94>

References

1. *Vikipediia – Svobodnaia entsiklopediia* (Wikipedia – The free encyclopedia). Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Байка> (accessed 20 June 2022) (in Russian).
2. Atkinson A. B. *Neravenstvo: kak s nim byt'?* [Inequality: What Can Be Done?]. Moscow, Delo Publ., 2018. 536 p. (in Russian).
3. Sedláček T. *Ekonomika dobra i zla. V poiskakh smysla ekonomiki ot Gil'gamesha do Uoll-strit* [Economics of Good and Evil. The Quest for Economic Meaning from Gilgamesh to Wall Street]. Moscow, Ad Marginem Press, 2022. 544 p. (in Russian).
4. Ryazanov V. T. *Sovremennaya politicheskaya ekonomiya: perspektivy neomarksistskogo sinteza* [Modern Political Economy: Prospects for a Neo-Marxist Synthesis]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2020, 436 p. (in Russian).
5. Samuelson P. A. Parable and Realism in Capital Theory: The Surrogate Production Function. *Review of Economic Studies*, 1962, vol. 29, iss. 3, pp. 193–206.
6. Roncaglia A. *Bogastvo idei: istoriya ekonomicheskoi mysli* [The Wealth of Ideas: A History of Economic Thought]. Moscow, Publishing House HSE, 2018. 656 p. (in Russian).
7. Rubinstein A. Dilemmas of an Economic Theorist. *Voprosy Ekonomiki*, 2008, no. 11, pp. 62–80 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-11-62-80>
8. Akerlof G. A., Shiller R. J. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press, 2009. 230 p.
9. Akerlof G. A., Shiller R. J. *Spiritus Animalis, ili Kak chelovecheskaia psikhologiya upravliaet ekonomikoi i pochemu eto vazhno dlia mirovogo kapitalizma* [Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism]. Moscow, Yunaited Press, 2010. 273 p. (in Russian).
10. Keynes J. M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Ekonomika Publ., 1993. 543 p. (in Russian).
11. Guriev S. *Mify ekonomiki: zabluzhdeniya i stereotipy, kotorye rasprostraniayut SMI i politiki* [Myths of the Economy: Misconceptions and Stereotypes that are Spread by the Media and politicians]. Moscow, Yunaited Press, 2011. 294 p. (in Russian).
12. Cheremisinov G. A. A modern Scandinavian “Saga about political economy”: “Against the Stream. Critical Essays on Economics” by Gunnar Myrdal. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 243–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-243-254>
13. Kurz H. D. Whither the History of Economic Thought: Going Nowhere Rather Slowly? *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2008, no. 3, pp. 3–25 (in Russian).
14. Friedman M. The Methodology of Positive Economics. *THESIS*, 1994, iss. 4, pp. 20–52 (in Russian).
15. Samuelson P., Barneet W. (eds.) *O chem dumaiut ekonomisty: besedy s nobelevskimi laureatami* [Inside

- the Economist's Mind. Conversations with Eminent Economists]. Moscow, Al'pina Publisher, 2017. 490 p. (in Russian).
16. The World Bank. Site. Available at: <https://data.worldbank.org/> (accessed 15 August 2022).
17. Fogel R. W. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History*. Baltimore, Johns Hopkins Press, 1964. xv + 296 p.
18. *The Cambridge Economic History of Modern Europe. Vol. 2: 1870 to the Present*. New York, Cambridge University Press, 2010. xviii + 468 p. (Russ. ed.: Moscow, Institut Gaydara Publ., 2013. 624 p.).
19. McCloskey D. *The Rhetoric of Economics*. Moscow, St. Petersburg, Institut Gaydara Publ.; Mezhdunarodnye otnosheniya, Fakul'tet svobodnykh nauki i kusstv SPbGU Publ., 2015. 328 p. (in Russian).
20. Nobel Prize. Site. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1993/summary/> (accessed 10 June 2022).
21. Lenin V. I. *Imperializm kak vysshaia stadiya kapitalizma. Gosudarstvo i revoliutsiya* [Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. The State and Revolution]. Moscow, AST Publ., 2021. 512 p. (in Russian).
22. Raskov D. Rhetoric of New Institutional Economics. *Voprosy Ekonomiki*, 2010, no. 5, pp. 81–95 (in Russian).
23. Raskov D. Economic theory as rhetoric. *Problemy sovremennoi ekonomiki* [Problems of Modern Economics], 2006, no. 1–2 (17–18), pp. 66–75 (in Russian).
24. Novikov V. V. The Price of Truth: What Stories Economists Tell and Why They Do It. *Teorii i praktiki* (Theory and Practice). Available at: <https://theoryandpractice.ru/posts/11958-istorii-economistov> (accessed 20 June 2022) (in Russian).
25. Klamer A. *Strannaya nauka ekonomika: priglashiye k razgovoru* [Speaking of Economics: How to Get in the Conversation]. Moscow, St. Petersburg, Institut Gaydara Publ.; Mezhdunarodnye otnosheniya, Fakul'tet svobodnykh nauki i kusstv SPbGU Publ., 2015. 311 p. (in Russian).
26. Leontief W. *Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniia, fakty i politika* [Essays in Economics: Theories, Theorizing, Facts, and Policies]. Moscow, Politizdat, 1990. 415 p. (in Russian).
27. Baudrillard J., Cioran E. *Matritsa Apokalipsisa. Posledniy zakat Evropy* [Apocalypse Matrix. Europe's Last Sunset]. Moscow, Rodina Publ., 2019. 272 p. (in Russian).
28. Orekhovsky P., Razumov V. Carnival Time: Russian Higher Education and Science in the Postmodern Era. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2020, vol. 12, iss. 3, pt. 1, pp. 77–94 (in Russian). <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-77-94>

Поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 18.10.2022
The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 18.10.2022

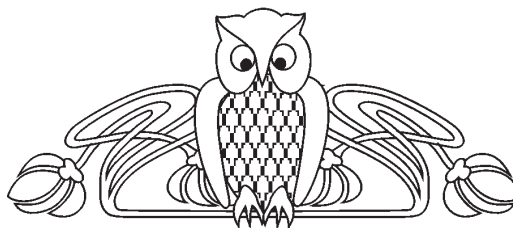

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 371–383
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 371–383
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-371-383>, EDN: FTZQZO

Научная статья
УДК 331.5

Институциональное портфолио российского образования

Н. В. Манохина¹, Н. В. Митяева¹, Н. Г. Устинова² ✉

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

Манохина Надежда Васильевна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента в образовании Института дополнительного профессионального образования, darkanbac@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6948-7791>

Митяева Наталия Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента в образовании Института дополнительного профессионального образования, mityaevanw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6793-7445>

Устинова Наталия Григорьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента, ustinovanataliya@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5038-5998>

Аннотация. Введение. Образовательная система является конституирующей во всех странах, это одна из крупнейших мировых систем, генерирующая и воспроизводящая человеческий, интеллектуальный, когнитивный капитал. Национальные образовательные системы имеют как общие черты, так и отличия, в основе которых уникальные компоненты – институциональные гены. Российское образование наследует многие лучшие традиции предшествующей общественной системы, благодаря которым были достигнуты признанные во всем мире успехи. Большая часть этих традиций приобрела качества институциональных генов, однако это не исключает возникновения устойчивых неэффективных институтов, т.е. институциональных ловушек. Именно такие характеристики российского образования синтезированы в его институциональном портфолио как актуальной и во многом новой темы исследования. **Теоретический анализ.** Данное исследование впервые предлагает подход к российскому образованию с позиций институциональной генетики. Институциональные гены – совокупность институтов, институциональных структур, их взаимодействий, взаимодетерминаций, различных правил игры, которые наследуются, т.е. передаются от предшествующей экономической системы к последующей, развиваются в рамках существующей системы, постоянно воспроизводятся. Институциональные гены могут претерпевать процессы различных изменений – мутации и мимикрии, дисфункции, институциональные патологии. **Эмпирический анализ.** Выделены главные характеристики институциональных генов: они наследуются, изменяются, воспроизводятся в рамках последующих экономических систем, что создает определенную предсказуемость трендов будущего социально-экономического развития и возможность выбора эффективных направлений в политике. Научный интерес представляет исследование новых институциональных ловушек российского образования, что значимо для определения механизмов их нивелирования в общем русле системных трансформаций. **Результаты.** Представлено институциональное портфолио российского образования, содержащее анализ лучших традиций отечественной системы образования, большая часть которой идентифицируется как институциональные гены, и присущие ему новые институциональные ловушки. Обоснована значимость апелляции к институциональной генетике российского образования и к существованию институциональных ловушек, механизмов их нивелирования для обоснования алгоритма развития образовательной системы в соответствии с ее генезисом, национальными приоритетами и стратегическими перспективами.

Ключевые слова: институциональные гены, традиции отечественного образования, институциональные ловушки, институциональное портфолио

Для цитирования: Манохина Н. В., Митяева Н. В., Устинова Н. Г. Институциональное портфолио российского образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 371–383. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-371-383>, EDN: FTZQZO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Institutional portfolio of Russian education

N. V. Manokhina¹, N. V. Mityaeva¹, N. G. Ustinova² ✉

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

Nadezhda V. Manokhina, darkanbac@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6948-7791>

Natalia V. Mityaeva, mityaevanw@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6793-7445>

Natalia G. Ustinova, ustinovanataliya@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5038-5998>

Abstract. Introduction. The educational system is constitutive in all countries, it is one of the world's largest systems that generates and reproduces human, intellectual, cognitive capital. National educational systems have both common features and differences, which are based on unique components – institutional genes. Russian education inherits many of the best traditions of the previous social system, thanks to which world-recognized successes have been achieved. Most of these traditions have acquired the qualities of institutional genes, but this does not exclude the emergence of stable inefficient institutions, i.e. institutional traps. These are the characteristics of Russian education that are synthesized in its institutional portfolio as a topical and, in many ways, new research topic. **Theoretical analysis.** This study for the first time offers an approach to Russian education from the standpoint of institutional genetics. Institutional genes are a set of institutions, institutional structures, their interactions, mutual determinations, various rules of the game that are inherited, i.e. are transmitted from the previous economic system to the next, develop within the existing system, are constantly reproduced. Institutional genes can undergo processes of various changes - mutations and mimicry, dysfunctions, institutional pathologies. Empirical analysis. The main characteristics of institutional genes are highlighted: they are inherited, changed, reproduced within the framework of subsequent economic systems, which creates a certain predictability of trends in future socio-economic development and the possibility of choosing effective directions in politics. The study of new institutional traps in Russian education is of scientific interest, which is significant for determining the mechanisms of their leveling in the general course of systemic transformations. **Results.** An institutional portfolio of Russian education is presented, containing an analysis of the best traditions of the domestic education system, most of which is identified as institutional genes, and its new institutional traps. The significance of the appeal to the institutional genetics of Russian education and the existence of institutional traps, mechanisms for leveling them to substantiate the algorithm for the development of the educational system in accordance with its genesis, national priorities and strategic prospects is substantiated.

Keywords: institutional genes, traditions of domestic education, institutional traps, institutional portfolio

For citation: Manokhina N. V., Mityaeva N. V., Ustinova N. G. Institutional portfolio of Russian education. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 371–383 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-371-383>, EDN: FTZQZO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Образовательная система в нашей стране имеет огромный и сложный путь становления, развития и перманентного реформирования. В свое время обучение в наших вузах было мечтой миллионов из других стран, и эта мечта становилась реальностью для большинства из них. Известен такой факт: когда впервые в мире в космос полетел Ю. А. Гагарин, президент США Джон Кеннеди отметил, что это «самое замечательное научное достижение», это не только победа советской космонавтики, но и заслуга советской системы образования. И далее: «Мы отстаем от Советского Союза, и, я думаю, мы должны признать это» (12 апреля 1961 г., на пресс-конференции в здании Госдепартамента в Вашингтоне, США) [1].

В 1980-е гг. фактически все столичные вузы осуществляли вузовское и послевузовское (аспирантура, ординатура) обучение представителей восточноевропейских стран, стран Африки и Латинской Америки. Повышение квалификации по различным направлениям – медицина, статистика, филология и искусство – было востребовано в западноевропейских странах и реализовывалось для значительного контингента обучающихся. Экспорт образовательных услуг является одним из престижных и доходных механизмов обеспечения увеличения ВВП, динамики экономического роста, усиления конкурентоспособности страны, пополнения национального бюджета.

Особый статус образовательной системы как мейнстрима в воспроизводстве человеческого капитала, его интеллектуальной составляющей побудило авторов разработать

институциональное портфолио российского образования, раскрывающее его лучшие традиции, востребованные не только в национальных рамках, но и на международном уровне, часть которых приобрела качества институциональных генов, а другая часть осталась в благодарной исторической памяти.

В общепринятом смысле портфолио – это самопрезентация, выставка собственных достижений, основные тренды развития и технология развития субъекта. Образовательную систему можно рассматривать как субъектно-объектную, как институциональную систему, и с этих позиций вполне правомерно сделать институциональное портфолио российского образования, включающее, во-первых, лучшие традиции отечественного образования, часть которых идентифицируется в формате особого компонента – институциональных генов, и, во-вторых, институциональные ловушки современного образования, воспроизводство которых непосредственно отражается на интеллектуальных ресурсах страны.

Авторы предпочли именно такой ракурс представления институционального портфолио российского образования, ибо благодаря его лучшим традициям были достигнуты признанные во всем мире достижения в сфере образования и отечественной науки, изобретательства, обеспечено первенство в четвертом технологическом укладе, при этом усиление и расширение лучших традиций может рассматриваться как профилактика возникновения новых институциональных ловушек и гарант нивелирования воспроизводимых в течение последних десятилетий устойчивых неэффективных институтов.

Теоретический анализ

Авторы исходят из того, что институциональная генетика российского образования редуцируется из его лучших традиций, передающихся в течение столетий даже при радикальной смене общественных систем. Рассмотрим лучшие педагогические традиции отечественного образования, которые достойно, хотя и не полностью, сохранились в современной образовательной системе, более того, они успешно были переняты и до сих пор применяются зарубежными образовательными структурами, т.е. импортированы в другие страны.

1. *Патернализм как иерархическая система отношений покровительства, опеки и контроля вышестоящих за нижестоящими.* В сфере образования выражался как политика постоянной всесторонней заботы со стороны государства, что являлось основой патерналистского отношения родителей к системе российского образования. Тенденция к расширению роли государства в образовании не только сохраняется, но и усиливается: государства в образовании становится все больше! [2]. Это подтверждается и статистическими данными: расходы на образование в России в 2020 г. составили 4,6% ВВП, из них госрасходы – 4,0% и только 0,6% – расходы из внебюджетных источников [3, с. 33]. Благодаря патернализму было создано и успешно развивалось бесплатное образование разных уровней – школьное, вузовское и внешкольное, послевузовское (повышение квалификации). Спортивное образование достигло высочайшего уровня – массовой была сдача норм ГТО, впечатляли победы отечественных спортсменов на различных международных соревнованиях и олимпиадах. «Школа плохому не научит, министерство знает, что делает, новые программы и учебники могут быть только лучше старых» – это было кредо родителей до 1990-х гг. Патернализм обеспечивал подлинное уважение общества к образованию и соответствующую мотивацию учащихся, поскольку высокий уровень образования обеспечивал карьеру, достойную зарплату. Молодые люди с высшим образованием с гордостью носили специальные значки о высшем образовании как престижный титульный капитал.

2. Советская система образования основывалась на высоком уровне *академичности и фундаментальности*, это обеспечивалось предметным подходом и его глубокой проработкой. Академики и выдающиеся ученые писали учебники для школьников и студентов. Единобразие школьной программы, обеспечивающей фундаментальность и многообразие полученных знаний, однородные срезы знаний, не исклю-

чало обучения в спецшколах по усложненной программе. В школах проводились предметные недели, представляющие собой различные тематические мероприятия в рамках уроков и вне их, которые были посвящены одному предмету. Например, на неделе литературы организовывали литературный КВН, литературные конкурсы и постановки. Такие предметные недели отлично развивали и закрепляли знания по данному предмету и формировали различные навыки. Обязательное обучение в рамках определенного предмета, как правило, сочеталось с дополнительным образованием: учителя на уроках давали интересную дополнительную информацию, что помогало ученикам лучше усвоить новый материал. Например, тема урока «Законы Ньютона», на котором учитель выделял специально время (3–5 мин.) для ознакомления с биографией этого выдающегося ученого. Это реализация принципа совместного открытия (сооткрытия) знания, ученик проходит вместе с конкретным ученым путь к открытию данного пласта знаний. Традиции академичности и фундаментальности отечественного образования имели весомые экстерналии – давали требуемый уровень довузовской подготовки абитуриентов, поступающих в вузы.

3. Одной из лучших традиций отечественного образования, грамотно и бережно наследуемой до сих пор, является *организация досуга, дополнительное обучение* в различных кружках программирования и 3Д-печати, студиях анимации и граффити, воркаут (уличная гимнастика), в клубах юннатов, центрах, музыкальных, художественных и спортивных школах. Польза очевидна – повышение успеваемости, новые знания и навыки, новые друзья, умение коммуницировать, формирование интеллектуального и социального капитала. В настоящее время в значительной степени успеваемость учеников связана с освоением иностранных языков в рамках различных курсов [4].

4. *Престижность и высокое качество технического образования.* Статистика утверждала: каждый четвертый инженер в мире – наш! Страна имела огромный научно-технический потенциал, и реализовывать его должны были высококлассные специалисты. Отечественные инженеры имели высокую репутацию мирового уровня: разрабатывали новые модели самолетов, помогали возводить атомные и гидроэлектростанции в братских странах, металлургические и машиностроительные предприятия, учили технико-технологическому мастерству обучающихся из других стран. Именно высокий уровень технического образования обеспечил прорыв и

победу в рамках 4-го технологического уклада, подарил миру много изобретений, открытий от отечественных технических талантов. Стране удалось преодолеть последствия массовой эмиграции русских ученых в послереволюционные

годы прошлого столетия и создать целую плеяду выдающихся ученых в сфере естественных и технических наук. Это наглядно подтверждают Нобелевские премии в области физики, химии и экономики (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Нобелевские премии в области физики, химии и экономики
Nobel Prizes in Physics, Chemistry and Economics**

Год	Область знаний	Персоналии	Открытия
1958	Физика	Черенков П. А., Тамм И. Е., Франк И. М. (СССР)	Открытие и истолкование эффекта Черенкова
1962	Физика	Ландау Л. Д. (СССР)	Пионерские теории конденсированных сред и особенно жидкого гелия
1964	Физика	Басов Н. Г., Прохоров А. М. (СССР)	Фундаментальные работы в области квантовой электроники, которые привели к созданию излучателей и усилителей на лазерно-мазерном принципе
1978	Физика	Капица П. Л. (СССР)	Базовые исследования и открытия в физике низких температур
1956	Химия	Семенов Н. Н. (СССР)	Исследования в области механизма химических реакций
1975	Экономика	Канторович Л. В. (СССР)	Вклад в теорию оптимального распределения ресурсов
2000	Физика	Алферов Ж. И. (Россия)	Разработки в полупроводниковой технике
2003	Физика	Абрикосов А. А., Гинзбург В. Л. (Россия)	Создание теории сверхпроводимости второго рода и теории сверхтекучести жидкого гелия-3
2010	Физика	Новоселов К. С. (Россия)	Новаторские эксперименты по исследованию двумерного материала графена

5. *Преимущественное формирование основных навыков и базовых компетенций*, среди которых главными были настоящая любовь к школе, учителям, уважение старших, своих товарищей, истинная тяга к знаниям. Современным ученикам сложно представить, что непредвиденные отмены занятий по причине сильных морозов или эпидемии гриппа большинством учащихся воспринималось не позитивно.

Базовым навыком отечественного образования являются глубокие знания классической и современной литературы. Чтение в огромных объемах и написание самостоятельно множества сочинений способствовало научению русского языка, повышало уровень грамотности, развивало конкретное и абстрактное мышление, формировало интеллект учащегося. Читали не только много, но и системно: досконально знали произведения классиков – А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и других, современную для того времени литературу.

Одним из важных навыков, к сожалению, во многом утраченный, был красивый почерк. Это заслуга не только написания всех классных

и домашних заданий перьевой ручкой, это и прививание навыков делать все качественно и с первого раза. Постепенно это входило в каждодневную привычку. Навыки личной и коллективной ответственности перед своими сверстниками, старшими, учителями, школой. Были дежурные по классу, по кабинету, где проходили предметные занятия, совместные уборки в классе перед новой четвертью, субботники по благоустройству школьной территории. Прививание навыков самостоятельного вдумчивого выполнения учебных заданий. Родители не сидели с детьми за их уроками до 5–7 класса, навыки самостоятельной работы прививались с первого дня школы. Формирование и развитие навыков самоуправления и саморегуляции. Ученикам в назначенный день самоуправления в школе доверялось самостоятельное проведение уроков. Постоянной практикой была методика взаимопроверок выполненных на уроке заданий. Эту методику активно использовал создатель особой школы обучения Виктор Шаталов. Навыки любви к труду. Ребенка учили трудиться с детского возраста – этому способствовали уроки

технологии, дежурства по школе, субботники на улице. Чувство ответственности прививала коллективная, общественная работа.

Начиная со школы, и даже ранее, система дошкольного воспитания, начального образования постоянно формировала и развивала жесткие навыки (*hard skills*) – знание в области естественных, гуманитарных наук, и мягкие навыки (*soft skills*) – умение общаться с одноклассниками, уважение к старшим и т.д., и делала это, даже не употребляя данную терминологию. Сейчас принято выделять разного уровня навыки, формируемые со школьной скамьи: экзистенциальные навыки (могут универсально применяться в различных жизненных ситуациях: осознанность, целеполагание, управление вниманием; жизнестойкость; креативность, открытость и ориентация на развитие, готовность действовать/решительность, эмпатия/сострадание); кроссконтекстные навыки – «новые грамотности» в более широкой сфере деятельности (функциональная грамотность, финансовая грамотность, цифровая грамотность, экологическое мышление, способность к сотрудничеству и совместной работе); контекстные (специализированные, профессиональные, физические, социальные) навыки.

Отметим и такие лучшие традиции отечественного образования, как привлечение родителей к участию в жизни школы – и не только в рамках родительского собрания, но и для проведения тематических выступлений, например, участники и ветераны войны, живые свидетели и участники исторических боев; преподаватели высшей школы вели факультативы и читали спецкурсы, представители разных профессий проводили беседы, что помогало и мотивировало учащихся в выборе будущей профессии; существовала система взаимопомощи, шефства и дежурства; была связь со школой, вузом после их окончания (традиции сбора выпускников), с жизнью за пределами учебного заведения, а также традиционная форма экзаменов по предмету.

Современная школа и вузы приоритетными сделали на экзамене тесты и ответы на вопросы в письменной форме, при этом большинство преподавателей считают более приемлемым и незаслуженно преданным забвению экзамен в устной форме, в процессе которого ученик проводит ревизию собственных знаний, учится анализировать, сравнивать, делать выводы, выражает свое согласие или несогласие. В настоящее время образование ориентируется на законы рынка, на тотальную монетизацию, на спрос и предложение, различные конкурентные стратегии, на организацию подготовительных

курсов для поступления в школу, которые сейчас приобретают массовый и обязательный характер, а поскольку сама по себе рыночная система отличается неопределенностью, нестабильностью и волатильностью по многим параметрам, то необходимо уже в начальной школе прививать учащимся навыки аналитического мышления и адаптации к различным изменениям.

Отметим и ряд недостатков отечественной системы образования в директивной экономике.

• *Сильная идеологизация гуманитарного образования*, и прежде всего общественных дисциплин, таких как политическая экономия, научный коммунизм, история. Конспектирование огромного массива работ К. Маркса, В. И. Ленина и глубокое знание их содержания было основным и обязательным в вузовском образовании, а первое знакомство с работами этих классиков происходило еще в школе. Издавались и постоянно обновлялись фундаментальные труды по критике буржуазных экономических теорий, в которых подробно излагалось не только критическое отношение к ним, но и содержание этих теорий, что позволяло при наличии высокого уровня критического мышления учащихся объективно оценить их «вред». Сильная идеологизация была присуща даже художественному образованию, например, приветствовались монументальные полотна с военной тематикой, героизацией труда, портреты выдающихся военачальников, передовиков производства. Идеологизация была столпом и художественной литературы, прозы и поэзии. Но разве эти страницы истории и эти личности не заслужили достойного художественного воплощения?! Идеологизированы были и градостроительство, архитектура и дизайн, производство канцелярских принадлежностей (тетради с цитатами выдающихся политиков, деятелей науки и культуры). Однако до сих пор самыми престижными и потому дорогими в столице и других городах страны являются квартиры-«сталинки» с высокими потолками, большими метражами и расположенные в исторической зоне. Даже бывшие «хрущевки» в Сокольниках ценятся выше новостроек с собственной инфраструктурой в новой Москве.

• *Гипертрофированное единообразие (унификация) и сильная централизация школьного образования*. В меньшей степени это относилось к высшему образованию с его избирательными контактами с зарубежными странами. Одному из соавторов статьи хочется привести пример собственного опыта учебы в аспирантуре в МЭСИ в 80-е гг. XX в. В то время в МЭСИ учились и получали высшее образование, затем продолжа-

ли учиться в аспирантуре и нередко оставались в вузе представители всех континентов, из стран Латинской Америки, Кубы, Африки, Юго-Восточной Азии, Европы, включая все постсоветские страны, на стажировку длительностью в несколько месяцев приезжали специалисты с высшим образованием из Франции, Италии и других стран. В те годы в МЭСИ открылся факультет кибернетики, быстро ставший престижным и пользующимся огромным международным спросом.

• «Недостаточное воспитание критического мышления у индивидов, в результате чего общество оказалось неспособным противодействовать разного рода манипуляциям в процессе информационной войны» [5].

Авторы считают, что сильная идеологизация не отменяла, а, наоборот, способствовала формированию и развитию критического мышления в формате диссидентской литературы А. Солженицына, А. Синявского, С. Довлатова, В. Аксенова, поэзии и песен В. Высоцкого, творчества М. Шемякина, Э. Неизвестного и др.

Итак, что из этих традиций можно идентифицировать в качестве институциональных генов российского образования?

Эмпирический анализ

Авторы полагают, что в российской системе образования существуют институциональные гены. Институциональные гены – совокупность институтов, институциональных структур, их взаимодействий, взаимодействий, различных правил игры, которые наследуются, т.е. передаются от предшествующей экономической системы к последующей, развиваются в рамках существующей системы, постоянно воспроизводятся, и при этом институциональные гены могут претерпевать процессы различных изменений – мутации и мимикрии, дисфункции, институциональные патологии. Выделим главные характеристики институциональных генов: наследуемость, изменяемость, воспроизводство в рамках последующих экономических систем, что создает определенную предсказуемость трендов будущего социально-экономического развития и возможность выбора эффективных направлений в политике.

Раскроем институциональные гены российского образования. Лучшие традиции, редуцирующие в институциональные гены, фактически выполняют роль институциональных скреп, создающих каркас отечественного образования.

1. *Фундаментализм и академизм в преподавании дисциплин и предметов.* Научная фундаментальность и мировоззренческая целост-

ность системы образования. Научная картина мира – главное направление образовательной деятельности, начиная с начальной школы. Уже со 2-го класса ученики изучают окружающий мир, постепенно вводятся новые, более сложные предметы – история, биология, география, что обеспечивает накопление и систематизацию знаний. Ученики изучают мир как единую сложную систему с многообразной структурой, имеющей физическое, биологическое, геологическое, общественное, экономическое содержание. Изучение окружающего мира во всем его многообразии и противоречивости дает о нем полное современное представление, генерирует новые знания и умения, закрепляет их в сознании, памяти обучающихся. В соответствии с целью формирования мировоззренческой целостности формируется и система учебных дисциплин как в школе, так и в вузах. Научную фундаментальность обеспечивает и высокий научно-методический и учебно-методический уровень источников для образовательной деятельности на различных уровнях: современные учебники, учебные пособия, написанные известными специалистами в своей области, в том числе и академическим сообществом, постоянное совершенствование профессиональных качеств учителей, преподавателей в рамках повышения квалификации и профессиональной переподготовки, и прежде всего в рамках ИДПО в СГУ имени Н. Г. Чернышевского, где обучаемый контингент имеет возможность пополнить свои знания по различным направлениям гуманитарных, технических и естественных наук.

2. *Ген идеологизации.* Любое общество, имманентной частью которого является образование, в основе своей имеет идеологию. Это неотъемлемый институциональный ген любой системы образования, который достаточно лабилен и может изменяться в различных формах: мутации (изменение формы), мимикрии (изменение содержания), деформация (снижение эффективности), патологии (недопустимые деструктивные проявления), но никогда не может упраздниться. По сравнению с геном идеологизации в предыдущей образовательной системе в нашей стране, проявлявшимся не только в твердом убеждении, что наши идеалы и все советское – самое лучшее, в претворении таких идеалов в жизнь, в вере в торжество таких идеалов во всем мире, но и в космополитизме, резком критическом отношении к другому, полярному нашим ценностям и традициям миру капитализма, в современной системе образования этот ген идеологизации достаточно сильно мутировался. Идеология современных школ упразднила семейный уклад

советской школы, разобщила всех субъектов образовательного процесса – учеников, учителей, родителей, администрацию. Новейшими формами обучения становится геймеризация, что превращает его в развлечение, дружба заменяется соперничеством, оценки за учебу – сбором и накоплением личных заслуг для портфолио. Идеология конкуренции и победы в ней любой ценой становится доминирующей идеологией современного образования.

3. *Ген русской классической системы обучения*, синтезирующей гуманитарное, естественное, политехническое, трудовое образование. Система предметов, начиная со школы, уже формирует разносторонность образования, закладывая это в мировоззренческие основы обучаемых.

4. *Принципы обучения*. Принцип понимания был положен в основу обучения в отечественной образовательной системе. Он учитывался везде – при разработке программ, содержания учебников, которые великолепны и сейчас являются шедеврами педагогической науки, и дидактических средств обучения. Принцип понимания комплементируется такими обязательными в образовании фундаментальными принципами, как постепенность, предметность, необходимость и достаточность, системность, учет индивидуальных, в том числе возрастных и психологических особенностей обучающихся на разных образовательных уровнях. Дидактический принцип сочетания практического действия и последующего теоретического обобщения неуклонно соблюдался в советской школе, особенно на первоначальном этапе обучения, когда ребенок еще не имеет форм абстрактного мышления и оперирует в процессе обучения лишь наглядно-образными и наглядно-действенными способами познания. Далее отметим такие принципы обучения, как индивидуальный подход к обучаемым, формирование у них активности, самостоятельности, творческого подхода, связи с практикой, стратегическим курсом и базовыми программами развития страны. Дифференцированный подход к учащимся, институционализированный на практике, например в создании и развитии системы спецшкол. Четкая институционализация статусов: преподаватель – принципал, ученики, студенты – агенты. Высокая роль личности преподавателя. Делегирование выполнения учебных заданий вне образовательной организации (дома). Пролонгация учебного процесса за рамками образовательного учреждения. Организационная культура – интерьер (доски, парты, столы на двоих), форма. В ряде

школ – обязательная школьная форма (может быть персонифицирована для данной школы, лицея, гимназии). Запрет на пребывание в спортивной одежде на занятиях в вузах.

5. *Подвижничество в генерации и внедрении новых образовательных программ*, курсов, в том числе и онлайн, новых образовательных технологий, участие в различных общественных движениях (волонтерство).

6. *Консерватизм в разумных пределах* как антитеза бесконечному перманентному реформированию. Отметим, что страсть к непрекращающейся модернизации отечественного образования на всех уровнях привела, к сожалению, к снижению качества образования. Приведем один только факт. В 2012 г. был запущен и позднее продлен до 2020 г. Проект 5-100 как российская государственная инициатива по адаптации университетов (в числе участников был 21 университет) к мировым стандартам и включение пяти из них в международную образовательную среду; расходы по проекту составляли 80 млрд руб. Однако ни один из российских вузов не вошел в топ-100 международных рейтингов [6]. Только МГУ попал в 2020 г. в первую сотню вузов двух мировых рейтингов – 89-е место в рейтинге QS, 93-е место в рейтинге ARWU; в рейтинге THE он 189-й, но при этом он не являлся вузом-участником Проекта 5-100.

Много откликов вызывал доклад российского педагога, кандидата педагогических наук, учителя математики, автора книг и учебников А. В. Шевкина «Деградация образования – это больше, чем ошибка, это преступление» на конференции «Пути преодоления кризиса в образовании. Консолидация родительских и научных сообществ России», проведенной в рамках Всероссийского родительского съезда «Будущее России» 22 мая 2021 г. А. В. Шевкин отмечает, что «реформаторы» делают вид, что заботятся о развитии образования, осуществляют одно мероприятие за другим, никогда не отчитываясь о выгодах, которые получает образование. Причины тут очевидны: нет научно установленных выгод, нет независимых экспертиз влияния их деятельности на состояние образования в стране, есть только их отчеты о росте придуманных ими показателей и планы движения вперед... к пропасти, им не нужен подъём и развитие государства Российского» [7].

Отметим, что институциональная генетика российского образования прорастает в неожиданных формах. Поскольку многие родители неудовлетворены современной системой школьного образования, то сейчас в тренде стали курсы по изучению грамоты 1940–1950 гг., онлайн-ма-

газины, торгующие переизданными букварями 70-летней давности, семейные классы, где по таким учебникам преподают. В последние годы в рамках родительского сообщества в нашей стране появились инициативные группы, считающие более продуктивным образование по советским учебникам, особенно популярны издания послевоенных лет [8]. У них есть весомые претензии к современному образованию – упор на фонетику в первом классе мешает ребенку стать грамотным, в математике примитивность программы. В группе под названием «Сталинский букварь: партизанское движение в области образования» насчитывается почти 43 тыс. подписчиков, которые ориентируются на традиции советского образования. У данной группы есть свой онлайн-магазин, в котором продаются переизданные учебники советских времен по многим предметам и можно скачать электронные копии этих пособий и методические материалы. Учебники того времени переиздает и «Родительское Всероссийское сопротивление».

О возврате к советской школе приводила свои аргументы и экс-министр образования О. Васильева [9]. Сделаем их «скан».

1. *Нравственное воспитание. Сегодня у нас дети, завтра у нас народ.* Хотелось бы привести следующие аргументы. Во времена советской системы образования были единые ценности и нравственные ориентиры. Они закладывались еще в дошкольном воспитании и образовании – это равенство, братство, уважение старших, помощь друг другу. Сейчас по таким ценностям ни общество, ни отдельный гражданин не живут и не ориентируются на них. Произошла смена институциональных матриц, и на место коллективизму и взаимопомощи пришли индивидуализм и себялюбие, эгоизм.

2. *Единый стандарт.* По всей стране должно быть единое образовательное пространство и программа всех школ – тоже единой, что не исключает творчества и вариативности. По мнению авторов, единение образовательного пространства сейчас сложно достигнуть в условиях разноуровневого обучения в школе – разные образовательные программы (к традиционным относятся программы: «Классическая начальная школа», «Начальная школа XXI века», «Перспективная начальная школа», «Школа 2100», «Школа России», «Планета знаний», «Гармония», «Перспектива»), есть Развивающая программа Занкова, Система Эльконина – Давыдова и в вузе – бакалавриат, специалитет, магистратура.

Отметим, что в наиболее престижных вузах – МГИМО, МГУ, ВШЭ – дисциплины читаются на иностранных языках.

3. *Трудовое воспитание. Лениность – основа порока. Человек должен трудиться – душой, руками и головой.* В настоящее время на уроках труда в большинстве начальных школ плетут браслеты из бисера и занимаются оригами, затем в более старших классах уроки труда упраздняются. Мы считаем, что трудовое воспитание может быть в других формах – на уроках труда, которые стоит возродить в школах, в уголке живой природы, в рамках волонтерского движения.

4. *Ученические производственные бригады. Учащиеся должны заниматься общественно полезной деятельностью.* На наш взгляд, сложно воплотить для городских школ, возможно для сельских школ.

5. *Уборка. Уборка школьных помещений никак не граничит с угрозой жизни и здоровью школьника.* Приведем такой аргумент: прекрасные идеи, цивилизационный подход, но не уборкой в школе к этому приучать, там есть уборщицы, получающие за это зарплату. Дети приходят в школу в чистых отглаженных вещах стоимостью в несколько тысяч рублей и заниматься уборкой в таком виде проблематично. Раньше были классные часы и труд, уборка школы обязательна для всех, сейчас большинство родителей будет против, и с их аргументами можно согласиться.

Рассмотрим *институциональные ловушки российского образования.*

Под институциональной ловушкой понимается не только неэффективная устойчивая норма (институт), но и *устойчивые неэффективные взаимосвязи между нормами (институтами)*, что и обеспечивает их самоподдерживающийся характер. Институциональные ловушки могут способствовать возникновению институционального вакуума, т.е. отсутствия необходимых институтов, нивелирующих действие этих ловушек. Может происходить процесс коллаборации институциональных ловушек, тогда формируется целая система этих ловушек и нужны сильные противодействия [10].

Итак, в чем заключаются институциональные ловушки современного российского образования. Авторы не рассматривают в рамках данной статьи уже известные институциональные ловушки, такие как недостаточное финансирование образовательных организаций, диссертационную ловушку, высокую степень участия администрации вуза в принятии решений, массовость высшего образования и т.д., но выделяют и раскрывают новые институциональные ловушки.

1. Расширение участия государства в отечественной образовательной системе. Поясним, почему считаем это институциональной ловушкой.

Конечно, государство должно быть принципалом в данной системе, но когда все и вся является здесь функцией только государства – это сильная нагрузка на госбюджет, это неэффективно, ибо есть и другие игроки образовательного пространства – корпорации, различные предпринимательские структуры, частно-государственные организации с весьма скромным участием в производстве образовательных продуктов. Так, доля частных образовательных структур на российском образовательном рынке в 2017 г. составляла 19,2%, сейчас число частных вузов – 213 (2010 г. – 462), сократилось и число государственных вузов с 653 до 497 [11].

Отметим, что совокупные расходы на образование сокращались с 5,1% ВВП в 2006 г. до 4,1% в 2017–2018 гг., затем росли, и в 2019 г. этот показатель составлял 4,3% ВВП [2]. Общие затра-

ты на образование (в постоянных ценах к уровню 2010 г.) в нашей стране увеличились на 15%, бюджетные траты выросли на 20%, а внебюджетные при этом сократились на 11% (рисунок). Однако, несмотря на расширение присутствия государства в образовании, по расходам на него Россия отстает от развитых стран. Так, в Рейтинге стран мира по уровню расходов на образование (2016 г.) Россия занимала 120-е место с долей расходов в ВВП в 3,7% [12]. Расходы на высшее образование в 2018 г. составляли 689,7 млрд руб., в 2019 г. – 829,2 млрд руб., в 2020 г. – 847,1 млрд руб., что составило 1% ВВП, в 2021 г. – 881,3 млрд руб. По этому показателю РФ находится на сопоставимом уровне с Италией, Испанией, Германией, Францией, Японией (0,9–1,2% ВВП), но отстает от США, Великобритании, Канады, Швеции, Республики Корея (1,4–2,5% ВВП).

РАСХОДЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ В РФ (% К ВВП) ИСТОЧНИК: ИСИЭЗ.

Расходы на образования, в том числе госрасходы [2] (цвет online)
Figure. Expenditure on education, incl. government spending [2] (color online)

В системе высшего образования наше государство расходует на одного обучающегося 393,3 тыс. руб., относительно уровня 2010 г. этот показатель вырос на 11,4% в постоянных ценах. Доля студентов-бакалавров, специалистов и магистрантов, обучающихся за счет бюджета, растет: на начало 2020/2021 учебного года она составляла 47%, в 2020 г. – 37%. Сегодня на одного учащегося РФ тратит около 6,09 тыс. долл., тогда как в среднем по странам ОЭСР

этот показатель составляет 11,2 тыс. долл., и он в три раза меньше по сравнению с США [13]. При этом экономия финансовых средств на образование пока еще не отражается на качестве человеческого, интеллектуального капитала. Россия вошла в десятку стран мира с наилучшими показателями по развитию человеческого капитала за последние 10 лет, что обеспечивается, прежде всего, высокой доступностью образования.

2. Недостаточный уровень компьютеризации образовательных структур. Представим уровень компьютеризации образовательных структур (табл. 2).

В Саратовской области более 150 населенных пунктов остаются без качественной сотовой связи и интернета, у жителей 93 населенных пунктов нет интернета [14].

Таблица 2 / Table 2

Уровень компьютеризации в образовательных организациях России (число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, на 100 обучающихся образовательных организаций, ед.)
The level of computerization in educational organizations in Russia (number of personal computers used for educational purposes per 100 students of educational organizations, units)

Виды образовательных организаций	Всего	С доступом к интернету
Образовательные организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования	15,9	12
Образовательные организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования	17,6	15,1
Образовательные организации высшего образования	22,8	21,5

Сост. по: [3, с. 41].

3. Нелинейная зависимость зарплаты в образовательных организациях от результатов, в вузах – от научных результатов. Фактически во всех образовательных организациях основным способом повышения дохода является не результат образовательной деятельности, а доступ к административным ресурсам. Это обуславливает высокую дифференциацию зарплаты между учителями, преподавателями и сотрудниками-управленцами. Ректоры и проректоры в среднем получают зарплату на 53% больше по сравнению с профессорско-преподавательским составом (ППС), на уровне факультетов деканы, их заместители получают на 22–24% больше зарплаты ППС, руководители департаментов, лабораторий и кафедр имеют зарплату на 37% больше других сотрудников [15]. Отсюда слабая мотивация у работников образовательных структур к повышению своего профессионального уровня, квалификации, освоению новых компетенций, научной деятельности и сильная – к получению административного ресурса.

4. Гендерный дисбаланс. Он проявляется в разных формах:

– преобладающая доля женщин в сфере образования в российской сфере – 82,0%, в среднем по экономике их доля 48,6%, больше всего женщин в начальной и средней школе – до 88,9%, в вузах доля сотрудников-женщин 57,6%, при этом руководящие посты чаще всего занимают мужчины;

– в научной сфере преобладают мужчины, их доля 60,8% по сравнению с 39,2% исследователь-женщин, при этом половина из них работают в области технических наук [16];

– уровень остроты: согласно проведенному анализу Высшей школы экономики (ВШЭ), 14% мужчин в российских вузах имеют степень доктора наук и 51% – кандидата наук; женщины со степенями докторов и кандидатов составляют соответственно 6 и 45%. Такой дисбаланс называют стеклянным потолком в науке;

– женщины в вузовской иерархии реже занимают должность профессора, доцента или старшего научного сотрудника – 27% против 40% среди мужчин;

– мужчины чаще являются деканами, заместителями деканов и руководителями, женщины чаще всего работают на кафедрах в должности доцента, преподавателя;

– в обычных вузах преподаватели-мужчины получают на треть (32,5%) больше, чем их коллеги-женщины. В университетах со статусом такой гендерный дисбаланс в оплате труда отсутствует;

– на постах управленцев в науке и образовании женщин 12,8% среди руководителей институтов ФАНО, 16,3% – среди ректоров вузов Минобрнауки и 13,3% – среди ректоров вузов Минздрава. В российских школах, наоборот, директора школ, гимназий и лицеев в основном женщины, более того, в школах на десять женщин-педагогов приходится один мужчина [17].

Гендерная разница в опыте работы составляет в среднем 5,6 лет (25,6 лет для мужчин и 20,0 для женщин) [18, с. 227–228, 245, 335]. Отметим, что отдельные институциональные инновации – новые правила игры и генерирующие и поддерживающие их игроки, создаваемые структуры при наращивании их дисфункциональных проявлений, явной неэффективности – становятся институциональными ловушками [19]. Так, к

рассмотренным выше институциональным ловушкам можно добавить и следующие **институциональные ловушки высшего образования**:

– сокращение государственных источников финансирования и изменение их структуры;

– усиление конкуренции между вузами за дополнительное финансирование за счет коммерческих источников и, как результат, усиление девиантного поведения вузов (повышение эластичности образовательных услуг по цене и качеству);

– наличие в обществе «перевернутой структуры индивидуальной мотивации» с акцентом на титульный капитал (символические и статусные образы) в ущерб развитию способностей, усвоению знаний и приобретению новых компетенций;

– ловушки цифровизации высшего образования, ловушка метрик (введение и использование различных количественных показателей для регулирования и оценки деятельности НПП, вузов) и девальвация преподавательской деятельности, дефицит высококвалифицированных кадров, снижение экспорта образовательных услуг российских вузов на мировом рынке;

– снижение отдачи вложений в человеческий капитал, размывание преимуществ получения высшего образования как условия карьерного продвижения.

Институциональными ловушками школьного образования становятся:

– дополнительное платное образование в лицеях и гимназиях;

– асимметричность образовательных программ и получаемых знаний;

– совместительство и репетиторство преподавательского состава;

– возрастающая бюрократия;

– цифровизация образования.

Проявляющаяся дисфункция цифровой экономики обуславливает новые институциональные ловушки, связанные с цифровизацией образования: сильная зависимость от гаджетов, экранное восприятие, клиповое мышление и т.д. [20].

Существование институциональных ловушек на российском образовательном рынке приводит к необходимости постоянного реформирования образовательной среды в соответствии с национальными целями и перспективами развития.

Список литературы

1. «Великий триумф Советского Союза». Высказывания иностранных политиков о полете Гагарина. URL: https://tass.ru/info/11116465?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 16.05.2022).
2. Государства в образовании становится все больше! URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5192784> (дата обращения: 01.02.2022).
3. Индикаторы образования: 2022 : стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, О. А. Зорина [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2022. 532 с.
4. Тенишева К. Как внеклассные занятия влияют на успехи школьников // Сборник трудов XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 12 апреля 2019 г. М. : НИУ ВШЭ. URL: <https://conf.hse.ru/2019/search/search.html?text=%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B0&simple=1&searchid=2284688> (дата обращения: 29.04.2022).
5. Плюсы и минусы советского образования. URL: https://ruxpert.ru/%D0%9F%D0%BB%D1%8E%D1%81%D1%8B_%D0%B8_%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%83%D1%81%D1%8B_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F (дата обращения: 12.06.2022).
6. Вузы из проекта «5-100» так и не вошли в топ-100 международных рейтингов. URL: <https://www.rbc.ru/society/18/02/2021/602cbdf9a7947765cbb58e5> (дата обращения: 31.05.2022).
7. Деградация образования – это больше, чем ошибка, это преступление. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3299448.html> (дата обращения: 02.05.2022).
8. Аликин А., Ермаков Д. Вперед в прошлое: как российских детей учат по «сталинским» учебникам. URL: <https://ria.ru/20210119/obrazovanie-1593462601.htm> (дата обращения: 02.05.2022).
9. Пять доводов Ольги Васильевой, почему нам нужно вернуться к советской школе. URL: https://mel.fm/vospitaniye/sovety/1642539-arguments_vasilieva (дата обращения: 12.06.2022).
10. Манохина Н. В. «Институциональные ловушки» и институциональный вакуум в российской инновационной среде // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 5. С. 44–48.
11. Количество россиян с высшим образованием превысило 31 процент. URL: <https://rg.ru/2021/06/15/kolichestvo-rossiian-s-vyshhim-obrazovaniem-prevysilo-31-procent.html> (дата обращения: 12.05.2022).
12. The World Bank, UNESCO Institute for Statistics: Global Education Expenditure 2020. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure> (дата обращения: 12.06.2022).
13. Россия тратит на одного учащегося в три раза меньше Америки. URL: https://www.ng.ru/economics/2020-09-21/4_7969_education.html (дата обращения: 01.06.2022).

14. В Саратовской области у жителей 93 населенных пунктов нет интернета. URL: <https://saratov24.tv/news/v-saratovskoy-oblasti-u-zhiteley-93-naselennykh-punktov-net-interneta/> (дата обращения: 20.03.2022).
15. *Prakhov I., Rudakov V.* The determinants of faculty pay in Russian universities: Incentive contracts // *European Journal of Higher Education*. Vol. 11, iss. 4. P. 408–431. <https://doi.org/10.1080/21568235.2020.1870243>
16. Женщины ушли в школу. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4282579> (дата обращения: 18.04.2022).
17. Почему среди учителей на десять женщин приходится один мужчина. URL: <https://rg.ru/2019/09/21/reg-urfo/pochemu-sredi-uchitelej-na-desiat-zhenshchin-prihoditsia-odin-muzhchina.html> (дата обращения: 12.06.2022).
18. Индикаторы образования: 2021 : стат. сб. / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, В. И. Кузнецова [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2021. 508 с.
19. *Устинова Н. Г.* Генерация и воспроизводство институциональных инноваций // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 48–54. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-1-48-54>
20. *Митяева Н. В.* Социальная эффективность и дисфункции цифровой экономики в условиях пандемии // *Генезис ноономики: НТП, диффузия собственности, социализация общества, солидаризм. Сборник пленарных докладов Объединенного международного конгресса СПЭК-ПНО-2020 / под общ. ред. С. Д. Бодрунова*. Т. 2. М. : ИНИР, 2021. С. 572–578.
1. “*Velikiy triumf Sovetskogo Soiuz*”. *Vyskazyvaniya inostrannykh politikov o polete Gagarina* (The Great Triumph of the Soviet Union. Statements of Foreign Politicians about Gagarin’s Flight). Available at: https://tass.ru/info/11116465?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (accessed 16 May 2022) (in Russian).
2. *Gosudarstva v obrazovanii stanovitsia vse bol’she* (The government’s involvement in education is becoming higher). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5192784> (accessed 1 February 2022) (in Russian).
3. Bondarenko N. V., Gokhberg L. M., Zorina O. A. et al. *Indikator obrazovaniya: 2022* [Indicators of Education: 2022. Statistical Collection]. Moscow, HSE Publ., 2022. 532 p. (in Russian).
4. *Tenisheva K.* How extracurricular activities affect the success of schoolchildren. *Materials of the XX April International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development. Higher School of Economics*. April 9–12. Moscow, 2019. Available at: <https://conf.hse.ru/2019/search/search.html?text=%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B0&simple=1&searchid=2284688> (accessed 29 April 2022) (in Russian).
5. *Pliusy i minusy sovetskogo obrazovaniya* (Pros and cons of Soviet education). Available at: https://ruxpert.ru/%D0%9F%D0%BB%D1%8E%D1%81%D1%8B_%D0%B8_%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D1%83%D1%81%D1%8B_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F (accessed 12 June 2022) (in Russian).
6. *Vuzy iz proekta «5-100» tak i ne voshli v top-100 mezhdunarodnykh reitingov* (Universities from Project “5-100” are not in International Top Universities Rankings). Available at: <https://www.rbc.ru/society/18/02/2021/602cbdf9a7947765cbb58e5> (accessed 31 May 2022) (in Russian).
7. *Degradatsiya obrazovaniya – eto bol’she, chem oshibka, eto prestuplenie* (The Degradation of Education is Worse than Mistake, it’s Crime). Available at: <https://regnum.ru/news/polit/3299448.html> (accessed 2 May 2022) (in Russian).
8. *Alikin A., Ermakov D. Vpered v proshloe: kak rossiiskikh detei uchat po «stalinskim» uchebnikam* (Forward to the past: How Russian children are taught according to “Stalinist” textbooks). Available at: <https://ria.ru/20210119/obrazovanie-1593462601.htm> (accessed 2 May 2022) (in Russian).
9. *Piat’ dovodov Ol’gi Vasil’evoi, pochemu nam nuzhno vernut’sya k sovetskoi shkole* (Olga Vasilyeva’s five reasons why we need to return to the Soviet school). Available at: https://mel.fm/vospitaniye/sovety/1642539-arguments_vasilieva (accessed 12 June 2022) (in Russian).
10. *Manokhina N. V.* “Institutional traps” and institutional vacuum in the Russian innovation environment. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 2011, no. 5, pp. 44–48 (in Russian).
11. *Kolichestvo rossiyan s vysshim obrazovaniem prevysilo 31%* (The number of Russians with higher education exceeded 31%). Available at: <https://rg.ru/2021/06/15/kolichestvo-rossiian-s-vysshim-obrazovaniem-prevysilo-31-procent.html> (accessed 12 May 2022) (in Russian).
12. *The World Bank, UNESCO Institute for Statistics* (2022) *Global Education Expenditure 2022*. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/global-education-expenditure> (accessed 12 June 2022) (in Russian).
13. *Rossiya tratit na odnogo uchashhegosa v tri raza men’she Ameriki* (Russia’s spendings per student are three times less than in the US). Available at: https://www.ng.ru/economics/2020-09-21/4_7969_education.html (accessed 1 June 2022) (in Russian).
14. *V Saratovskoy oblasti u zhiteley 93 naselennykh punktov net interneta*. Available at: <https://saratov24.tv/news/v-saratovskoy-oblasti-u-zhiteley-93-naselennykh-punktov-net-interneta/> (accessed 20 March 2022) (in Russian).

15. Prakhov I., Rudakov V. The determinants of faculty pay in Russian universities: Incentive contracts. *European Journal of Higher Education*, 2021, vol. 11, iss. 4, pp. 408–431. <https://doi.org/10.1080/21568235.2020.1870243>
16. *Zhenshchiny ushli v shkolu* (Women went to school). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4282579> (accessed 18 April 2022) (in Russian).
17. *Pochemu sredi uchitelei na desiat' zhenshchin prikhoditsia odin muzhchina* (Why is there only one man for every ten female teachers). Available at: <https://rg.ru/2019/09/21/reg-urfo/pochemu-sredi-uchitelej-na-desiat-zhenshchin-prihoditsia-odin-muzhchina.html> (accessed 12 June 2022) (in Russian).
18. Bondarenko N. V., Gokhberg L. M., Zorina O. A. et al. *Indikatory obrazovaniya: 2021* [Indicators of education: 2021. Statistical Collection]. Moscow, HSE Publ., 2021. 508 p. (in Russian).
19. Ustinova N. G. Generation and reproduction of institutional innovations. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2016, vol. 16, iss. 1, pp. 48–54 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2016-16-1-48-54>
20. Mityaeva N. V. Social efficiency and dysfunctions of the digital economy in the context of a pandemic. In: S. D. Bodrunov (ed.) *Genesis noonomiki: NTP, diffuziya sobstvennosti, sotsializatsiya obshchestva, solidarizm. Sbornik plenarnykh dokladov Ob"edinennogo mezhdunarodnogo kongressa SPEK-PNO-2020* [Genesis of neo-economics: NPP, diffusion of property, socialization of society, solidarism. Collection of plenary reports of the Joint International Congress SPEC-PNO-2020]. Vol. 2. Moscow, INIR Publ., 2021, pp. 572–578 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.06.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 01.09.2022
The article was submitted 15.06.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 01.09.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 384–395

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 384–395

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-384-395>, EDN: FXWFSN

Научная статья
УДК 331.52

Сочинения А. Н. Радищева: этуд экономико-антропологической интерпретации

В. А. Максимов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Максимов Вадим Алексеевич, старший преподаватель кафедры экономической теории и национальной экономики, maxvad53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>

Аннотация. Введение. А. Н. Радищев в своих сочинениях закладывает основы гуманистического изучения российского общества и антропологического понимания хозяйственных порядков. Большинство работ при жизни не были опубликованы. Научное издание произведений и исследование взглядов, в основном социального характера, было предпринято в 40–50 гг. XX в. В комментариях акцентировалось радикальное мировоззрение мыслителя, проявившееся на литературном поприще. В реальности же творчество просветителя более многогранно и охватывает философию, право, историю, экономику. Выделены три жизненных периода, отличных по тематике, но созвучных нравственным представлениям. **Теоретический анализ.** Первый период творчества характеризуется сочинениями социальной философии, художественной прозой и официальными записками правового и экономического характера, в которых выявляется амбивалентное отношение Радищева к власти, законотворчеству и моральным установкам человека. Выявлено вероятное совпадение взглядов просветителя с его европейскими современниками (Локк, Дидро, А. Смит, Блекстоун) российскими учёными (Татищев, Шторх). Определяются параллели с работами И. Канта и категориальным аппаратом современной экономической антропологии. **Эмпирический анализ.** В компаративистском ключе интерпретируются взгляды Радищева и Екатерины II. Показано, что прямых инвектив в «Путешествии из Петербурга в Москву» против императрицы нет. Труды по законодательству в третьем периоде творчества являются скорректированным продолжением работ первого периода. Наиболее полно экономико-антропологическая тематика представлена в сочинении «О Китайском торге», в котором в неявном виде отвергаются принципы экономической политики правительства, не учитывающей пространственное своеобразие России, её цивилизационную миссию и потенциал свободного предпринимательства. **Результаты.** Сочинения А. Н. Радищева предвосхищают поле исследования современной экономической антропологии: придаётся значение рефлексии в поведении человека, его ноуменальное и феноменальное представление, историческое конструирование способов действия и мысли, перформативное мышление, иерархичность и фрагментация власти, структуризация хозяйственных (рыночных) отношений. Ключевыми понятиями являются коллективная вера, чувства и привычки, склонности и индивидуальные отличия, благо-действие, объективные и субъективные интересы, разумность и рациональность в историческом преломлении. Выделены наиболее важные с позиции просветителя проблемы соборности, воли, моральных императивов, приобретения систематического знания, необходимости законов, прав человека.

Ключевые слова: Просвещение, нравственные и природные законы, права человека, институциональные ценности, структуризация рынков и эволюция социально-экономических отношений

Для цитирования: Максимов В. А. Сочинения А. Н. Радищева: этюд экономико-антропологической интерпретации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 384–395. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-384-395>, EDN: FXWFSN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The works of A. N. Radishchev: A study of economic and anthropological interpretation

V. A. Maksimov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim A. Maksimov, maxvad53@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0559-9246>

Abstract. Introduction. A. N. Radishchev in his writings lays the foundations of a humanistic study of Russian society and an anthropological understanding of economic orders. Most of the works were not published during his lifetime; the scientific publication of works and the study of views, mainly of a social nature, was undertaken in the 1940s–1950s. The comments emphasized the radical worldview of the thinker, manifested in the literary field. In reality, the enlightener's work is more multifaceted and covers philosophy, law, history, and economics. Three life periods are distinguished, different in subject matter, but consonant with moral ideas. **Theoretical analysis.** The first period of writing is characterized by works of social philosophy, fiction and official notes of a legal and economic nature, in which Radishchev's ambivalent attitude to power,

lawmaking and moral values is revealed. The probable coincidence of the enlightener's views with his European contemporaries (Locke, Diderot, A. Smith, Blackstone) and Russian philosophers (Tatishchev, Storkh) is revealed. Parallels with the works of I. Kant and the categorical apparatus of modern economic anthropology are determined. **Empirical analysis.** The views of Radishchev and Catherine II are interpreted in a comparative way. It is shown that there are no direct investives in the "Journey from St. Petersburg to Moscow" against the Empress. The works on legislation in the third period of creativity are an adjusted continuation of the works of the first period. The most complete economic and anthropological theme is presented in the essay "On Chinese Bargaining", which implicitly rejects the principles of the government's economic policy, which does not take into account the spatial identity of Russia, its civilizational mission and the potential of free enterprise. **Results.** The writings of A. N. Radishchev anticipate the field of research of modern economic anthropology: the importance of reflection in human behavior, its noumenal and phenomenal representation, historical construction of ways of action and thought, performative thinking, hierarchy and fragmentation of power, structuration of economic (market) relations are taken into consideration. The key concepts are collective faith, feelings and habits, inclinations and individual differences, good-action, objective and subjective interests, reasonableness and rationality in historical refraction. The problems of conciliarity, will, moral imperatives, acquisition of systematic knowledge, necessity of laws, human rights are highlighted as the most important from the position of the enlightener.

Keywords: Education, moral and natural laws, human rights, institutional values, structuration of markets and evolution of socio-economic relations

For citation: Maksimov V. A. The works of A. N. Radishchev: A study of economic and anthropological interpretation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 384–395 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-384-395>, EDN: FXWFSN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сочинения А. Н. Радищева (1749–1802) охватывают три жизненных этапа, но все они так или иначе проникнуты гуманистической тематикой. Идеологически в них отражаются пристрастия писателя, его идеалы и размышления. Традиционно сочинения обозначаются как художественные (стихи и проза), социально-философские и экономико-правовые. Большинство работ сохранилось в виде набросков, проектов и записок, при жизни практически не опубликованных или представленных анонимно. После смерти просветителя некоторые произведения, в основном философского и антропологического характера, издали его сыновья в 1807–1811 гг. «Путешествие из Петербурга в Москву» не было издано в России вплоть до 1905 г., за исключением небольшого тиража, предназначенного для Саратовского художественного музея. Научное издание произведений было осуществлено в 1938–1952 гг. в трёх томах с некоторыми текстуальными изменениями и библиографическими комментариями, не придерживаясь строго хронологического представления трудов и синхронистического, двойственного замысла в описании состояний общества и авторских суждений. Причём второй том, изданный в 1941 г., предназначался, только для библиотек под грифом «спехранение» [1].

Критическое внимание к своим первым опубликованным сочинениям было продемонстрировано высоким окружением Радищева, но в целом касалось его беллетристики. Благоклонно оценили «Житие Фёдора Васильевича Ушакова» (первое напечатанное произведение писателя в вольной типографии И. Новикова в 1789 г.) кн. Дашкова (экс-президент Ака-

демии наук), её брат, соученик Радищева по Лейпцигскому университету А. Кутузов, гр. А. Воронцов (покровитель и руководитель по службе в Коммерц-коллегии). В частности, Е. Дашкова писала, что лучше всего русский язык в стихосложении звучит у Радищева. Более пронизательной оказалась Екатерина II, оценивая (правда, *post factum*) «Житие...», «Письмо другу» (1790, напечатано с разрешения цензуры в собственной типографии), «Беседа о том, что есть сын отечества» (прочитанной просветителем в «Обществе друзей словесных наук» и изданной анонимно в декабре 1789 г.) и «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790). Помимо хрестоматийного «бунтовщик хуже Пугачёва», императрица подчеркнула на полях «Путешествия...», «что давно его мысль готовилась по взятому пути, а французская революция его решила себя определить в России первым подвизателем» [2, с. 461].

Литературоведческий анализ сочинений А. Н. Радищева первым начал А. С. Пушкин, несколько раз переделывая из-за требований цензуры свою статью «Александр Радищев» в журнале «Современник» в 1836 г., отмечая вклад писателя в реформу русского стихосложения. Он указывал: «Вообще, Радищев писал лучше стихами, чем прозой» [3, с. 237]. В черновом варианте стихотворения «Памятник» было: «Вослед Радищеву восславил я свободу». Пушкин, пожалуй, первым указал на обращение писателя к человековедческой тематике. В начале XX в. С. Булгаков обратил внимание на христианские мотивы человеколюбия в экономических поступках, приводимые Радищевым в большинстве сочинений [4, с. 819]. Позже, в 50-е гг. XX в., Ю. Лотман отмечал, что Радищева привлекали церковные книги не только как источник лекси-

ческого обогащения языка, но и само их содержание, особенно в виде житий. «Просветитель и гельвецианец, он внутри своей системы находил идеалы общества, построенного на интересах всех и каждого, разумно понятом счастье отдельного человека. А идеал самопожертвования ему... приходилось искать в мире образов и идей, выработанных церковной культурой» [5, с. 44].

Социальный радикализм анализа творчества писателя (по односторонним суждениям исследователей XIX–XX вв.), по сути, затмил другие стороны мировоззрения просветителя: антропологические, правовые и сугубо экономические. Библиография, посвящённая этим аспектам, весьма скудна и поверхностна. К 200-летию рождения (1949 г.) выходят монографии М. Горбунова [6] и Е. Приказчиковой [7], а также отдельная глава в многотомной «Истории русской экономической мысли», принадлежащая последнему автору [8]. В 80-е гг. прошлого столетия на философском факультете МГУ издана книга П. Шкуринова [9], а сотрудники экономического факультета приняли участие в создании 6-томной «Всемирной истории экономической мысли», в которой 1 параграф посвящён А. Н. Радищеву [10]. Из новейших изданий следует отметить словарь-справочник «История экономической мысли России в лицах», в котором небольшой очерк о Радищеве написан О. В. Карамовой [11].

Теоретический анализ

Идеи антропологического понимания эволюции общества зародились у А. Н. Радищева в годы учёбы в Германии под влиянием трудов Гельвеция, считающегося классиком и родоначальником этого философского направления. Гельвеций радикально интерпретировал существовавшие взгляды на государство и общество, считая сознание и страсти человека главной движущей силой цивилизаций, превознося индивида с его интеллектуальными способностями, психическими и моральными предпочтениями. Основной труд Гельвеция – «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» – перекликается с сочинениями Радищева «Житие Фёдора Ушакова» и (написанном в ссылке) «О человеке, его смертности и бессмертии». Положения Гельвеция о всеобщем равенстве (лейтмотив Французской революции) впоследствии заложили у просветителя почву для самостоятельного осмысления законов природы и общества, ориентируясь больше на взгляды Дж. Локка (о познании через опыт, о благоденствии, подчинении человеческой воли законам и божественной морали) в работах «Опыт о человеческом

разумении» и «Два трактата о государственном правлении» и широко привлекая труд Монтескье «О духе законов», опирающиеся на концепцию причинности права, а также на сочинения Дидро (собеседник Екатерины II), выделявшего идею непрерывности развития человека (как вида) и историю становления гражданственности.

Если чисто антропологические идеи были выражены Радищевым в сочинениях философского и художественного содержания (первый и второй этап творчества), то подходы уже к экономической антропологии проявились в работах по законодотворчеству и экономико-статистических описаниях на всех этапах, но с разными основаниями и толкованием. Тематически работы предполагают антропологический подход, обоснование этических и моральных человеческих поступков, идеологических пристрастий, спекулятивного представления сущего. Научное преломление подход нашёл в работах И. Канта 80-х гг. XVIII в. – «Определение понятия человеческой расы», «Предположительное начало человеческой истории». Неслучайно некоторые малые сочинения А. Н. Радищева носят схожие названия – «Творение мира», «О добродетелях», «К Российской истории», «О человеке». Данные произведения просветителя были написаны после фундированного ознакомления с трудами и идеями западноевропейских мыслителей, которые, в свою очередь, обращались к республиканским воззрениям Античности. Приводимые выше названия работ европейских мыслителей почти тождественны по содержанию, заголовкам или размышлениям писателя. Тем самым Радищев либо сознательно обозначает свою идейную близость к этим сочинениям, либо следует принципу преемственности (филиации) «просвещённого духа» эпохи в виде приверженности софистическим идеалам.

Экономическая антропология в современном значении находит свои истоки (как в виде концептуальных рамок, так и в виде дисциплинарного направления) в социальной антропологии, зародившейся в 30-е гг. XX в., благодаря классическим работам М. Мосса и Б. Малиновского, а также в науковедческих работах по экономической социологии М. Вебера и В. Парето. Иногда обращаются к взглядам К. Маркса, продвигая «новую эволюционную» теорию общества/человека. Операционный инструментарий экономической антропологии включает рефлексивный и феноменологический анализ, историческое конструирование способов действия и мысли, перформативное мышление, иерархичность и фрагментация власти, структуры хозяйственных (рыночных) отношений.

Ключевыми понятиями являются «поведение», «коллективная вера», «чувства» и «привычки», «склонности» и «индивидуальные отличия», «долженствование» и «благо-действие», «объективные и субъективные интересы», «разумность и рациональность» в историческом преломлении. Труды П. Бурдьё признаны методологическим основанием современной экономической антропологии. В контексте настоящей статьи важным является обращение французского исследователя к работам Ж. Бодена и Монтескьё, показавших, что генезис экономики связан с «пониманием государства» [12], а также к идеям И. Канта, особенно к его метафорической категории «*homo estheticus*», находящейся в определённой дихотомии с «*homo economicus*», и возвращением понятия антиномии к его первоначальному (юридическому) смыслу, связанному со справедливостью законов, их непротиворечивостью.

Следует отметить, что с начала XXI в. историко-философский анализ политики и права обсуждает «Кантовский антропологический проект», превратившийся из маргинального предмета в перспективную тему, междисциплинарно соединяющую социальные науки. В рамках данной статьи важны идеи Канта, по сути, предвещающие современную концепцию «прагматичной рациональности действия». Мыслитель писал о характере, склонностях, познании человеком самого себя, исходя из его природы: «...мы должны признать друг в друге существа, зависящие друг от друга, нуждающиеся в воспитании и знании, постоянно меняющиеся или заново изобретающие общественные нормы поведения» [13]. В сочинениях Радищева нет упоминания Канта и его современника Д. Юма, независимо исследовавших метафизику нравов, но зато есть упоминание об А. Смите, книга которого «Теория нравственных чувств» соответствует антропологической линии и освещает этические проблемы поведения человека в обществе. Экономико-антропологическое видение проявляется у А. Смита в знаменитой работе «Исследование о природе и причинах богатства народов», которое Радищев знал и изучал параллельно с трудами английского классика юриспруденции У. Блекстоуна. Методологические совпадения со Смитом и Кантом особенно видны в работах Радищева по законодательству.

Эмпирический анализ

В анонимном сочинении «Беседа о том, что есть сын отечества» (1789) А. Н. Радищев выделяет главные качества гражданина: честь, совесть и любовь, которые воплощаются в

благородстве, добродетели, скромности, благонаравии, трудолюбию, умном сострадании, «охоте благотворить всем» [2, с. 218]. Можно проследить неявные отсылки к шотландской моральной философии и сочинению А. Смита «Теория нравственных чувств». «Беседа...» была опубликована в декабрьском номере журнала «Беседующий гражданин», издаваемого «Обществом друзей словесных наук», в которое входил А. Н. Радищев. В Обществе были распространены идеи сект мартинистов, иллюминатов и масонских лож различного толка, хотя Радищев и не разделял их взглядов, но влияние Французской революции сказалось на пафосе выступления. Журнал был закрыт, Общество распущено. Вполне возможно, что после этого социальная обличительность писателя («русский Дон Кихот», по А. С. Пушкину) стала восприниматься властью как политическое вольнодумство и ересь, приведшая через полгода к запрету «Путешествия...», суду и ссылке.

«Житие Фёдора Васильевича Ушакова» (1789) – первое напечатанное при жизни оригинальное произведение, принесшее просветителю широкую известность, в том числе при императорском дворе. В труде, отталкиваясь от сочинений французского мыслителя Гельвеция, но более ориентируясь на радикального социального философа Мабли с его произведениями «Размышления о греческой истории» (Радищев ещё в юности, учась в Лейпциге, по заказу из России сделал перевод) и «Начальное основание нравов», А. Н. Радищев расширил своё понимание предназначения человека – в духе политической морали. Характерно, что вторая часть «Жития...» носит заголовок «Размышления» – по сути, о природе «существа государства», автор определяет его исторически как «состояние независимости и равенства» [2, с. 188]. Мировоззренческая позиция развивается просветителем в более позднем сочинении – «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанном в ссылке и читаемая как исповедь собственного пережитого. Список привлечённых источников и ссылок впечатляет: из древних – Аристотель, Сенека, Лукреций Кар, Ликург; из Возрождения – Мильтон, Локк, Шекспир, Декарт; из современной ему эпохи Просвещения – Руссо, Пристли, Гердер, Вольф, Ламетри, Лессинг, Лейбниц. Обращение к разноплановым философским и историческим трудам приводило Радищева к текстовому совпадению, критическому переосмыслению и органическому обобщению. Споря с Гельвецием, просветитель утверждает, что человек индивидуален в побуждениях, но как личность подчиняется закону,

«свободное его деяние сопрягло неразрывным союзом... с жизнью общественной» [14, с. 65].

Философско-социальная рефлексия была продолжена в книге «Путешествие из Петербурга в Москву», подготовленной в конце 1789 г. и набранной для печати самостоятельно автором в марте 1790 г. Её содержание стилистически совпадает с подобными произведениями французских и английских авторов. Сам Радищев замечал, что определённым образцом послужило сочинение Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», подчёркивал влияние Г. Рейналя с его нашумевшим трудом в шести томах «Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях». Антимонархические инвективы и доводы о праве бунтующего народа свергать тиранов привлекло Радищева и использовано им в оде «Вольность», тайно включённой в «Путешествие...». Екатерина II прочла труд Рейналя, по некоторым сведениям, дала ему аудиенцию, но в своих замечаниях по делу Радищева поставила ему в укор потакание «аббе Рейналю» и французской заразе [2, с. 472].

В «Путешествии...» на основе собственных представлений о преобразовании государства автор дифференцировано рассматривает состояние общества, выводя его из неравенства форм собственности и образования доходов. Радикальные призывы были завуалированы житиями, разговорами со случайными попутчиками и зарисовками (сказками) безысходности хозяйственной жизни и личной бесправности помещичьих крестьян. Именно против произвола дворянского сословия, попрания человеческого достоинства было направлено большинство глав книги. Напрямую Радищев не обвиняет императрицу, а лишь предупреждает, что попрание исторически традиционных устоев государства может привести к социальному взрыву и расправе с властителями (подразумевается дворянство и чиновничество). Реакция Екатерины II вызвана скорее не знаменитым эпиграфом «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя», который взят из поэмы В. Тредиаковского «Телемахида», разрешённая к печати в 1766 г. как перевод Фенелона, а строками «Вольности»: «Ликуйте склепаны народы, се право мщенье природы на плаху возвело царя» [2, с. 5].

Истоком трагической патетики оды и нравственных переживаний автора во всей книге с некоторой очевидностью является амбивалентное отношение А. Н. Радищева к начинаниям императрицы и их воплощениям на «государевом поприще». В 1766 г. был принят «Наказ Екатерины II» [15], инициированы дискуссии в

Вольном экономическом обществе «о стеснённом состоянии» крестьянства, под влиянием французских физиократов и Дидро рассматриваются проекты пересмотра «крепости к земле». Определялись условия, временные рамки и мера освобождения. Но оскудение казны, финансовые провалы, череда войн, смена налогообложения, масштабное восстание Е. Пугачёва остановили прогрессивные преобразования российского общества. Радищев постепенно утратил веру в легитимность существующего государственного порядка в 80-е гг. XIII в.

Компаративистское выделение и трактовка прерогатив человека-гражданина и власти (дихотомия народ/государство) можно проследить по сочинениям А. Н. Радищева и Екатерины II. «Наказ» был принят просветителем за основу при создании аналитических работ по правовой тематике с акцентом на переосмысление существующего корпуса законодательных актов. Стилистически разделы и тезисы авторов весьма схожи, подчас буквальны по смыслу и форме, частично восходят к одним источникам и приведены в таблице [15, 16].

«Опыт о законодавстве» тематически подвёл итог первоначального осмысления автором правовых истоков человеческих действий в государстве. Он пишет: «...ни намеряясь сравниться с Блекстоном, желаем мы извлечь по разумению нашему смысл до селе изданных в России законов, расположа их естественном порядке... все законы относятся к тому, что право, или что делать дозволяется, и к тому, что не право, или что делать запрещается» [16, с. 8]. Содержанием законов являются: «нравы, вера, вольность, имение и сохранность граждан» [16, с. 5]. В начале XIX в. эту линию продолжил первый русский академик-экономист Г. Шторх в многотомном труде «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие». Шторх считал, что благосостояние народа заключается не только в вещественных благах, но и в невещественных, к которым относил здоровье, знание, ремесленную ловкость, вкус, нравственность, религиозность, безопасность. Параллельность со взглядами Радищева очевидна. Более того, в «Курсе...» Шторх выделяет целый раздел, посвящённый естественному развитию цивилизации, что соответствует эволюционной концепции современной исторической экономической антропологии и прозрениям А. Н. Радищева. Понимание личностных благ как основы общественного благосостояния можно признать аксиомой современной теории человеческого капитала и измерения символической стоимости интеллектуального капитала.

Сравнительная характеристика сочинений Екатерины II и А. Н. Радищева
Table. Comparative characteristics of the works of Catherine II and A. N. Radishchev

«Наказ Екатерины II»	«Опыт о законодательстве» «О законоположении»
1. Закон Христианский научает нас взаимно делать друг другу добро, сколько возможно	Вера... во всех ея действиях наипочтеннейшая вещь, которую человеческий разум себе только представить может
2. Полагая сие законом веры ... сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет, видеть все отечество свое на самой вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия	Истина и блаженство ближнего будут... наша единственная цель
3. А всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его ото всех сему правилу противных предприятий	Закон не может довольно стрещи нравы, кои суть накрепчайшая подпора человеческого благополучия и гражданского общества. Добродетель не может быть ни повеленная, ни принужденная. Она независима...
4. ...то, основываясь на выше писанном первом правиле, надлежит войти в естественное положение сего государства	Государство есть великая машина, коея цель есть блаженство граждан
5. Ибо законы, весьма сходственные с естеством, суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены	Предметы закона суть: нравы, вера, имение и сохранность граждан
7. Перемены, которые в России предпринял Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходствовали со климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей	Не успел Пётр I ввести в Россию новые обычаи и обряды ... как почувствовал нужду переменить многое в прежних законоположениях
9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно со пространством столь великого государства	Государь есть самодержавный. Он заключает в себе законодательную, судебскую и исполнительную власти... то есть государь есть источник к всякие государственныя и гражданския власти
10. Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит	...из сего следует, что государь может всё делать по своему произволу... должен творить в пользу общую
11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно	...ибо какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтобы у людей отнять естественную вольность; но чтобы действия их направить к получению большего ото всех добра
12. Другая причина та, что лучше повиноваться законам под одним господином, нежели угождать многим	И се глаголет российская законоположница: закон не происходит единственно от власти. Вещи между добрыми и злыми по естеству своему не подлежат законам, следовательно, и власти
13. Какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого ото всех добра	...воля государя в России есть не ограничена ни малейшею преградою, ибо яко первойшей судия, он судит по правилам, яко исполнитель первенственный, он исполняет только решение своё, на законе основанное, но издавая закон новый, следует он единому только расположению своих мыслей, и власть его распространяется на предлоги общественного правления
14. И так правление, к сему концу достигающее лучше прочих и при том естественную вольность меньше других ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствует с намерениями, в разумных тварях предполагаемыми, и соответствует концу, на который в учреждении гражданских обществ взирают неотступно. 63. Закон не происходит единственно от власти; вещи между добрыми и злыми средние, по своему естеству, не подлежат законам	Человек, происходя на свет, есть равен во всём другому... первое его стремление или естественная обязанность искати своего пропитания и сохранения; первое его право есть употребление вещей, нужных на удовлетворение его недостатков. Сие данное нам природою право никогда истребиться не может... Се основание закона естественного

Окончание таблицы / Continuation of the Table

<p>15. Самодержавных правлений намерение и конец есть слава граждан, государства и Государя.</p> <p>16. Но от сея славы происходит в народе, единоначалием управляемом, разум вольности, который в державах сих может произвести столько же великих дел и столько споспешествовать благополучию подданных, как и самая вольность.</p> <p>32. Великое благополучие для человека быть в таких обстоятельствах, что, когда страсти его вперяют в него мысли быть злым, он, однако, считает себе за полезнее не быть злым</p>	<p>Употребитель народной власти даёт законы. Закон есть предписание высшей власти... как безбедное употребление прав естественных</p> <p>Итак не государь, но закон может у гражданина отнять имение, честь, вольность или жизнь. Отъяв единое из сих прав у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скиптр в руках, право ко престолу</p>
<p>33. Надлежит, чтоб законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждого особо гражданина.</p> <p>34. Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам</p>	<p>Основав законы гражданские на лучшем понятии первых прав положительных и прав естественных... Екатерина II начертала Наказ свой о сочинении нового уложения... к великой чести ея в Наказе освятила правила обществ непреложные, цель оных, и намерение... царствовать над обществом, управлять народом блаженным, или лучше сказать, дать ему управляться самим собою, оставляя себе одно верховное всего надзирание</p>
<p>№?? Сие равенство требует хорошего установления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжание имеющих и обращать себе в собственную пользу чины и звания...</p>	<p>Законы во всех государствах, как то история повествует, издаваемы были повременно, и по случившимся нуждам и обстоятельствам</p>
<p>41. Ничего не должно запрещать законами, кроме того, что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу</p>	<p>Таковы выписки из римских законов ... Юстиниана. Начальные основания или так называемые институты римских прав служили и ныне во многих местах служат примером к расположению порядка и законоучению</p>
<p>44. И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно.</p> <p>45. Многие вещи господствуют над человеком: вера, климат, законы, правила, принятые в основание от правительства, примеры дел прешедших, нравы, обычаи</p>	<p>Не тщая последовать за Юстинианом, не намеряся сравниться с Блекстоном, желаем мы извлечь по разумению нашему смысл до селе изданных в России законов, расположив их естественным порядком</p>
<p>47. Природа и климат царствуют почти одни во всех диких народах.</p> <p>48. Обычаи управляют китайцами.</p> <p>49. Законы владычествуют мучительские над Японию.</p> <p>50. Нравы некогда устраивали жизнь лакедемонян.</p> <p>51. Правила, принятые в основание от властей, и древние нравы обладали Римом.</p> <p>52. Разные характеры народов составлены из добродетелей и пороков, из хороших и худых качеств</p>	<p>Со временем издания онога Наказа ... прошло более 35 лет, или время целого поколения, и народ российский и род человеческий переменился в том, что живут теперь люди не те, которые жили тогда; общее умонастроение во многом клонит и нагибает во стезю свою самые законы и власть</p>
<p>57. Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непринужденно, и следуя природной нашей склонности.</p> <p>59. Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа.</p> <p>60. Итак, когда надобно сделать перемену в народе великую к великому онога добру, надлежит законами то исправлять, что учреждено. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями</p>	<p>Такова участь человека быть подвержена переменам, есть устав непреложный в мире вещественном и нравственном</p>

В «Опыте о законодательстве» рассматривается роль личности: «...человек имеет яко член общества» [16, с. 12], и её правомочия: «...имение есть полезное употребление, собственность же не теряется никогда» [16, с. 14]. Значение границ власти и свободы: «Государь может всё делать по своему произволу, но то, что начинает, не имея хотя деянием своим положительных правил, должен творить в пользу общую, ибо какой предлог самодержавного правления? Не тот, чтобы у людей отнять естественную вольность: но, чтобы действия их направить к получению большего ото всех добра... все действия государства должны стремиться к благосостоянию оного» [16, с. 188–190]. «Итак, не государь, но закон может у гражданина отнять имение, честь, вольность или жизнь. Отъявый единое из сих прав у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скипетр в руках, право к престолу». Интерпретируя «Наказ», Радищев пишет: «И се глаголет российская законодательница: закон не происходит единственно от власти. Вещи между добрыми и злыми средняя по естеству своему не подлежат законам, следовательно, и власти» [16, с. 15].

На третьем этапе творчества, когда Радищев был привлечён в Комиссию сочинения законов, инициированных Александром I, были написаны записки «О законоположении», «Проект для разделения Уложения российского» и «Проект гражданского уложения» (1801–1802). В преамбуле каждой он пишет об изменившихся нравах, умонастроениях общества, устаревших принципах справедливости и собственности. Идеологически записки продолжают линию сочинений первого этапа просветителя с привлечением, по всей вероятности, трактата итальянского экономиста и юриста Г. Филанджери «Наука законодательства» (1780–1788). В ссылке Радищев просит А. Р. Воронцова прислать французский перевод этой нашедшей книги (идеи равенства и свободы в конституционном строе государства автора очень импонировали якобинцам, Б. Франклину и, что интересно, Наполеону).

Структурно записки очень схожи с сочинением И. Канта «Метафизика нравов» (1797). Вводятся первичные понятия: способности человеческой души, удовлетворённые и неудовлетворённые желания (у А. Н. Радищева это описано в стихах и дневнике 1770-х гг.). Обосновываются универсалии: свобода, воля, чувства, долг как моральный императив, обязательность как категорический императив разума, направляющий через цель действие (вменённое деяние, определяющее случайный поступок необходимостью). Кант подчёркивает, что за-

коны свободы, в отличие от законов природы, называются моральными, причём при внешних поступках они выступают как юридические законы. Нравственные законы, в отличие от законов природы (в науке), становятся таковыми «лишь в том случае, если основаны a priori и осознаны как необходимые» [17, с. 271]. Сохранением нравственности становятся счастье, склонности, манеры, обращение, долг, выгоды при нарушении, благоразумие, добродетель. Он пишет: «...метафизика нравов не может основываться на антропологии, но может быть применима к ней»; следует прагматически учитывать природу человека (из опыта), чтобы «показать последствия, вытекающие из всеобщих моральных принципов» [17, с. 273]. Необходимость «Метафизики» для всякого законодательства выводится из долга (как закона) и обязанности (как мотива), что прослеживается и в радищевском «Опыте». Правильное понимание нравов даётся через систематическое знание общественных изменений, так как происходит столкновение свобод в виде права человека в собственном лице и правом людей. Надо признать, считает Кант, деление права (кодификация) на строгое (*strikte*) и двусмысленное (где к гражданскому праву относят этические категории – справедливость и совесть). Суждение о строгом праве «как возможность полного взаимного принуждения, согласующего со свободой каждого, сообразной со всеобщими законами» [17, с. 284], по формулировке близко к положениям У. Блекстоуна, на которого ссылался Радищев.

Антропология в широком смысле (и как экономическая) рассматривается Кантом в общем учении о праве «Частное право, касающееся внешнего *мое* и *твое* вообще». Выделены в виде рубрик: вещное, личное, вещно-личное право; право домашнего сообщества, догматическое деление всех прав. Такое деление восходит к древнеримским канонам, инкорпорированных в современную экономическую теорию в 60-е гг. XX в. в виде правомочий собственности (так называемый список Оноре). Более того, структурно-смысловое совпадение проявляется у просветителей при рассмотрении государственного права: у Канта – «Общее замечание относительно правовых следствий из природы гражданского союза», а также «О правовом отношении гражданина к отечеству и к зарубежным странам» [17, с. 310–325]. У Радищева в «Проекте для разделения уложения Российского»: «Лицо естественное или единственное есть каждый человек в своей особенности. Оно больше может иметь прав и обязанностей, нежели лицо множественное, соборное или нравственное», далее – «Пресле-

дую человеку в общество, закон назначает ему средство, как ему быть гражданином. И если он к обществу не принадлежит, есть странник, то и тут, взяв его под свою защиту, он определяет его с обществом отношения» [16, с. 172–173].

В рукописи «О законоположении» Радищев снова обращается к «Наказу», комментируя озабоченность императрицы будущим государством. Она указывает, что «Россия не только не имеет довольно жителей, но обладает ещё чрезмерным пространством земель, которые ни населены, ни обработаны», что «новозаведённый способ от дворян собирать свои доходы в России уменьшает народ и земледелие... не может быть там ни искусное рукоделие, ни твёрдо обоснованная торговля, где земледелие в уничтожении или не рачительно производится; не может земледельчество процветать тут, где никто не имеет ничего собственного». Экономически интерпретируя пожелания, Радищев пишет: «...нужно постановить некоторое в законе правило о налогах, дабы народ ведал, что оно непременно и его никто не преступит... В ближайшем и теснейшем союзе с народным благосостоянием состоит обращение знаков, всякое имущество представляющих... малое или большое их количество, скорое или медленное их обращение может препятствие сделать в народной торговле, приводить граждан в убожество или делать их крезами» [16, с. 158–159]. Более подробно хозяйственное поведение, нравы, привычки и склонности в торговле Радищев описывает в дневниках, письмах и заметках, относящихся к годам ссылки (второй этап творчества).

Продолжением данной рукописи стал «Проект для разделения уложения российского», написанный в сжатой форме как прелиминарный вариант для будущего более обширного документа. Разделение здесь касается предметного существа законов государственных, гражданских, уголовных и «служащих к восстановлению общего мнения». Более отчетливо, чем в первом «Опыте», подчёркивается, что есть права и обязанности государя и есть права и обязанности государства (если первые права у Екатерины II согласуются с тезисами Н. Макиавелли в труде «Государь», то у Радищева прослеживается линия Ж. Боден – Дж. Локк). Лапидарно обозначены права и обязанности народа и граждан вообще: «Права их состоят в свободе 1) мысли, 2) слова, 3) деяния, 4) в защите самого себя, когда того закон сделать не в силах, 5) в праве собственности и 6) быть судимы себе равными». Антропологически весомым абзацем в рукописи является «Общее мнение, яко твердейшая опора всех человеческих по-

становлений», достигающаяся воспитанием, почтением к законам, доверенностью к правительству, сообразностью всех законоположений [16, с. 166–170].

«Проект Гражданского уложения» тематически и идейно являлся продолжением «Опыта», в политическом плане он прямо оппонировал установкам П. Завадовского (председатель Комиссии) и премьеру М. Сперанскому, считавших коренное реформирование законодательства мерой преждевременной, в какой-то степени невозможной и нежелательной. Данный проект имеет выраженный коннотативный характер; Радищев настаивает на гностическом преломлении права и законов. С одной стороны, он эпистемически презентует содержание права и связанных с ним категорий, с другой стороны, выводит законы в этическую плоскость, исходя из природы человека. Просветитель как бы обращается к двум адресатам – власти и обществу: к власти – через практические следствия воплощения соответствующих времени законов; к обществу – через разумность следования законам и признания их необходимости. Представляется, что методологически Радищев близок кантовской логике чистого и практического разума, а системно – к Локку в приводимых выше трактатах. Представляется как апория преамбула «Проекта»: «То, что закон даёт человеку, не есть что либо вещественное, не может изобразиться в чувствах, оно и не есть сила или способность, какая либо, ибо сила или способность могут явиться в своих действиях непосредственно, но то что он дарит есть то самое, что силы и способности человека делает деятельными, то, что в человеке направляет его волю, словом закон даёт право, природа даёт ему силу, способность; но они могли бы быть препятствуемы в действиях своих, если бы закон не дал ему того, что отдаляет всякое препятствие, что даёт способности и силе деятельность не возбранную. Таково есть понятие, которое можно иметь о праве вообще» [16, с. 171].

«Проект» считается крупнейшим юридическим трудом А. Н. Радищева [16, с. 597], но в нём также присутствуют будущие составные элементы современной институциональной теории, поведенческой экономики и новой политической экономики. Центральное место занимает проблема собственности и свободы (как экономической, так и нравственной). Радищев определяет взаимосвязь закона и свободы действий человека: «...закон судит только о тех деяниях, где видно свободное воли определение... и где нет свободы деяния, там нет и обязанности» [16, с. 175]. Соизволение – суть действия, и должно соблюдать ряд условий; при взаимном соизволении приоб-

ретаётся право в идее договора (контракты – одни из главных институций в экономической теории). А. Н. Радищев специально оговаривается, в Российской империи привычен договор, но в Санкт-Петербургской таможне имеют дело с контрактами. Договор есть существенное состояние, «чтобы было обещание с одной стороны, восприятие с другой стороны; договаривающиеся имели способность договариваться... и были бы свободны» [16, с. 180]. По сути, интенционально предусматривается справедливость сделки. Достаточно подробно рассматриваются имущественные права как основа договоров, где автор особо дифференцирует имущество и владение, подчёркивая, что честное владение основано на справедливости.

Собственность, по Радищеву, когда кто-то имеет право исключительно перед другими распоряжаться вещью, здесь просветитель прямо следует понятию *dominium* из римского права. Следует отметить, что идея и право собственности в XVIII в. рассматривались как неперемное условие любого экономического порядка. Максима У. Блекстоуна (и её перифраз А. Смитом) «ничто так сильно не затрагивало бы чувства человека, как право собственности» была знакома Радищеву. Причём, вторя им, содержание собственности не касалось её режимов – экономическая мысль воспринимала как данное её значение вообще, не ставя вопрос о её частном характере. А. Н. Радищев традиционно выделяет виды непосредственного приобретения собственности (всего – девять), но оригинальным является не констатация её существования и реализации, а истоки сложившихся форм и их эволюция. Значимость такого понимания прав собственности приходит в экономическую науку только в середине XX в. В этом контексте важным становится суждение Радищева о праве на собственность, подразумевая как естественное право человека. Он пишет: «Собственность – один из предметов, которой человек имел в виду, ступая в общество; собственность стала посредством онаго такая гражданина принадлежность, что умалить права его на оную было бы истинное нарушение начального общественного договора» [16, с. 216].

Конкретное представление передачи прав собственности можно обозначить как механизм покупки-продажи через добровольный договор, мены как уступки прав «вещь за вещь», согласие на страховое возмещение, жребий, лотереи, аукционы, подарки. Радищев выделил договор, применяя современную терминологию, «принципал-агент», или «по римскому законоучению, вещь за дело или дело за дело, существенно

то... что за деяние и действие или за недействие должно быть обещано удовлетворение. Ибо закон не предполагает, чтобы кто либо, что делал без мзды» [16, с. 234]. Подчёркивается, что такие договоры заключают в себе взаимность.

В статистических обзорах и инспекционных отчётах, закреплённых в сочинениях «О доходах государственных» [16, с. 18], «Записка о податях Петербургской губернии», «Описание Петербургской губернии», «Описание Тобольского наместничества», конкретизируется региональная хозяйственная практика или, применяя современную антропологическую терминологию, Радищев различает *market* и *market place*. Он пишет: «Истина, доказательств кажется не требующая, есть, что в Государстве, изобилующими своими произведениями, корень общественного благосостояния основывается на беспрепятственном и скором обращении домашнего избытка» [5, с. 5]. «Три рода людей участвуют в торгах всякого рода, имеют от оного своего пропитания или оными приобретают богатство (изъятие из сего быть могут, но редки). Первые суть производители вещей или товаров, коими торг ведётся; другие те, кои товар приводят в обращение, т.е. покупатели или продаватели; третьи те, кои, не участвуя в собственности вещи, или с оную временно обращаются» [5, с. 10]. Свои суждения Радищев подкрепляет замечаниями об иерархии домашних отношений, а между домохозяйствами может существовать символическая логика потребления и символическое измерение экономических отношений, например при заключении трудовых контрактов. Можно сказать, что просветитель предвосхитил современную идею иерархии рынков и структурных трансакционных издержек). Также провидчески замечает: «Если промысел рукоделия, искусства или упражнение какого бы рода ни было, питает большее число людей, хотя бы оно и меньшее число капитала пускало в обращение, или меньшее бы число производило числительных богатств,.. предпочтительнее тому, которое обрашая великие капиталы или производя много богатств, меньшее число людей питает [14, с. 20].

Результаты

Сочинения А. Н. Радищева, прежде всего, отражают его гуманистические пристрастия, его идеалы и размышления. Традиционно сочинения обозначаются как художественные (стихи и проза), социально-философские и экономико-правовые. Большинство работ сохранилось в виде набросков, проектов и записок, при жизни практически неопубликованных или представленных

анонимно. После смерти просветителя некоторые произведения, в основном философского и экономико-антропологического характера, были изданы в начале XIX в., а полное собрание сочинений – к середине XX в. Литературоведческий анализ сочинений А. Н. Радищева начал А. С. Пушкин. В черновом варианте стихотворения «Памятник» было: «Вослед Радищеву восславил я свободу», указывая на обращение писателя к человековедческой тематике. В начале XX в. С. Булгаков обратил внимание на христианские мотивы человеколюбия в экономических поступках, приводимые Радищевым в большинстве сочинений Социальный радикализм анализа творчества писателя (по односторонним суждениям исследователей XIX–XX вв.), по сути, затмил другие стороны мировоззрения просветителя: антропологические, правовые и сугубо экономические. Библиография, посвящённая этим аспектам, весьма скудна и поверхностна.

Если чисто антропологические идеи были выражены Радищевым в сочинениях философского и художественного содержания (первый и второй этап творчества), то подходы уже к экономической антропологии проявились в работах по законотворчеству и экономико-статистических описаниях на всех этапах, но с разными основаниями и толкованием. Тематически работы предполагают обоснование этических и моральных человеческих поступков, идеологических пристрастий, спекулятивного представления сущего. Самостоятельное осмысление законов природы и общества приводит просветителя к переложению взглядов Дж. Локка, Монтескьё, Дидро, что подвигло Радищева к проекту реформирования российского законодательства, исходя из эволюционного понимания политических и хозяйственных порядков. Представляется весьма актуальной компаративистская интерпретация права, государства и человека Екатерины II («Наказ») и И. Канта («Метафизика нравов») с оригинальными трудами просветителя.

Содержательно экономическая антропология в правовом контексте раскрывается в рукописях третьего периода – «О законоположении», «Проект для разделения Уложения российского» и «Проект гражданского уложения» (1801–1802), а также в произведении «О Китайском торге». В преамбуле каждого труда Радищев пишет об изменившихся нравах, умонастроениях общества, устаревших принципах политических, социальных и хозяйственных правомочий. Идеологически сочинения продолжают линию первого этапа и, по сути, предвосхищают поле исследования современной науки:

рефлексивный и феноменологический анализ, историческое конструирование способов действия и мысли, перформативное мышление, иерархичность и фрагментация власти, структуризации хозяйственных (рыночных) отношений. Ключевыми понятиями являются «поведение», «коллективная вера», «чувства» и «привычки», «склонности» и «индивидуальные отличия», «благо-действие», «объективные и субъективные интересы», «разумность и рациональность» в историческом преломлении. Аналитически в сочинениях просветителя поднимаются проблемы соборности (народоизъявление, народовластие), воли (разумное намерение, интенция), моральных императивов (долг, природное благоразумие), приобретения систематического знания и практического опыта, необходимости законов, прав и обязанностей человека.

Идеи А. Н. Радищева, изложенные в опубликованных и рукописных трудах, заострили внимание российского общества и власти на новых реалиях, присущих духу Просвещения, и цивилизационных ценностях человеческого бытия.

Список литературы

1. Максимов В. А. Политическая экономия А. Н. Радищева: институты, право и поведенческие отношения // Профессиональная ориентация. 2021. № 4. С. 51–56.
2. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 1. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1938. 504 с.
3. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. М. : Правда, 1981. 448 с.
4. Булгаков С. Н. История экономических и социальных учений. М. : Астрель, 2007. 988 с.
5. Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов : сб. стихов / вступ. ст. Ю. М. Лотмана. Л. : Советский писатель, 1971. С. 5–62.
6. Горбунов М. А. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. М. : Госполитиздат, 1949. 172 с.
7. Приказчикова Е. В. Экономические взгляды А. Н. Радищева. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 141 с.
8. История русской экономической мысли : в 5 т. / под ред. А. И. Пашкова. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1955. 756 с.
9. Шкуринов П. С. А. Н. Радищев. Философия человека. М. : Изд-во МГУ, 1988. 220 с.
10. Всемирная история экономической мысли : в 6 т. / под ред. В. Н. Черковца. Т. 1. М. : Мысль, 1987. 606 с.
11. История экономической мысли России в лицах: Словарь-справочник / под ред. Н. Н. Думной, О. В. Карамовой. М. : Кнорус, 2007. 406 с.

12. Бурдые. П. Экономическая антропология. Курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993) / пер. с фр. Д. Кралечкина. М. : Дело, 2019. 416 с.
13. Жаворонков А. Г. Социальные аспекты антропологии Канта и их влияние на социологию XX века: проблемы и примеры // Вопросы философии. 2019. № 12. С. 187–197. <https://doi.org/10.31857/S004287440007536-4>
14. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 2. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 516 с.
15. Наказ Екатерины II комиссии о составлении проекта нового уложения. 1767 года. М. : Изд.: книга по требованию, 2012. 320 с.
16. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. Т. 3. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 676 с.
17. Кант И. Критика практического разума. СПб. : Наука, 2005. 528 с.
7. Prikazchikova E. V. *Ekonomicheskiye vzglyady A. N. Radishcheva* [Economic Views of A. N. Radishchev]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1947. 141 p. (in Russian).
8. Pashkov F. I. (ed.). *Iatoriya russkoi ekonomicheskoi mysli* [History of Russian Economic Thought]. Vol. 1. Moscow, Gospolitizdat, 1955. 757 p. (in Russian).
9. Shkurinov P. S. A. N. *Radishchev. Filosofiya cheloveka* [A. N. Radishchev. Philosophy of Man]. Moscow, Moscow University Press, 1988. 220 p. (in Russian).
10. Cherkovets V. N. (ed.) *Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoy mysli* [World History of Economic Thought]. Vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 606 p. (in Russian).
11. Dumnaya N. N., Karamova O. N. (eds.) *Istoriya ekonomicheskoy mysli Rossii v litsakh: Slovar-spravochnik* [History of economic thought in Russia in persons: Dictionary-reference book]. Moscow, Knorus Publ., 2007. 406 p. (in Russian).

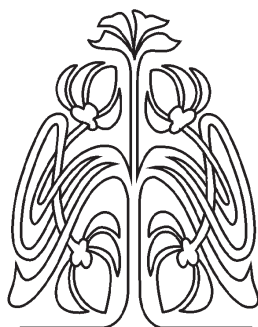
References

1. Maksimov V. A. A. N. Radishchev's political economy: Institutions, law and behavioral relations. *Professional'naya orientatsiya* [Professional Orientation], 2021, no. 4, pp. 51–56 (in Russian).
2. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Set of Works]. Vol. 1. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1938. 504 p. (in Russian).
3. Pushkin A. S. *Sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 6. Moscow, Pravda Publ., 1981. 448 p. (in Russian).
4. Bulgakov S. N. *Istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh ucheniy* [The History of Economic and Social Teachings]. Moscow, Astrel Publ., 2007. 988 p. (in Russian).
5. Lotman Yu. M. Poetry of 1790s–1810s. In: *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of 1790s–1810s]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1971, pp. 5–62 (in Russian).
6. Gorbunov M. A. *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vzglyady A. N. Radishcheva* [Philosophical and Socio-Political Views of A. N. Radishchev]. Moscow, Gospolitizdat, 1949. 172 p. (in Russian).
12. Bourdieu P. *Ekonomicheskaya antropologiya. Kurs lektsiy v Kollezh de Frans (1992–1993)* [Economic Anthropology: Course of Lectures at the College de France (1992–1993)]. Moscow, Delo Publ., 2019. 416 p. (in Russian).
13. Zhavoronkov A. G. Social Aspects of Kant's Anthropology and Their Influence on the 20th Century Sociology: Problems and Cases. *Voprosy Filosofii*, 2019, vol. 12, pp. 187–197 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S004287440007536-4>
14. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Set of Works]. Vol. 2. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1941. 516 p. (in Russian).
15. *Nakaz Yekateriny II komissii o sostavlenii proekta novogo ulozheniya. 1767 goda.* [The order of Catherine II of the Commission on the drafting of a new regulation. 1767]. Moscow, Ed.: book on demand, 2012. 320 p. (in Russian).
16. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Set of Works]. Vol. 3. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 676 p. (in Russian).
17. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma* [Criticism of Practical Reason]. St. Petersburg, Nauka Publ.. 2005. 528 p. (in Russian).

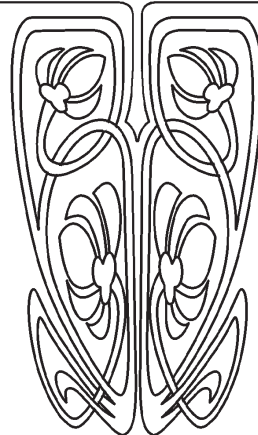
Поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 12.10.2022; принята к публикации 13.10.2022
 The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 12.10.2022; accepted for publication 13.10.2022

УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 396–405
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 396–405
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-396-405>
EDN: LFNUSZ

Научная статья
УДК 338.23

Импортозамещение как фактор инновационного развития экономики России

Ю. Р. Туманян, М. А. Индустриев ✉

Южный федеральный университет, Россия, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Туманян Юрий Рафаэлович, доктор экономических наук, профессор кафедры политэкономии и экономической политики, yrtumanyan@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0520-139X>

Индустриев Максим Алексеевич, преподаватель кафедры политэкономии и экономической политики, industriev@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-9085>

Аннотация. Введение. В современном мире внедрение инноваций становится одним из основных путей экономического развития на уровне как организаций, так и страны. В связи с этим особую актуальность приобретает процесс перехода экономики России на инновационный путь развития. Еще в 2011 г. Правительством РФ была утверждена Стратегия инновационного развития России до 2020 года: в ней сформулированы цели долгосрочного развития страны и показатели, характеризующие их выполнение. В качестве одного из ключевых факторов, способствующих достижению поставленных целей, было выделено импортозамещение. Цель статьи состоит в рассмотрении влияния импортозамещения на результативность реализации Стратегии инновационного развития России. **Теоретический анализ.** Процессы импортозамещения в экономике России начались с конца 1990-х годов. Основной причиной на тот момент являлась девальвация рубля, вследствие которой объем импорта в 1998–1999 гг. снизился более чем на 30%. Заместить импорт удалось за счет увеличения объема поставок отечественных производителей, возобновивших использование ранее законсервированных мощностей. По мнению ряда российских экономистов, в данный период импортозамещение выступило одним из ключевых стимулов роста ВВП и промышленного производства в стране. В 2000-х гг. процессы импортозамещения стали обретать скорее точечный, чем массовый фактор: они происходили в тех отраслях, где российские предприятия имели явные конкурентные преимущества. В 2014 г. в связи с введением экономических санкций против России правительством был принят ряд мер, направленных на активизацию импортозамещения в стране. **Эмпирический анализ.** В работе рассмотрено влияние проводимой политики импортозамещения на достижение стратегических целей инновационного развития России. Проведен статистический анализ показателей, характеризующих результативность проводимых мероприятий в области импортозамещения и стимулирования инновационного развития. **Результаты.** По результатам статистического анализа данных получен вывод о том, что целевые показатели в области импортозамещения в целом не достигнуты: по ключевым отраслям экономики продолжает наблюдаться высокая зависимость от поставок зарубежной продукции. Инновационные технологии, используемые отечественными организациями, по-прежнему имеют преимущественно импортное происхождение. При этом показатели инновационной активности в России продолжают оставаться существен-

но ниже, чем в зарубежных странах. Во многом это связано с действием таких факторов, как недостаток или дефицит денежных средств у организаций, большие сроки окупаемости инвестиций в инновации, недостаток квалифицированных кадров, а также сокращение возможностей в области кооперации с другими предприятиями и научными организациями.

Ключевые слова: импортозамещение, перспективы импортозамещения, развитие технологий, отечественное производство, инновационное развитие, инновации в России, экономика России

Для цитирования: Туманян Ю. Р., Индустриев М. А. Импортозамещение как фактор инновационного развития экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 396–405. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-396-405>, EDN: LFNUSZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Import substitution as a factor of Russian economy innovative development

Yu. R. Tumanyan, M. A. Industriev ✉

Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344006, Russia

Yuri R. Tumanyan, yrtumanyan@sfned.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0520-139X>

Maksim A. Industriev, industriev@sfned.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3816-9085>

Abstract. Introduction. In the modern world, the introduction of innovations is becoming one of the main ways of economic development of both organizations and states. In this regard, the process of switching Russian economy to the innovative way of development acquires special importance. Still in 2011, the Government approved the Strategy for Innovative Development of Russia until 2020: it formulates the goals of the country's long-term development and indicators that characterize their implementation. Import substitution was identified as one of the key factors contributing to the achievement of these goals. The aim of the work is to study the impact of import substitution on the effectiveness of the implementation of the Strategy for Innovative Development of Russia. **Theoretical analysis.** Import substitution processes in Russian economy began in the late 1990s. The main reason at that time was the ruble devaluation, due to which the volume of imports in 1998–1999 decreased by more than 30%. Imports replacement became possible by increasing the supply of domestic producers who resumed the use of previously mothballed facilities. According to a number of Russian economists, during this period import substitution was one of the key drivers of GDP and industrial production growth in the country. In the 2000s, import substitution processes began to take on a point-by-point rather than a mass factor: they took place in those industries where Russian enterprises had clear competitive advantages. In 2014, following the implementation of economic sanctions against Russia, the Government adopted a number of measures aimed at intensifying import substitution in the country. **Empirical analysis.** The text of the strategy identifies import substitution as one of the key factors in the innovative development of the domestic economy. The paper considers the impact of the ongoing policy of import substitution on the achievement of the strategic goals of Russia's innovative development. A statistical analysis of indicators characterizing the effectiveness of ongoing measures in the field of import substitution and stimulation of innovative development was carried out. **Results.** According to the results of data statistical analysis, a conclusion is obtained that the target indicators in the field of import substitution have not been achieved: in key sectors of the economy there is still a high dependence on supplies of foreign products. Innovative technologies used by domestic organizations are still mainly of import origin. At the same time, indicators of innovation activity in Russia remain significantly lower than in foreign countries. This situation relates mainly to such factors as lack or shortage of organizations funds, long payback period of investments in innovation, lack of qualified personnel, as well as reduction of opportunities in cooperation with other enterprises and scientific organizations.

Keywords: import substitution, prospects for import substitution, technology development, domestic production, innovative development, innovations in Russia, Russian economy

For citation: Tumanyan Yu. R., Industriev M. A. Import substitution as a factor of Russian economy innovative development. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 396–405 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-396-405>, EDN: LFNUSZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На современном этапе развития мировая экономика продолжает находиться на стадии постиндустриального развития, где традиционная товарная продукция уступает место нематериальным активам, создаваемым на основе знаний и новых технологий. Развитые страны, находящиеся на передовых позициях в данном направлении, уже сегодня обладают конкурентными преимуществами, дающими возможность оказывать влияние на динамику мирового экономического процесса. Таким об-

разом, в обеспечении динамически устойчивого развития экономики на первый план выходят инновации и их внедрение в процесс инновационной деятельности.

Активное обсуждение в научном сообществе, а также на уровне субъектов государственной власти о целесообразности перехода экономики России на инновационный путь развития началось в начале 2000-х гг. Так, в феврале 2008 г. на заседании Госсовета было заявлено, что переход на инновационный путь развития выступает одной из ключевых задач

России, без реализации которой «страна не сможет решить ни одну из стратегических задач для своих граждан и в конечном итоге окажется перед перспективой утери национального суверенитета» [1].

Во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. основные усилия экономической политики в стране были направлены на минимизацию отрицательных последствий внутренних и внешних шоков для национальной экономики страны. Финансовый кризис привел к более глубокому пониманию необходимости ускорения перехода национальной экономики к инновационному пути развития. В связи с этим правительство страны в дополнение к Концепции долгосрочного социально-экономического развития страны начало разработку стратегии внедрения инноваций в экономике. В декабре 2011 г. была принята Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Стратегия).

В качестве основной цели долгосрочного развития в Стратегии обозначено «обеспечение высокого уровня благосостояния населения и закрепление геополитической роли России как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня» [2]. По мнению авторов Стратегии, способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную социально ориентированную модель развития [2].

Одним из целевых направлений в рамках Стратегии является участие России в мировой

инновационной системе. В качестве одного из инструментов достижения этой цели рассматривается реализация мер по развитию международного научно-технического партнерства, поддержке российских компаний на внешних рынках и осуществлению замещения высокотехнологичного импорта продукцией, производимой в России.

Таким образом, сформулированная еще в 2011 г. Стратегия инновационного развития России справедливо отмечала импортозамещение в качестве одного из факторов инновационного развития отечественной экономики.

Теоретический анализ

В последние годы процесс импортозамещения значительно активизировался в связи с обострением международной обстановки и продолжением применения санкционной политики в отношении Российской Федерации западными странами. В 2022 г. Россия стала мировым лидером по количеству введенных против нее ограничительных мер. Число российских физических и юридических лиц, находящихся под санкциями, по данным аналитического портала Castellum, превышает 11 тыс. [3].

Данная тенденция отразилась также и на повышении интереса российских ученых к исследованиям в этой области: в 2014–2016 гг. зафиксирован многократный рост количества публикаций, посвященных проблемам импортозамещения [4] (рис. 1).

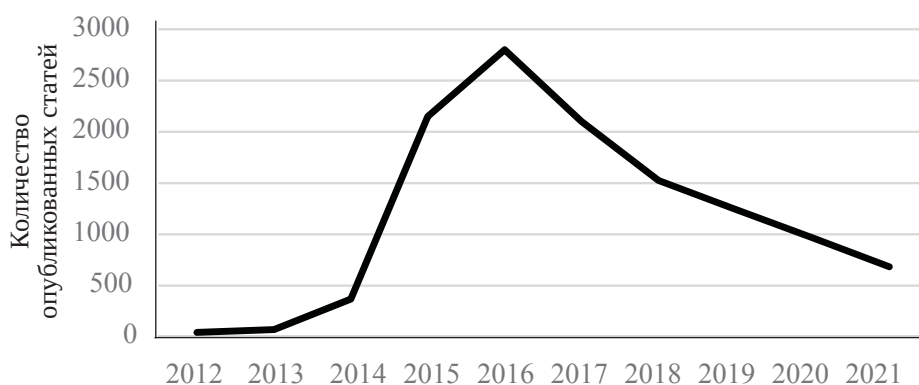

Рис. 1. Динамика количества опубликованных в электронной библиотеке «Elibrary» статей, содержащих ключевое слово «импортозамещение»

Fig 1. Dynamics of the number of articles published in the Elibrary electronic library that contain the key word “import substitution”

Как видно из рисунка, после 2016 г. количество публикаций по теме импортозамещения начало несколько снижаться. На наш взгляд, это может быть связано с тем, что после всплеска интереса, связанного с введе-

нием санкций и запуском государственных программ в области импортозамещения, авторы начали постепенно возвращаться к исследованию других насущных проблем экономики.

В ряде современных работ проблема импортозамещения в России рассматривается в тесной связи с глобальными тенденциями развития мировой экономики, а данный процесс определяется как этап инновационного процесса развития и преобразования экономики для перехода к следующим технологическим укладам. Так, В. К. Фальцман определяет импортозамещение как «естественный процесс развития и экономического роста, модернизации, преодоления накопленного научно-технического отставания и повышения конкурентоспособности отечественной продукции» [5, с. 23]. В свою очередь, в работе А. Ф. Суховея и И. М. Головы отмечается, что импортозамещение выступает как «одно из направлений неиндустриализации, которая подразумевает развитие экономики, основанной на знаниях, эффективном использовании человеческих ресурсов, коммуникационных, компьютерных и иных новых технологий» [6, с. 3].

Стоит отметить, что импортозамещение в России получило свое развитие еще до введения санкций. Так, в 1998–1999 гг. объем импорта сократился более чем на 30% из-за девальвации рубля. Заместить импорт удалось за счет увеличения объема поставок отечественных производителей, возобновивших использование ранее законсервированных производственных мощностей. По мнению ряда российских экономистов, существенный вклад в рост ВВП и промышленного производства России в 1998–2000 гг. внесли именно импортозамещающие технологии и продукты [7, с. 356]. В 2000-х гг. роль импортозамещения в экономическом росте несколько сократилась, так как оно продолжалось в основном в отраслях, где российские предприятия имели явные преимущества перед конкурентами [8, с. 149].

Реализация политики импортозамещения в наши дни имеет тесную связь с геополитической обстановкой. Ужесточение санкций и лишение организаций возможностей доступа к зарубежным технологиям и финансовым ресурсам ведет к увеличению отставания России от технологически передовых стран. Для его преодоления потребуются создать и внедрить новые механизмы стимулирования технологической модернизации, развивать инструменты финансирования производств наукоемкой и высокотехнологичной продукции, а также привлечь университетское сообщество к созданию и развитию инновационных стартапов. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить формированию институциональной среды, способствующей повышению привлекательности инновационной деятельности в стране.

В целях активизации импортозамещения осенью 2014 г. Правительство Российской Федерации своим распоряжением утвердило План содействия импортозамещению в промышленности. План предусматривал разработку «дорожной карты» мероприятий на ближайшие шесть лет, реализация которых позволит сократить зависимость страны от импорта критически важных видов товаров. На основе дорожной карты Министерством промышленности и торговли были введены целевые ориентиры и перечень приоритетных «критических» видов продукции, услуг и программного обеспечения, по которым к концу 2020 г. планировалось сократить зависимость от зарубежных поставок. Список приоритетов включил в себя 23 отрасли и сегмента, более 800 видов продукции и технологий [9, с. 44].

Для достижения целей были предприняты такие меры поддержки импортозамещения, как субсидирование процентной ставки и предоставление госгарантий по кредитам, субсидирование расходов на НИОКР, финансирование через институты развития, а также инструменты налогового и таможенно-тарифного регулирования.

Итак, по прошествии отведенного срока можем подвести некоторые промежуточные итоги предпринятых для достижения поставленных целей мер.

Эмпирический анализ

В ходе представления отчета главы Правительства РФ за 2020 г. было отмечено, что в стране продолжается последовательное расширение импортозамещения в промышленности, прежде всего – в обрабатывающей. Так, согласно представленным данным, «доля отечественной продукции в этих отраслях в прошлом году выросла достаточно серьезно и составляет сейчас порядка 60%» [10]. При этом конкретных статистических данных, позволяющих оценить достижение целевых показателей дорожной карты содействия импортозамещению озвучено не было.

На сайте Федеральной службы государственной статистики в разделе «Показатели, характеризующие импортозамещение в России» представлены данные только по продуктам питания и сфере торговли [11], при этом данные статистических изданий не дают возможности оценить зависимость от импорта в отраслевом разрезе.

Таким образом, провести комплексный и объективный анализ итогов реализации по-

литики импортозамещения за последние годы не представляется возможным. В связи с этим рассмотрим данные аналитических исследований, имеющих в открытом доступе.

Наиболее впечатляющие результаты из всех секторов продемонстрировал агропромышленный – с 2013 по 2020 г. импорт продуктов снизился на 31,2% до 29,7 млрд долл., при этом впервые в новейшей истории России объем экспорта сельскохозяйственной продукции превысил объем импорта [12].

Однако по другим секторам экономики многие цели и задачи не были выполнены. Так, в 2019 г. редакция газеты «Новые известия» провела анализ опубликованных в Государственной информационной системе правительства [13] планов по импортозамещению в 22 отраслях. Журналисты рассчитали запланированные и фактические средние уровни импортозависимости по основным отраслям промышленности по итогам 2015–2018 гг. [14]. Результаты данных расчетов приведены на рис. 2.

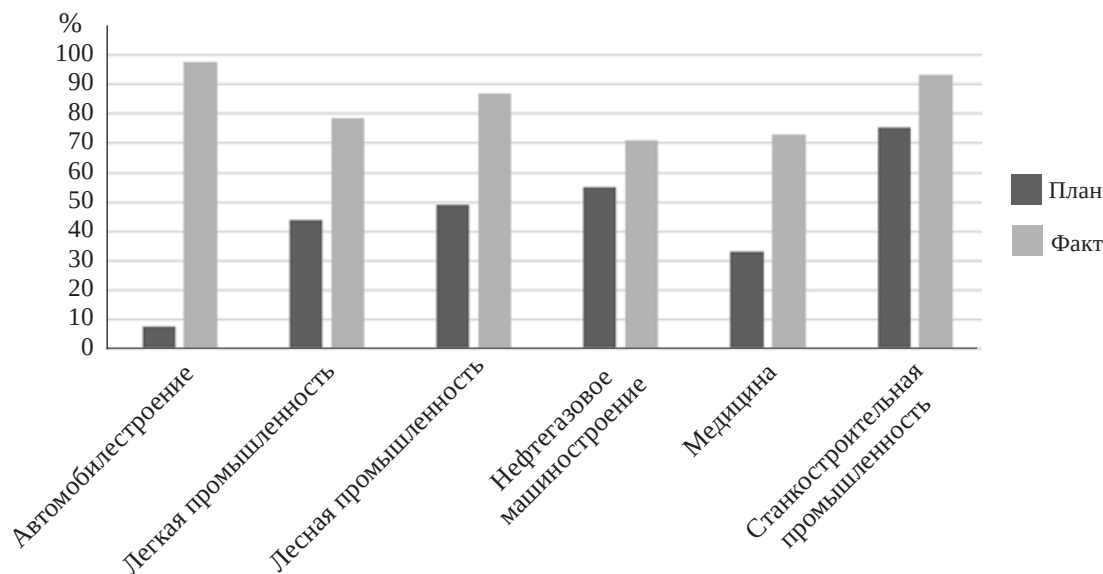

Рис. 2. Планируемые и фактические уровни импортозависимости по основным отраслям промышленности
Fig. 2. Planned and actual levels of import dependence by major industries

Как видно из диаграммы, во всех представленных отраслях уровни импортозависимости выше запланированных, следовательно, целевые уровни импортозамещения не были достигнуты.

В целом, ситуация с импортозамещением в промышленности оставляет желать лучшего. Так, доля машин и оборудования в структуре импорта сокращается крайне медленными темпами: по данным государственной статистики, в 2015 г. она составляла 48,6%, а в 2020-м – 47,6% [11]. При этом руководители отечественных компаний сталкиваются с большим количеством факторов, ограничивающих возможности по отказу от импортного сырья и оборудования. Так, по данным проведенного в 2021 г. исследования Института им. Е. Т. Гайдара, основным препятствием к снижению импортозависимости промышленных предприятий является отсутствие отечественных аналогов. Эту причину в 2015 г. называли 62% руководителей российских предприятий, в 2021 г. – 81% [15]. На втором

месте среди ограничивающих процесс импортозамещения выступает фактор низкого качества отечественного оборудования и сырья – об этом сообщили более половины участников опроса. Остальные факторы упоминаются значительно реже (рис. 3) [15].

Помимо сложностей с реализацией импортозамещения в промышленности, не удалось в полной мере реализовать и задачу перехода федеральных и региональных органов власти на использование отечественного программного обеспечения (ПО). К 2020 г. доля импорта используемых бизнес-приложений и антивирусного ПО должна была сократиться до 50%, импортных серверных операционных систем – до 60%, систем управления базами данных (СУБД) – до 70%. На сегодняшний день доля отечественного ПО в представленных направлениях составляет менее 20%, в связи с чем в 2021 г. корпорации Ростех и Росатом разработали дорожную карту «Новые производственные технологии».

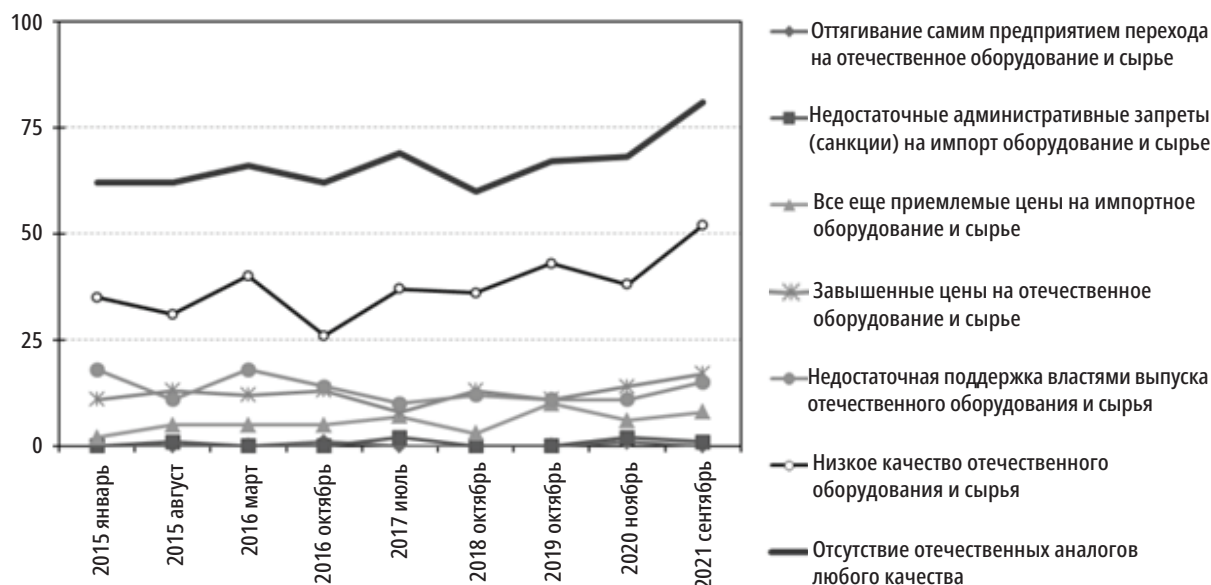

Рис. 3. Помехи импортозамещению для российских промышленных предприятий в 2015–2021 гг., %
 Fig. 3. Impediments to import substitution for Russian industrial enterprises in 2015–2021, %

В документе обозначена цель по увеличению к 2024 г. доли отечественного ПО в промышленности с 15 до 60% [16].

Не были достигнуты целевые уровни и по локализации производства в сфере медицины. Согласно данным Счетной палаты, по базовым видам оборудования и изделий доля российской продукции по итогам 2020 г. составила 28,8% вместо запланированных 40,0% [17].

Таким образом, импортозамещение на сегодняшний день не выступило как фактор, оказавший существенное положительное влияние на протекание процессов инновационного развития в экономике России.

Впрочем, и цели, обозначенные в Стратегии инновационного развития, были выполнены далеко не полностью. В России продолжает

оставаться крайне низкой степень развития инновационных технологий. Это обусловлено использованием старых технологий в производстве, высокой степенью износа производственных фондов, недостаточным уровнем обеспечения безопасности труда. От этого ухудшается качество продукции, что в свою очередь делает ее неконкурентоспособной не только на внешнем, но и на внутреннем рынке.

Так, по данным Федеральной службы по интеллектуальной собственности, в 2021 г. в России было выдано менее 24 тыс. патентов, что является минимальным показателем за последние пятнадцать лет [18]. В целом, за последнее десятилетие количество выдаваемых патентов не демонстрирует повышательной динамики (рис. 4).

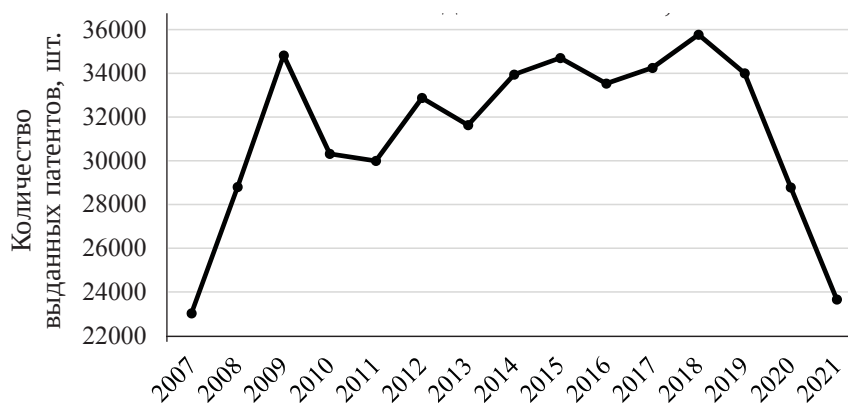

Рис. 4. Динамика количества выданных в России патентов
 Fig. 4. Dynamics of the amount of patents issued in Russia

Подобная динамика является еще одним подтверждением низкого уровня инновационной активности в стране. Стоит также отметить, что многие научные разработки не реализуются в России, а продаются в зарубежные страны, что связано с неготовностью управленческого аппарата организаций к внедрению инноваций и изменениям технологий производства [19, с. 362], так как руководство таких предприятий ориентировано не столько на проведение модернизации с целью выхода на новые рынки и поддержание

конкурентоспособности, сколько на выживание и получение прибыли «здесь и сейчас».

Такая политика ведет к тому, что отечественные предприятия продолжают значительно отставать в сфере разработки и внедрения научно-технических достижений от организаций, ведущих деятельность в государствах-лидерах. Наглядным свидетельством данного отставания выступает сопоставление индикаторов инновационной активности отечественных и зарубежных организаций (таблица).

Показатели инновационного развития СССР, России и зарубежных стран
Table. Indicators of innovative development of the USSR, Russia and foreign countries

Показатель	Отечественная экономика			Зарубежные страны (2018)
	СССР	Россия		
	1988	2015	2020	
Внутренние затраты на исследования и разработки, в % от ВВП	6,0	1,1	1,1	Республика Корея – 4,5 Япония – 3,3 Германия – 3,1 США – 2,8 Финляндия – 2,8 Франция – 2,2 Великобритания – 1,7
Количество отечественных заявок на выдачу патентов на изобретения, поданных в стране (на 10 тысяч человек населения)	4,0	2,0	1,6	Республика Корея – 33,2 Япония – 19,4 США – 8,7 Германия – 5,6 Финляндия – 2,4 Франция – 2,1 Великобритания – 1,8
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций, %	67,0	9,5	23,0*	Финляндия – 58,2 Германия – 55,0 Великобритания – 44,5 Франция – 43,2 Япония – 40,6 Республика Корея – 26,4
Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %	15,0	8,4	5,7	Великобритания – 15,5 Германия – 14,0 Япония – 12,2 Финляндия – 11,3 Франция – 9,9

*С 2017 г. показатель начал рассчитываться по новой методологии (произведен переход от 3 к 4 редакции Руководства Осло), в связи с чем данные несопоставимы. Сост. по: [11; 20, с. 261; 21].

Итак, как видно из данных таблицы, после распада СССР показатели инновационной деятельности в России многократно сократились. При этом, несмотря на предпринимаемые меры по улучшению ситуации, за последние годы показатели инновационного развития не демонстрируют устойчивого восстановления. В случае сохранения имеющихся тенденций России не удастся преодолеть разрыв со странами-лидерами.

С учетом имевшихся до распада СССР показателей инновационного развития, а также зарубежного опыта можно сделать вывод, что потенциал предприятий промышленности не используется в полной мере для достижения целей инновационного развития страны. Таким образом, ситуацию в данной сфере можно охарактеризовать как кризисную.

Во многом именно кризисная ситуация в реализации инновационной политики является

причиной замедления темпов экономического роста России. На сегодняшний день на государственном уровне сложилось понимание значимости перехода экономики страны на инновационный путь развития, предпринимаются меры по стимулированию инновационной активности. Тем не менее показатели инновационного развития на сегодняшний день не демонстрируют тенденции к повышению. Соответственно, необходима корректировка мер государственной поддержки в сфере разработки и внедрения инноваций в различные отрасли экономики.

Результаты

В стратегии инновационного развития, принятой в Российской Федерации в 2011 г., была отмечена высокая значимость импортозамещения. Особенно актуальной данная проблема стала во многом по причине обострения внешнеполитической ситуации. На протяжении уже восьми лет российская экономика находится в условиях экономических санкций. В списке организаций, против которых введены ограничения, находятся крупнейшие компании нефтегазового, финансового, оборонного секторов экономики. В первую очередь санкции направлены на ограничение доступа данных организаций к европейскому рынку капитала, а также сокращение торгово-производственного взаимодействия с рядом инновационных отраслей российской экономики, к которым относятся авиастроение, энергетическая, оборонная и космическая отрасли. Таким образом, введенные санкции выступают существенным барьером для инновационного развития России.

В связи с этим наряду со Стратегией инновационного развития России была также принята дорожная карта по импортозамещению до 2020 г., в которой были обозначены целевые показатели сокращения зависимости от импорта по ключевым отраслям экономики. Как показал анализ статистических данных, достигнуть поставленных целей не удалось: по ключевым отраслям экономики продолжает наблюдаться высокая зависимость от поставок зарубежной продукции. Следовательно, можно сделать вывод, что в настоящее время импортозамещение не оказывает существенного положительного влияния на инновационное развитие страны.

Впрочем, и показатели инновационной активности в России по истечению срока реализации Стратегии не продемонстрировали явной положительной динамики. Во многом это связано с действием таких факторов, как недо-

статок или дефицит денежных средств у организаций, большие сроки окупаемости инвестиций в инновации, недостаток квалифицированных кадров, а также сокращение возможностей в области кооперации с другими предприятиями и научными организациями.

Мировой опыт показывает, что инновационное развитие экономики во многом основывается на секторе фундаментальных исследований в сочетании с эффективной системой образования, развитой национальной инновационной структурой и качественным уровнем нормативно-правового обеспечения инновационной деятельности.

Список литературы

1. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года», 8 февраля 2008 г., Москва. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (дата обращения: 13.03.2022).
2. О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Advanced Global Watchlist Search // Castellum.AI. URL: <https://search.castellum.ai/search> (дата обращения: 10.09.2022).
4. Электронная библиотека «Elibrary». URL: <https://www.elibrary.ru/> (дата обращения: 18.03.2022).
5. Фальцман В. К. Форсирование импортозамещения в новой геополитической обстановке // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1. С. 22–32.
6. Суховой А. Ф., Голова И. М. Формирование политики импортозамещения в старопромышленных регионах // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 42. С. 2–13.
7. Фертикова Ю. В., Нехорошев Ю. С. Современное состояние процессов диверсификации и импортозамещения как основы эффективности и независимости российской экономики // Экономика России в XXI веке : сб. науч. тр. XII Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. / под ред. Г. А. Барышевой, Л. М. Борисовой. Томск : Изд-во ТПУ, 2015. Т. 1. С. 354–360.
8. Ушакова О. А. Стратегическое планирование импортозамещения в регионе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 8 (183). С. 148–153.
9. Мантуров Г. С., Никитин В. С. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 40–49.
10. Ежегодный отчет Правительства в Госдуме – 2021 год // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/politics/ezhegodnyy-otchet-pravitelstva-v-gosdumepolnyu-tekst.html> (дата обращения: 27.03.2022).

11. Федеральная служба государственной статистики России : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 27.03.2022).
12. Россия в 2020 году показала рекорд по поставкам продовольствия за рубеж // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/09/03/2021/604217269a79471196c1131b> (дата обращения: 25.03.2022).
13. Государственная информационная система промышленности Минпромторга России : [сайт]. URL: <https://gisp.gov.ru/plan-import-change/> (дата обращения: 16.03.2022).
14. Аналитическое исследование «Свое вместо чужого: как Россия избавляется от импорта» // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/article/tilda/06-11-2018/svoe-vmesto-chuzhogo-kak-rossiya-izbavlyaetsya-ot-importa> (дата обращения: 09.03.2022).
15. Доклад о результатах мониторинга развития российской промышленности // Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. URL: <https://www.iep.ru/ru/sobytiya/sergey-tsukhlo-vystupil-na-seminare-po-ekonomike-i-energetiki-i-okruzhayushchey-sredy-v-mshemgu-im-m-v-lomonosova.html> (дата обращения: 28.03.2022).
16. Утверждена разработанная Росатомом и Ростехом дорожная карта «Новые производственные технологии» // Ростех. URL: <https://rostec.ru/news/utverzhdjena-razrabotannaya-rosatomom-i-rostekhom-dorozhnaya-karta-novye-proizvodstvennye-tehnologii/> (дата обращения: 26.03.2022).
17. Медицину не отключают от импорта // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4899714> (дата обращения: 27.03.2022).
18. Федеральная служба по интеллектуальной собственности России (Роспатент) : [сайт]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports> (дата обращения: 30.04.2022).
19. Шалаев И. А. Основные направления стратегического управления инновационными проектами // Инновации, качество и сервис в технике и технологиях : сб. науч. тр. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 т. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск, 2014. Т. 3. С. 361–365.
20. Индикаторы инновационной деятельности: 2021 : стат. сб. М. : НИУ ВШЭ. 2021. 280 с.
21. World and regional statistics, national data, maps, rankings : [site]. URL: <https://knoema.com/atlas> (дата обращения: 31.03.2022).
2. About the Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020. Decree of the Government of the Russian Federation no. 2227-p of December 8, 2011. *АТР «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
3. Advanced Global Watchlist Search. *Castellum.AI*. Available at: <https://search.castellum.ai/search> (accessed 10 September 2022).
4. Electronic library «Elibrary». Available at: <https://www.elibrary.ru> (accessed 18 March 2022) (in Russian).
5. Falcman V. K. Forcing import substitution in a new geopolitical situation. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], 2015, no. 1, pp. 22–32 (in Russian).
6. Suhovej A. F., Golova I. M. Formation of import substitution policy in old industrial regions. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2015, no. 42, pp. 2–13 (in Russian).
7. Fertikova Yu. V., Nekhoroshev Yu. S. The current state of the processes of diversification and import substitution as the basis of the efficiency and independence of the Russian economy. In: Barysheva G. A., Borisova L. M. (eds.) *Ekonomika Rossii v XXI veke. Sbornik nauchnykh trudov XII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The Russian economy in the XXI century. Collection of scientific papers of the XII All-Russian scientific and practical conference]. Tomsk, Tomsk Polytechnic University Publ., 2015, vol. 1, pp. 354–360 (in Russian).
8. Ushakova O. A. Strategic planning of import substitution in the region. *Vestnik of the Orenburg State University*, 2015, no. 8 (183), pp. 148–153 (in Russian).
9. Manturov G. S., Nikitin V. S. Import substitution planning in Russian industry: The practice of Russian public administration. *Voprosy Ekonomiki*, 2016, no. 9, pp. 40–49 (in Russian).
10. The annual report of the Government in the State Duma – 2021. *Parlamentskaya gazeta* [Parliamentary Newspaper]. Available at: <https://www.pnp.ru/politics/ezhegodnyy-otchet-pravitelstva-v-gosdumepolnyy-tekst.html> (accessed 27 March 2022) (in Russian).
11. *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki Rossii* (The Federal Service of State Statistics of Russia. Site). Available at: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed 27 March 2022) (in Russian).
12. Russia in 2020 showed a record for food supplies abroad. *RBC*. Available at: <https://www.rbc.ru/business/09/03/2021/604217269a79471196c1131b> (accessed 25 March 2022) (in Russian).
13. *Gosudarstvennaya informatsionnaya sistema promyshlennosti Minpromtorga Rossii* (The State information system of industry of the Ministry of Industry and Trade of Russia. Site). Available at: <https://gisp.gov.ru/plan-import-change/> (accessed 16 March 2022) (in Russian).
14. Analytical study “Your own instead of someone else’s: how Russia gets rid of imports”. *Novye izvestiya*

References

1. *Vystuplenie na rasshirennom zasedanii Gosudarstvennogo soveta «O strategii razvitiya Rossii do 2020 goda»* (Speech at the enlarged meeting of the State Council “About the development strategy of Russia until 2020”), February 8, 2008, Moscow. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24825> (accessed 13 March 2022) (in Russian).

- (New News). Available at: <https://newizv.ru/article/tilda/06-11-2018/svoe-vmesto-chuzhogo-kak-rossiya-izbavlyaetsya-ot-importa> (accessed 09 March 2022) (in Russian).
15. Report on the results of monitoring the development of Russian industry. *Institut ekonomicheskoi politiki im. E. T. Gajdara* (E.T. Gaidar Institute of Economic Policy). Available at: <https://www.iep.ru/ru/sobytiya/sergey-tsukhlo-vystupil-na-seminare-po-ekonomike-i-energetiki-i-okruzhayushchey-sredy-v-mshe-mgu-im-m-v-lomonosova.html> (accessed 28 March 2022) (in Russian).
 16. The roadmap «New production Technologies» developed by Rosatom and Rostec has been approved. *Rostekh* (Rostec). Available at: <https://rostec.ru/news/utverzhdena-razrabotannaya-rosatomom-i-rostekhom-dorozhnaya-karta-novye-proizvodstvennye-tehnologii/> (accessed 26 March 2022) (in Russian).
 17. Medicine is not disconnected from imports. *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4899714> (accessed 27 March 2022) (in Russian).
 18. *Federalnaya sluzhba po intellektualnoi sobstvennosti Rossii (Rospatent)* (Federal Service for Intellectual Property of Russia (Rospatent)). Available at: <https://rospatent.gov.ru/ru/about/reports> (accessed 30 April 2022) (in Russian).
 19. Shalaev I. A. The main directions of strategic management of innovative projects. In: A. A. Gorokhov (ed.) *Innovatsii, kachestvo i servis v tekhnike i tekhnologiyakh* [Innovations, quality and service in engineering and technology. Collection of scientific papers of the 4th Int. Sci. and Pract. Conf.]. Kursk, 2014, vol 3, pp. 361–365 (in Russian).
 20. *Indikatory innovatsionnoy deyatel'nosti: 2021* [Indicators of innovation activity: 2021]. Moscoiw, HSE Publ., 2021. 280 p. (in Russian).
 21. *World and regional statistics, national data, maps, rankings*. Site. Available at: <https://knoema.com/atlas> (accessed 31 March 2022).

Поступила в редакцию 10.10.2022; одобрена после рецензирования 12.10.2022; принята к публикации 13.10.2022
The article was submitted 10.10.2022; approved after reviewing 12.10.2022; accepted for publication 13.10.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 406–412

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 406–412

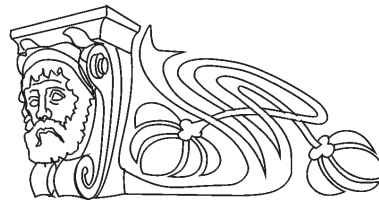
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-406-412>, EDN: LJMGWO

Научная статья

УДК 330.65.658.005.5

Формирование модели оценки экономической безопасности в условиях цифровых преобразований

Е. В. Левченко¹✉, А. А. Левченко²

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

²Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Левченко Екатерина Вячеславовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической безопасности и управления инновациями, limonovaev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6222-7436>

Левченко Андрей Александрович, кандидат политических наук, преподаватель кафедры экономической психологии и психологии, levchenko55555@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2197-101X>

Аннотация. Введение. Новые экономические условия сегодня проявляются в развитии цифровой экономики и определяют необходимость разработки новых методов оценки, управления, способов привлечения специалистов. В данной статье была предпринята попытка сформулировать модель оценки экономической безопасности в условиях цифровых преобразований, показывающую, как внедрение цифровых технологий способствует росту реальных отраслевых показателей и показателей экономической безопасности. **Теоретический анализ** строится на предположении о том, что эффективность цифровых преобразований выражается через темпы изменения показателей экономической безопасности определенной отрасли. Для примера была выбрана сфера АПК как ключевая в области сохранения продовольственной и экономической безопасности России. Модель оценки экономической безопасности инновационной деятельности включает четыре этапа: формирование набора показателей, которые характеризуют уровень цифрового развития отрасли; построение эталонного ряда и ранжирование показателей; сопоставление фактических ранговых рядов с эталонным ранговым рядом, расчет коэффициента развития; интерпретация результатов оценки экономической безопасности цифровых преобразований. **Эмпирический анализ.** Полученные результаты свидетельствуют, что в отрасли имеются патологические проблемы, которые невозможно разрешить путем цифровизации. Об этом свидетельствует тренд коэффициента развития: наблюдается опережающий рост инвестиций в цифровое развитие на фоне слабо растущих внутриотраслевых показателей; заметно снижение реально располагаемых доходов населения на фоне роста инфляции, что отражается на покупательской способности населения; в отрасли АПК высок уровень изношенности основных фондов. **Выводы.** Использование модели оценки экономической безопасности достаточно информативно отражает современные реалии экономического развития. Результаты оценки показали наличие в отрасли кризисных явлений и ее тяжелого состояния. Направлением решения сложившихся проблем может стать повышение экономической безопасности как на уровне государства и отрасли, так и на уровне отдельно взятой организации.

Ключевые слова: цифровые преобразования, оценка, экономическая безопасность

Для цитирования: Левченко Е. В., Левченко А. А. Формирование модели оценки экономической безопасности в условиях цифровых преобразований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 406–412. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-406-412>, EDN: LJMGWO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Forming a model for assessing economic security in conditions of digital transformations

Е. V. Levchenko¹✉, А. A. Levchenko²

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya St., Saratov 410054, Russia

²Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina V. Levchenko, limonovaev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6222-7436>

Andrey A. Levchenko, levchenko55555@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2197-101X>

Abstract. Introduction. New economic conditions today are reflected in the development of the digital economy and determine the need to develop new methods of assessment, management, ways to attract specialists. In this article, an attempt was made to formulate a model

for assessing economic security in the context of digital transformation, showing how the introduction of digital technologies contributes to the growth of real industry indicators and indicators and economic security. *Theoretical analysis* is based on the assumption that the effectiveness of digital transformations is expressed through the rate of change in the economic security indicators of a particular industry. For example, the agro-industrial complex was chosen as the key one in the field of maintaining the food and economic security of Russia. The model for assessing the economic security of innovation activity includes four stages: the formation of a set of indicators that characterize the level of digital development of the industry; construction of a reference series and ranking of indicators; comparison of the actual ranking series with the reference ranking series, calculation of the development coefficient; interpretation of the digital transformations' economic security assessment results. *Empirical analysis*. The results obtained indicate that there are pathological problems in the industry that cannot be resolved through digitalization, this is proved by the development coefficient trend: there is an outstripping growth of investment in digital development against the backdrop of weakly growing intra-industry indicators; there is a decrease in the real disposable income of the population against the backdrop of rising inflation, which affects the purchasing power of the population; in the agro-industrial complex there is a high level of depreciation of fixed assets. *Conclusions*. The use of the economic security assessment model quite informatively reflects the current realities of economic development. The results of the assessment showed the presence of crisis phenomena in the industry and its grave condition. A way of solving the existing problems can be the increase of economic security both at the level of the state and industry, and at the level of a single organization.

Keywords: digital transformation, assessment, economic security

For citation: Levchenko E. V., Levchenko A. A. Forming a model for assessing economic security in conditions of digital transformations. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 406–412 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-406-412>, EDN: LJMGGWO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В настоящее время инновационное развитие отраслей связано с внедрением цифровых технологий. Активно внедряются квантовые технологии, нейротехнологии, системы распре-

деленного реестра, технологии беспроводной связи, цифровые производственные технологии, компоненты робототехники и сенсорики. Степень использования новых цифровых технологий в российских компаниях представлены на рисунке.

Степень использования новых цифровых технологий в российских компаниях, % [1] (цвет online)

Figure. The degree of use of new digital technologies in Russian companies, % [1] (color online)

Данные, представленные на рисунке, позволяют говорить о следующем:

– во-первых, инновационное развитие отраслей на основе внедрения цифровых технологий специфично для разных отраслей экономики;

– во-вторых, несмотря на активность, в целом малое число компаний внедряет новые цифровые технологии в деятельность. Причины этого могут крыться в трех аспектах: низком

спросе на продукцию, произведенную с использованием цифровых технологий; слабом финансировании проектов цифровой трансформации бизнеса; непонимании, как внедрение инновационных технологий отразится на результатах деятельности организации.

В связи с этим формирование модели оценки экономической безопасности цифровых преобразований имеет большую теоретическую

и практическую значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в развитии инструментария оценки экономической безопасности инновационного развития. Практическая значимость для отрасли заключается в понимании состояния цифрового развития, рисков и угроз, а также потенциала минимизации их негативного воздействия. Для конкретной компании практическая значимость заключается в понимании условий и общих тенденций инновационной и цифровой трансформации отрасли, инструментов отражения цифрового развития в результатах хозяйственной деятельности (прибыль, выручка, доход).

Теоретический анализ

Современные теоретические исследования в области оценки экономической безопасности цифровых преобразований в научной литературе представлены слабо. Однако ученые сходятся во мнении, что инновационное развитие, внедрение цифровых технологий должно способствовать росту реальных отраслевых показателей и показателей экономической безопасности [2–6].

Гипотеза данного исследования состоит в предположении о том, что эффективность цифровых преобразований выражается через темпы изменения показателей экономической безопасности определенной отрасли. Для примера была выбрана сфера АПК как ключевая в области сохранения продовольственной и экономической безопасности России. Модель оценки экономической безопасности инновационной деятельности включает несколько этапов.

Этап 1. Формирование набора показателей, которые характеризуют уровень цифрового развития отрасли. Систему показателей составляют следующие группы:

I – Темпы роста ресурсных показателей (инвестиции отрасли в цифровизацию; объем государственной поддержки; цены на сырье; поголовье скота);

II – Темпы роста производственных показателей (объем произведенной продукции; рост активов; рост доходов от реализации; рост рентабельности продукции; рост денежных притоков);

III – Темпы роста социально-экономических показателей (рост цен на продукцию; динамика и рентабельность доходов населения; спрос на продукцию; уровень цифровых навыков населения).

Этап 2. Построение эталонного ряда и ранжирование показателей. Эталонный ряд строился исходя из логики, какие показатели должны расти быстрее, а какие медленнее.

При ранжировании использовались следующие принципы [7]: 1) принцип ранжирования – ценность выходных показателей выше входных и процессных; 2) принцип транзитивности – свойство отношений, при котором из того, что 1-й элемент находится в определенном отношении ко 2-му, а 2-й к 3-му, следует, что 1-й элемент находится в этом же отношении к 3-му.

Далее каждому элементу эталонного ряда были присвоены ранги, начиная с первого (для самого быстро ускоряющегося коэффициента) до восьмого (самый медленно ускоряющийся коэффициент), что иллюстрирует табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Ранжирование эталонного динамического ряда
Ranging of the reference dynamic series

Показатель	T(Д)	T(С)	T(ЦН)	T(П)	T(ЦО)	T(Р)	T(ФО)	T(НМА)	T(ВА)	T(ФВ)	T(ИОЦ)	T(ИОФ)	T(ИГЦ)	T(З)	T(ПЦ)
Ранг	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV

T(Д) – темпы роста реально располагаемых среднегодовых доходов населения, % к предыдущему году; T(С) – темпы спроса (объем потребления с/х продукции населением (мясо), тыс. тонн); T(ЦН) – темпы роста цифровых навыков населения, % от числа общего числа населения, использующие Интернет для поиска информации о товаре и его покупке; T(БИ) – темпы безопасного использования Интернета населением, %; T(П) – средние темпы производства по АПК; T(ЦО) – темпы роста цифровизации отрасли с/х, % к предыдущему году; T(Р) – темпы роста рентабельности про-

дукции с/х, % к предыдущему году; T(ФО) – темпы изменения фондоотдачи, %; T(НМА) – темпы изменения НМА; T(ВА) – темпы внеоборотных активов; T(ФВ) – темпы изменения фондовооруженности, %; T(ИОЦ) – темпы роста инвестиций предприятий в цифровизацию; T(ИОФ) – темпы роста инвестиций в основные фонды; T(ИГЦ) – темпы роста инвестиций государства в цифровизацию; T(З) – темпы расходов организаций на закупки в том числе, средств защиты, %; T(ЗБ) – темпы роста затрат на обеспечение безопасности, %; T(ПЦ) – индексы потребительских цен на с/х продукцию.

Этап 3. Сопоставление фактических ранговых рядов с эталонным ранговым рядом, расчет коэффициента развития. Сопоставление фактического и эталонного рядов производится с помощью следующих формул.

1. Коэффициент корреляции Спирмена, который оценивает тесноту связи между параметрами,

$$r = 1 - \frac{6 \cdot \sum_{i=1}^n d_i^2}{n(n^2 - 1)},$$

где d – разность рангов в одной паре значений x и y ; n – число показателей системы (y нас 15).

2. Коэффициент корреляции Кендалла, который оценивает тесноту связи между параметрами:

$$\tau = \frac{4 \cdot Q}{n \cdot (1 - n)} - 1,$$

где Q – суммарное число наблюдений, следующих за текущими наблюдениями с меньшим значением рангов n .

Коэффициенты r и τ принимают значение от 0 до ± 1 , и чем ближе к ± 1 , тем теснее связь между параметрами.

2. Коэффициент развития рассчитывается как среднее первых двух коэффициентов Кендалла и Спирмена:

$$K_{\text{раз}} = \frac{(1+r) \cdot (1+\tau)}{4}.$$

Этап 4. Интерпретация результатов оценки экономической безопасности цифровых преобразований (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Интерпретация результатов оценки ЭБ цифровых преобразований
DL digital transformations assessment results interpretation**

Значение коэффициента развития	Тренд	Уровень экономической безопасности
$\leq 0,30$	Понижающийся / Возрастающий	Критический. Наблюдается кризис в отрасли, необходимы срочные меры по повышению уровня ЭБ
$0,40 \geq K_{\text{раз}} \leq 0,60$		Умеренный. В отрасли имеются кризисные явления, необходим анализ причин их возникновения и минимизация негативного воздействия
$0,70 \geq K_{\text{раз}} \leq 1,00$		Высокий. Отрасль демонстрирует стабильность, имеется потенциал для развития, необходимо применять комплекс превентивных мер по сохранению высокого уровня ЭБ

В ходе анализа экономической безопасности цифровых преобразований необходимо обращать внимание на тренд, который может расти или снижаться. Поэтому для анализа стоит брать длительный период, не менее 10 лет.

Эмпирический анализ

Представленный и разработанный эталонный ряд показателей, которые характеризуют уровень инновационного развития отрасли опирается на то, что развитие должно иметь сбалансированность и высокое качество. А именно:

1) темпы роста «входных» или ресурсных показателей (I группа) должны быть самыми низкими, а темпы роста «выходных» или показателей социально-экономического развития (III группа) должны иметь самый высокий рост, или, выражаясь языком математики, $III \geq II \geq I$;

2) в рамках эталонного ряда важно не нарушать «золотое правило экономики», которое гласит: *Темпы роста прибыли > Темпы роста выручки > Темпы роста затрат.*

Фактические темпы роста показателей представлены в табл. 3.

Результаты сравнения фактических рядов с эталонными представлены в табл. 4.

Далее произведен расчет коэффициентов развития отрасли (табл. 5).

Опираясь на порядок интерпретации результатов оценки экономической безопасности цифровых преобразований (см. табл. 2), видно, что в среднем значение коэффициента развития находится в диапазоне $0,40 \geq K_{\text{раз}} \leq 0,60$. Данный диапазон характеризуется наличием в отрасли кризисных явлений и тяжелого состояния, необходим анализ причин их возникновения и минимизация негативного воздействия. Следует отметить, что недостатки апробации данной методики могут быть связаны с нехваткой фактологического материала, однако, имея представленные фактические значения, можно сделать некоторые выводы относительно состояния экономической безопасности цифровых преобразований.

Таблица 3 / Table 3

Фактические темпы роста показателей
Actual growth rates of indicators

Показатель	Фактические значения									
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Т(Д)	н/д	н/д	98,8	97,6	95,5	99,5	100,4	101	97,2	104,1
Т(С)	н/д	н/д	100,7	98,5	102,1	101,9	н/д	н/д	н/д	н/д
Т(ЦН)	н/д	н/д	108,3	115,3	120,0	100,0	105	176,7	106,8	н/д
Т(П)	94,7	108,4	107,8	104,7	108,0	105,6	100,0	106,6	103,1	н/д
Т(ЦО)	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	116,6	н/д	н/д
Т(Р)	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	114,9	99,6	107,0	289,0
Т(ФО)	96,9	102,8	100,0	101,1	101,6	96,7	96,8	98,3	95,4	н/д
Т(НМА)	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	89,3	137,8	141,1	н/д
Т(ВА)	н/д	97,9	110,8	107,9	109,4	110,0	115,5	111,1	116,0	н/д
Т(ФВ)	103,6	103,6	103,3	103,7	104,8	108,9	107,0	108,5	104,3	н/д
Т(ИОЦ)	н/д	н/д	н/д	н/д	62,5	34,0	423,5	388,8	н/д	н/д
Т(ИОФ)	106,6	108,4	95,3	98,1	120,4	111,8	108,5	106,0	99,1	н/д
Т(ИГЦ)	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	199,1	117,5
Т(З)	н/д	н/д	н/д	н/д	104,4	100,5	107,5	104,3	104,2	н/д
Т(ПЦ)	н/д	н/д	н/д	н/д	104,6	101,1	104,7	102,6	106,7	н/д

Таблица 4 / Table 4

Результаты сравнения фактических рядов с эталонными
The results of comparing the actual series with the reference

Показатель	Эталон	Фактические эталонные значения									
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Т(Д)	1	н/д	н/д	7	8	10	9	9	11	11	3
Т(С)	2	н/д	н/д	5	6	8	5	н/д	н/д	н/д	н/д
Т(ЦН)	3	н/д	н/д	2	1	2	8	7	2	6	н/д
Т(П)	4	4	2	3	3	4	4	10	7	9	н/д
Т(ЦО)	5	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	4	н/д	н/д
Т(Р)	6	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	3	12	4	1
Т(ФО)	7	3	4	6	5	9	10	11	13	12	н/д
Т(НМА)	8	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	12	3	2	н/д
Т(ВА)	9	н/д	5	1	2	3	2	2	5	3	н/д
Т(ФВ)	10	2	3	4	4	5	3	13	14	13	н/д
Т(ИОЦ)	11	н/д	н/д	н/д	н/д	11	11	1	1	н/д	н/д
Т(ИОФ)	12	1	1	8	7	1	1	4	8	10	н/д
Т(ИГЦ)	13	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	1	2
Т(З)	14	н/д	н/д	н/д	н/д	7	7	5	9	8	н/д
Т(ПЦ)	15	н/д	н/д	н/д	н/д	6	6	8	10	5	н/д

Таблица 5 / Table 5

**Коэффициенты развития отрасли
Industry Development Coefficients**

Год	Коэффициент Спирмена ρ	Коэффициент Кендалла τ	Коэффициент развития
2012	0,65	-1,0	-0,17
2013	0,65	0,93	0,79
2014	0,71	0,77	0,74
2015	0,67	0,75	0,71
2016	0,23	0,55	0,39
2017	0,20	0,54	0,37
2018	0,02	0,40	0,21
2019	0,27	0,16	0,21
2020	0,03	0,48	0,25
2021	0,73	0,98	0,85
Средний коэффициент развития			0,43

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют, что в отрасли имеются патологические проблемы, которые невозможно разрешить путем цифровизации, о чем свидетельствует тренд коэффициента развития.

Во-первых, наблюдается опережающий рост инвестиций в цифровое развитие на фоне слабо растущих внутриотраслевых показателей. Причины этого могут крыться в начальной стадии цифровизации отрасли АПК и больших затратах на внедрение технологий, которые еще не успели окупиться.

Во-вторых, наблюдается снижение реально располагаемых доходов населения на фоне роста инфляции, что отражается на покупательской способности населения, от которой зависит установление цен на готовую продукцию, что, в свою очередь, связано с закупочной ценой и расходами предприятий, которые увеличиваются в связи со сложной экономической ситуацией.

В-третьих, в отрасли АПК наблюдается высокий уровень изношенности основных фондов, который, согласно тренду, не снижается.

Направлением решения сложившихся проблем может стать повышение экономической безопасности как на уровне государства и отрасли, так и на уровне отдельно взятой организации. На уровне государства в целом следует повышать цифровую грамотность населения, его доверие к цифровым сервисам. На уровне отрасли необходимо продолжать содействие секторам экономики на пути к цифровой трансформации (предоставление налоговых

льгот, кредитования, консультационной поддержки). На уровне организаций большое внимание следует уделить развитию методов риск-ориентированного проактивного управления, когда совместно используются новые технологии и новые методы управления.

Использование модели оценки экономической безопасности достаточно информативно отражает современные реалии экономического развития. Применение данной модели основано на интерпретации результатов оценки экономической безопасности цифровых преобразований и может быть применимо к любой отрасли экономики, меняя только состав показателей. В данном исследовании была выбрана сфера АПК как ключевая в области сохранения продовольственной и экономической безопасности России. Результаты оценки показали наличие в отрасли кризисных явлений и ее тяжелого состояния. Направлением решения сложившихся проблем может стать повышение экономической безопасности как на уровне государства и отрасли, так и на уровне отдельно взятой организации, изучение которых станет дальнейшим исследованием авторов.

Список литературы

1. Манахова И. В., Левченко Е. В. Обеспечение экономической безопасности компании в условиях цифровизации экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 16–21. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-1-16-21>

2. Попов Е. В. Эконотроника // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 13–28. <https://doi.org/10.17059/2018-1-2>
 3. Вайл П., Ворнер С. Цифровая трансформация бизнеса: Изменение бизнес-модели для организации нового поколения : пер. с англ. М. : Альпина Паблшер, 2019. 257 с.
 4. Елецкий Н. Д. Бесконтактная экономика и дистанционный образ жизни как атрибуты новой реальности // На пути к ноономике: человек, технологии и общество в пространстве ассоциированного производства и потребления / под ред. А. В. Бузгалина, А. И. Колганова. М. : ИНИР им. С. Ю. Витте, 2020. С. 175–176.
 5. Индикаторы цифровой экономики: 2021 : стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др. М. : НИУ ВШЭ, 2021. 380 с.
 6. Кочетков Е. П., Забавина А. А., Гафаров М. Г. Цифровая трансформация компаний как инструмент антикризисного управления: эмпирическая оценка влияния на эффективность // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2021. Т. 12, № 1. С. 68–81. <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2021-1-68-81>
 7. Рыжаков Е. Д., Руда А. Н. Оценка и управление экономической безопасностью организаций молочной промышленности // Инновационное развитие экономики. 2020. № 6 (60). С. 351–357.
- References**
1. Manakhova I. V., Levchenko E. V. Ensuring the Company's Economic Security in the Conditions of Economy Digitalization. *Izvestiya of Saratov University*.
 2. Popov E. V. Econotronics. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2018, vol. 14, iss. 1, pp. 13–28 (in Russian). <https://doi.org/10.17059/2018-1-2>
 3. Weil P., Warner S. *Tsifrovaya transformatsiya biznesa: Izmenenie biznes-modeli dlya organizatsii novogo pokoleniya* [Digital Business Transformation: Changing the Business Model for the Next Generation Organization]. Moscow, Alpina Publisher, 2019. 257 p. (in Russian).
 4. Eleckij N. D. Contactless Economy and Remote Lifestyle as Attributes of the New Reality. In: A. V. Buzgalin, A. I. Kolganov (eds.). *Na puti k noonomike: chelovek, tekhnologii i obshchestvo v prostranstve assotsirovannogo proizvodstva i potrebleniya* [On the way to noonomics: man, technology and society in the space of associated production and consumption]. Moscow, INIR im. S.Yu. Vitte, 2020, pp. 175–176 (in Russian).
 5. *Indikatoriy tsifrovoi ekonomiki: 2021* [Digital Economy Indicators in the Russian Federation / G. Abd-rakhmanova, O. Demidkina, A. Demyanova et al.]. Moscow, HSE Publ., 2021. 380 p. (in Russian).
 6. Kochetkov E. P., Zabavina A. A., Gafarov M. G. Digital transformation of companies as a tool of crisis management: An empirical research of the impact on efficiency. *Strategic Decisions and Risk Management*, 2021, vol. 12, iss. 11, pp. 68–81 (in Russian). <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2021-1-68-81>
 7. Ryzhakov E. D., Rida A. N. Evaluation and management of economic security of organizations of the dairy industry. *Innovative Development of the Economy*, 2020, no. 6 (60), pp. 351–357 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 15.08.2022; принята к публикации 10.09.2022
The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 15.08.2022; accepted for publication 10.09.2022

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–423

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–423
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-413-423>

EDN: IUUKSC

Научная статья
УДК 349

Концептуальный подход к классификации и сертификации роботов и сложных автоматизированных информационных систем

Р. В. Амелин¹✉, Л. В. Бессонов¹, Г. Н. Комкова¹, С. Е. Чаннов^{1,2}

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

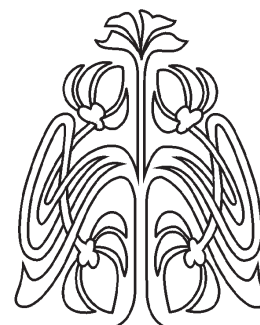
Амелин Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, ame-roman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7054-5757>

Бессонов Леонид Валентинович, кандидат физико-математических наук, начальник управления цифровых и информационных технологий, lexh.besson@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5636-1644>

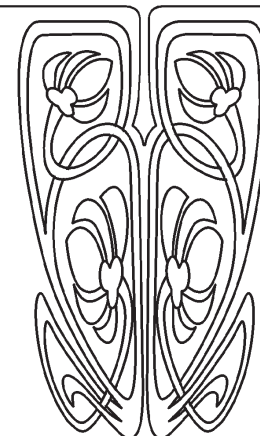
Комкова Галина Николаевна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, komkova_galina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2572-2443>

Чаннов Сергей Евгеньевич, доктор юридических наук, ¹профессор кафедры таможенного, административного и финансового права, ²заведующий кафедрой служебного и трудового права, sergeychannov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3342-7487>

Аннотация. Введение. С развитием и распространением роботов, систем искусственного интеллекта и сложных автоматизированных информационных систем связана проблема причинения вреда их действиями, а также проблема юридической ответственности за этот вред. **Теоретический анализ.** Одной из основных функций юридической ответственности является общая и частная превенция. В применении к роботам она требует их перепрограммирования, переобучения или ликвидации. Таким образом, с проблемой юридической ответственности автономных и временами непредсказуемых программно-технических механизмов напрямую связан экзистенциальный вопрос о возможности, формах и условиях их существования. Системная правовая конструкция, направленная на обеспечение безопасности и предсказуемости при создании и эксплуатации роботов может быть построена на основе классифицирующего стандарта, причем с каждым классом будут связаны определенные формы и модели ответственности. **Эмпирический анализ.** Основой правовой классификации роботов и сложных автоматизированных информационных систем будут являться угрозы, связанные с причинением вреда в результате их самопроизвольных действий и решений, соотношенные с формами юридической ответственности. Могут быть выделены угрозы: причинения смерти человека; неправомерного изменения правового статуса субъекта; причинения материального вреда; нарушения личных неимущественных прав лица; информации или иному имуществу владельца (пользователя), не связанная с причинением вреда третьим лицам; угроза противоправного поведения роботов. **Результаты.** Предложена

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

классификация роботов и сложных автоматизированных систем, а также подходы к юридической ответственности и обеспечению безопасности для каждого класса, указаны направления перспективной разработки правовых и технических стандартов, необходимых для обеспечения данной классификации и сертификации.

Ключевые слова: роботы, автоматизированные информационные системы, самопроизвольное поведение, юридическая ответственность, угроза причинения вреда, стандарты, классификация

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00355 «Эволюция права под воздействием современных цифровых технологий»).

Для цитирования: Амелин Р. В., Бессонов Л. В., Комкова Г. Н., Чаннов С. Е. Концептуальный подход к классификации и сертификации роботов и сложных автоматизированных информационных систем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–423. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-413-423>, EDN: IUUKSC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Conceptual approach to the classification and certification of robots and complex automated information systems

R. V. Amelin¹✉, L. V. Bessonov¹, G. N. Komkova¹, S. E. Channov^{1,2}

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Roman V. Amelin, ame-roman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7054-5757>

Leonid V. Bessonov, lexx.bessonov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5636-1644>

Galina N. Komkova, komkova_galina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2572-2443>

Sergey E. Channov, sergeychannov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3342-7487>

Abstract. Introduction. The development and spread of robots, artificial intelligence systems and complex automated information systems are associated with the problem of causing harm by their decisions and actions, as well as the problem of legal liability for this harm. **Theoretical analysis.** One of the main functions of legal liability is general and private prevention. When applied to robots, it requires them to be reprogrammed, retrained, or eliminated. Thus, the issue of the possibility, forms and conditions of their existence is directly related to the problem of legal responsibility of autonomous and sometimes unpredictable software and hardware mechanisms. A systemic legal structure aimed at ensuring safety and predictability in the creation and operation of robots can be built on the basis of a classifying standard, and each class will be associated with certain forms and models of responsibility. **Empirical analysis.** The basis of the legal classification of robots and complex automated information systems will be the threats associated with causing harm as a result of their spontaneous actions and decisions, correlated with the forms of legal liability. The following threats can be identified: causing the death of a person; unlawful change in the legal status of the subject; causing material harm; violation of the personal non-property rights of a person; information or other property of the owner (user), not related to causing harm to third parties; the threat of illegal behavior of robots. **Results.** The authors propose a classification of robots and complex automated systems, as well as approaches to legal liability and security for each class, and indicate directions for promising development of legal and technical standards necessary to ensure this classification and certification.

Keywords: robots, automated information systems, spontaneous behavior, legal liability, threat of harm, standards, classification

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00355 “Evolution of law under the influence of modern digital technologies”).

For citation: Amelin R. V., Bessonov L. V., Komkova G. N., Channov S. E. Conceptual approach to the classification and certification of robots and complex automated information systems. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–423 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-413-423>, EDN: IUUKSC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Наиболее актуальная проблема, связанная с развитием систем искусственного интеллекта и распространением роботов, – проблема юридической ответственности за вред, причиненный их действиями [1–3]. Ее генезис обусловлен тремя важнейшими признаками роботов, которые, по мнению исследователей, принципиально выделяют их из класса иных программно-технических систем. Во-первых, автономность – робот предназначен (или спо-

собен) функционировать без участия человека, в том числе самостоятельно определять цели, принимать решения и выполнять действия, направленные на их реализацию. Во-вторых, самообучаемость – решения и действия робота определяются не столько заложенными в него алгоритмами, сколько внутренним состоянием, которое формируется под воздействием огромного количества обработанных данных, в том числе уже в процессе автономного функционирования робота [4]. Таким образом, разработчик,

оператор, владелец робота, а также иные субъекты в ряде ситуаций не способны предсказать решения и действия робота и каким-то образом повлиять на них. Самообучаемость очень тесно коррелирует с *необъяснимостью* – современные алгоритмы искусственного интеллекта, которые показывают наиболее эффективные результаты работы, с точки зрения человека (даже своего разработчика) представляют собой «черный ящик», не позволяющий понять, почему робот принял определенное решение или совершил определенное действие, и каким-либо образом трассировать цепочку причинно-следственных связей, приведших к этому действию и/или решению [5]. Наконец, робот обычно рассматривается как киберфизическая система, действующая в реальном мире, т. е. способная *осуществлять физическое воздействие на людей и предметы*, следовательно, причинять вред имуществу, здоровью и даже жизни людей – и прецеденты уже начинают накапливаться [6].

Однако крайне важно отметить, что проблема характерна не только для роботов. Сложные автоматизированные информационные системы (включая системы искусственного интеллекта, но не ограничиваясь ими) могут обладать теми же свойствами, порождающими те же последствия. Прежде всего, *непредсказуемостью* (невозможностью заранее предвидеть результат работы в каждом случае), но если для роботов и систем искусственного интеллекта она обусловлена объективными свойствами алгоритма (так, механика работы глубокой нейронной сети не имеет никакой объяснимой взаимосвязи с категориями реального мира, для которых она находит предсказания и взаимосвязи), то для «обычных» детерминированных систем и алгоритмов – субъективной сложностью всестороннего анализа и восприятия человеческим мозгом. Это является причиной возникновения аномалий в ситуациях, которые не были предусмотрены на этапе разработки таких систем [7, с. 28–32]. Кроме того, информационные системы *могут причинять существенный вред третьим лицам*, необязательно путем физического воздействия, а путем нарушения их субъективных прав. Руководствуясь данными, полученными от почтовой информационной системы, были несправедливо уволены, оштрафованы или привлечены к уголовной ответственности за воровство тысячи сотрудников английской почты [8]. «Предвзятое» отношение экзаменационной информационной системы способствовало несправедливому отчислению ряда студентов [9]. Некорректно работающее приложение «Социаль-

ный мониторинг» выписало множество административных штрафов без всяких на то оснований [10], не говоря уже о бесчисленном множестве нарушений субъективных информационных прав из-за сбоя и некорректного поведения самых разных информационных систем. В большинстве случаев вред, причиненный нарушением прав, достаточно сложно возместить из-за отсутствия надлежащего субъекта по тем же причинам, которые справедливы и для роботов. Поэтому важно отметить универсальный характер проблемы, притом что в сфере создания и эксплуатации автоматизированных информационных систем уже накоплено достаточное количество опыта, который может быть учтен.

Далее в этой работе мы будем для краткости использовать термины «робот» и «информационная система» в зависимости от контекста, не теряя общности и подразумевая, что посылки и выводы относятся к обеим категориям.

Теоретический анализ

На современном этапе происходит формирование и развитие теоретико-правовых подходов к проблеме юридической ответственности за решения и действия роботов. Он характеризуется множественностью таких подходов, которые существенно различаются в следующих аспектах.

Субъектный состав деликтов, связанных с роботами. В частности, при каких условиях и в каком качестве в круг субъектов может быть включен сам робот. Некоторые подходы принципиально отрицают целесообразность наделяния робота правосубъектностью (позиция Европейской комиссии) [11], некоторые исследователи отрицают такую возможность по причине отсутствия у робота «человеческих» качеств, неотъемлемо связанных в существующей правовой доктрине с концепцией юридической ответственности – воли, мотивов, эмоций, самосознания и др. [12, с. 35; 13, с. 176; 14, с. 13]. Существуют подходы, связанные с наделянием робота квазисубъектностью (в виде ограниченной способности нести юридическую ответственность и исполнять обязанности по возмещению вреда, равно как и в виде наделяния робота только ограниченным набором прав [15]) или даже признанию его полноценным субъектом права [16, с. 108].

Органы, уполномоченные рассматривать инциденты с участием роботов, устанавливать правила регулирования данной сферы: законодательные органы, суды, органы исполнительной власти, специализированные технические комиссии и т.д. [5]

Виды и формы ответственности: строгая ответственность, основанием которой является сам факт причинения вреда; деликтная ответственность, подлежащая доказыванию и распределению (солидарная или субсидиарная) [17], каскадная ответственность (ответственность без вины) [18, 19]. Популярностью пользуются подходы, основанные на модели страхования: формирование страховых фондов за счет производителей и/или владельцев роботов и квалификация причинения вреда роботом как страховых случаев (в том числе рассматриваемых как обстоятельства непреодолимой силы) [20].

Основания ответственности. Можно выделить модели, основанные на вине (что предполагает возможность и необходимость доказывания умысла или неосторожности лиц, участвующих в создании и эксплуатации робота, приведших к причинению вреда), и модели, основанные на риске, предполагающие установление общей обязанности проявлять разумную осмотрительность для предотвращения предсказуемого риска причинения вреда. Как правило, такая обязанность сводится к строгому следованию стандартам безопасности продукции и связанных с ней процессов, принятых в индустрии. Основная проблема на данном этапе заключается в том, что стандарты в сфере робототехники только формируются.

Проблема юридической ответственности не ограничивается вопросами восстановления справедливости (статус-кво) и возмещения вреда пострадавшим от действий робота. Одной из основных функций юридической ответственности является *общая и частная превенция* [21, с. 274]. Если в отношении поведения человека превенция осуществляется путем воздействия на его психическое состояние (формируя волевые импульсы, направленные на воздержание от совершения общественно вредных и опасных деяний под страхом наказания), то изменение поведения роботов требует их перепрограммирования, переобучения или ликвидации [22, с. 67]. Другими словами, с проблемой юридической ответственности автономных и временами непредсказуемых программно-технических механизмов напрямую связан экзистенциальный вопрос о возможности, формах и условиях их существования.

Решение этого вопроса может быть связано с установлением различных требований как программно-технической, так и интеллектуально-поведенческой природы. В перспективе наделения роботов правосубъектностью эти

требования могут быть сформулированы в виде обращенных непосредственно к ним правовых норм, однако на текущем этапе речь может идти лишь о требованиях в отношении роботов, обращенных к лицам, ответственным за их создание и эксплуатацию. Наиболее естественно подобные требования формализуются в технических регламентах и *стандартах*.

Исторически инициатива в техническом регулировании исходит как от регулирующих органов, так и от сообщества производителей. С одной стороны, производители новых технологий и продукции заинтересованы в максимальной гибкости при разработке и вхождении на рынок (что подразумевает минимум регулирования), с другой стороны, они же заинтересованы в минимизации рисков, в том числе связанных с безопасностью использования таких технологий и продукции. Стандартизация позволяет учесть и закрепить «лучшие практики», а также внести правовую определенность в деятельность производителя, ограничивая его обязанности по обеспечению безопасности продукции соблюдением требования стандарта, если этот стандарт получает нормативное закрепление [23]. В частности, в Российской Федерации обязательные требования к продукции и связанным с ней процессам устанавливаются техническими регламентами, при этом техническому регламенту ставится в соответствие набор стандартов, добровольное соответствие которым влечет автоматическое соблюдение требований регламента [24, ч. 1 ст. 16.1].

В случае если инициатива формирования стандартов в сфере новых технологий и продукции идет от производителей, обычно имеет место период конкуренции альтернативных стандартов, их обобщение и принятие единых стандартов всеми участниками рынка, после чего такие стандарты находят отражение в нормативных правовых актах.

Представляется, что технические регламенты и стандарты, формализующие требования к роботам (в первую очередь – стандарты, поскольку для современного этапа развития данной сферы характерна множественность и конкуренция подходов к установлению требований), способны заполнить вакуум правовой определенности и лечь в основу системной правовой конструкции, направленной на обеспечение безопасности и предсказуемости при создании и эксплуатации роботов.

В частности, исходя из вышесказанного, ключевым элементом такой системы может стать

система классификации (классифицирующий стандарт), которая определит классы (категории) роботов в зависимости от их характеристик и предъявляемых к ним требований. Поскольку именно превентивная функция ответственности влияет на экзистенциальные аспекты использования роботов, то с каждым классом могут быть связаны определенные формы и модели ответственности. Этот подход как нельзя лучше, на наш взгляд, позволит систематизировать и теоретико-правовые модели ответственности за действия/решения роботов, поскольку уже сейчас представляется достаточно очевидным, что различные модели наиболее эффективны для разных типов роботов.

При этом в определении классифицирующего признака важную роль будет играть экзистенциальный *императив оценки безопасности робота*: худший сценарий его поведения является приемлемым с точки зрения риска, который включает вероятность реализации данного сценария (с учетом всех принятых мер, в том числе программно-технических ограничителей, предусмотренных у робота) и последствия его реализации (включая как причиненный ущерб, так и реальную возможность его компенсации, восстановления статус-кво).

Эмпирический анализ

Прежде чем перейти к рассмотрению концепции предлагаемого стандарта (системы классификации), выделим с позиции юридической ответственности две наиболее распространенные категории программно-технических систем, правовое регулирование которых не требует особых новаций, но, тем не менее, имеет важные нюансы, не всегда учитываемые при создании и использовании таких систем.

1. *Контролируемые роботы и информационные системы*. Отнесем к ним программно-технические системы или их компоненты, действия которых выполняются по инициативе и под контролем человека – оператора. Оператор полностью несет ответственность за последствия таких действий, если эти системы обладают двумя важными свойствами:

– *причинность и предсказуемость*: передавая на выполнение команду, оператор должен знать ее назначение и быть способен предвидеть результаты ее выполнения. Как минимум соответствующие разъяснения и инструкции должны содержаться в пользовательской документации. Если же поведение системы отличается от того, что ожидал и должен был ожидать оператор, ответственность за последствия будет нести разработчик;

– *апеллируемость*: оператор, отдавший системе команду на выполнение определенных действий, не может отрицать своей роли и объяснять действия программной ошибкой, самопроизвольной реакцией системы, результатами обучения робота и т.д. [25, с. 29]. Другими словами, во всех случаях, когда инициатором действия является человек, система должна позволять безошибочно это удостоверить.

2. *Предсказуемые роботы и информационные системы*. Эта категория включает первую и расширяет ее в отношении автономных подсистем, которые выполняют действия не только в ответ на команды оператора, но и в автоматическом режиме (включая реакцию на данные с приборов и датчиков, результаты обработки первичных данных, иные действия, вызванные изменением внутреннего состояния системы). Действия предсказуемых систем являются результатами причинно-следственных связей, предусмотренных и умышленно заложенных разработчиками (другими словами, система делает именно то, что от нее и хотели), которые изначально несут ответственность за последствия (при этом она может быть делегирована владельцу, пользователю или бенефициару системы, например, на основе соглашения).

В парадигме предшествующего периода все программно-технические системы предполагались по умолчанию контролируемые и предсказуемые, при этом наличие в них ошибок (зачастую многочисленных) эту парадигму не колебало, ошибки в основном рассматривались как неумышленная форма вины (небрежность) со стороны разработчиков, при этом подход, установившийся в качестве фактического стандарта индустрии, предусматривал отказ от претензий на основании пользовательского соглашения [26]. Хотя эта парадигма возникла в период однопользовательских систем, выгоду от использования которых нес их владелец и он же брал на себя все риски, она принципиально не изменилась при повсеместном распространении многопользовательских информационных систем – прежде всего социальных сетей и сервисов, а также государственных и муниципальных информационных сетей, ошибки которых влияли уже на пользователей, лишь косвенно заинтересованных в их функционировании. Однако перспективы распространения роботов и систем, способных причинить существенный вред третьим лицам, требуют смены парадигмы. Оставляя за пределами данного исследования вопросы допустимости делегирования ответственности за действия контролируемых и предсказуемых систем, отметим, что в новой парадигме

наиболее важно предусмотреть последствия *самопроизвольного*¹ поведения роботов, которое не ожидалось и не планировалось человеком, а обусловлено внутренним состоянием системы, сформировавшимся под воздействием машинного обучения, непредсказуемых внешних факторов, программных ошибок или комбинации перечисленного.

Таким образом, в основу правовой классификации роботов и сложных автоматизированных информационных систем предлагается положить основные угрозы, связанные с причинением вреда в результате их самопроизвольных действий и решений, соотношенные с формами юридической ответственности. Отметим, что общие контуры такого подхода уже обсуждались в литературе. В частности, И. Р. Бегишев приходил к выводу, что деликтная ответственность за вред, причиненный роботом, должна наступать в зависимости от класса его опасности и степени автономности робота [27]. Мы, однако, видим перспективы применения не только деликтной, но и иных форм ответственности в зависимости от класса опасности робота. Кроме того, ключевым моментом данной концепции является акцент на отсутствие умысла субъекта-человека в сценариях вероятных угроз. Роботы, иные программно-технические системы, запрограммированные на причинение вреда или причиняющие такой вред в результате соответствующих команд оператора, относятся к традиционным описанным выше категориям, не требующим специальных моделей юридической ответственности.

Выделим в качестве концептуальных следующие классы угроз.

Класс А. Угроза смерти человека (людей) в результате решений и действий робота. Следует специально подчеркнуть еще раз, что к данному классу относятся системы, способные причинить смертельный вред «неумышленно», вследствие самообучения или возникновения нестандартной ситуации, которую было невозможно или крайне сложно предвидеть на этапе проектирования и разработки. Тем не менее, исходя из физических характеристик, сферы использования и особен-

ностей алгоритмов робота можно определить возможность и вероятность такого развития событий. Очевидно, что домашний пылесос и беспилотный автомобиль принципиально различаются в этом отношении [1, р. 20] точно так же, как полностью управляемый военный беспилотник и автономный робот-разведчик. Но если в первом случае различие в уровне угрозы относится к физическим характеристикам, то во втором – к возможности совершения непредсказуемых и неконтролируемых действий.

Для отнесения определенной модели роботов к данному классу потребуются стандарт и связанная с ним система сертификации, определяющие актуальность угрозы причинения смерти. Даже робот-пылесос при определенных обстоятельствах может привести к фатальной ситуации (например, неожиданно наехать на человека с больным сердцем или стоящего на краю балкона со снятыми ограждениями), но подобное развитие событий крайне маловероятно, поэтому угроза причинения смерти действиями робота-пылесоса должна быть классифицирована стандартом как неактуальная, а сам робот не должен относиться к рассматриваемому классу.

Угроза причинения смерти людей в результате неуправляемых и непредсказуемых решений и действий робота, очевидно, является неприемлемой, поэтому производитель обязан предусмотреть механизмы для ее предотвращения, такие как возможность вмешательства оператора в действия робота, автоматическое отключение или переход на управление оператором в случае возникновения непредвиденной или опасной для человека ситуации, возможность деактивации всей партии роботов после инцидента и т.д. Потребуется ряд стандартов, определяющих требования к наличию этих механизмов и их характеристикам.

Предполагаем, что для роботов класса А должна вводиться *превентивная ответственность*, связанная с установлением запрета на производство и эксплуатацию таких роботов без соответствующих механизмов предотвращения (минимизации) угрозы. Лицо, производящее или использующее таких роботов, должно подлежать административной и/или уголовной ответственности с формальным составом, независимо от факта причинения вреда. Аналогичная ответственность должна наступать за использование несертифицированного робота, который при расследовании инцидента будет отнесен к классу А.

Отметим также, что любой инцидент со смертельным исходом, так или иначе связанный с действиями и/или решениями робота (сложной автоматизированной информационной системы),

¹Мы используем термин «самопроизвольное» («спонтанное») для обозначения такого поведения с некоторой долей условности за неимением лучшего термина (варианты: «непредусмотренное», «собственное» поведение). Условность заключается в том, что самопроизвольность (спонтанность) подразумевает обычно поведение под влиянием исключительно внутренних факторов, на поведение робота оказывают влияние и внешние факторы (хотя, безусловно, перед этим они трансформируются в изменения внутреннего состояния). В нашем понимании делается акцент на трактовке спонтанности (самопроизвольности) как независимости от человеческого воздействия (и зачастую необъяснимости человеческой логикой).

должен расследоваться специальной комиссией, а результаты такого расследования – учитываться органами и организациями по сертификации, а также служить основанием для пересмотра класса соответствующей категории роботов.

Класс В. Угроза неправомерного изменения правового статуса субъекта. Связана с непредсказуемыми действиями автоматизированной информационной системы, способной устанавливать и квалифицировать юридические факты и принимать решения, влияющие на правовой статус людей (а также юридических лиц и иных субъектов). В первую очередь, это касается государственных и муниципальных информационных систем, обеспечивающих формирование и ведение реестров, предназначенных для регистрации и/или удостоверения таких прав. Ошибочные действия подобных систем в нестандартных ситуациях могут повлиять не просто на отдельные права, но и на правовой статус лица в целом. Вполне логично прогнозировать и появление роботизированных систем, действующих от лица государства (робот-полицейский, предотвращающий правонарушения или применяющий меры воздействия к нарушителю).

Для систем класса В предлагается установление строгой ответственности их владельца – государства или государственного органа. Таким образом, мы согласны с утверждением, что ответственность за нарушение прав человека должна вытекать из самого факта (в отличие от ответственности за нанесение материального вреда, которая доказывается и распределяется) [1]. Правовой режим такой системы должен включать процедуры обжалования решений и действий системы, выявления ошибочных действий. Пострадавший субъект подлежит восстановлению в правовом статусе с компенсацией, а система, принимающая некорректные решения, должна быть выведена из обращения до устранения причин. Процедура должна быть эквивалентна процедуре отмены незаконного правового акта с приданием обратной силы иным незаконным решениям, которые были вынесены вследствие аналогичных причин.

Класс С. Угроза материального вреда (имуществу, здоровью и т.д.). Исходя из общих начал частного права, неумышленно причиненный материальный вред подлежит возмещению. Основные дискуссии, связанные с правовым положением роботов, касаются распределения материальной ответственности между владельцем, производителем, оператором робота, специальным страховым фондом и даже самим роботом (в перспективе наделения его правосубъектностью). Некоторые обобщения этой

дискуссии с учетом принципов справедливости и реализуемости позволяют предварительно выделить несколько подклассов:

– *С1. Робот, обладающий индивидуальным страховым фондом.* К этому классу целесообразно отнести прежде всего роботов, приносящих прибыль в процессе своей эксплуатации: беспилотное такси, нейронная сеть, рисующая художественные произведения, и т.д. В процессе деятельности такого робота может формироваться индивидуальный фонд, достаточный для покрытия потенциального вреда от использования данного робота. Начальное формирование фонда может происходить за счет средств бенефициара робота, а функционирование робота может быть поставлено в зависимость от его обеспечения (приостанавливается, если объем фонда становится меньше необходимой величины). Методики формирования и расчета минимального объема фонда могут устанавливаться соответствующими стандартами в зависимости от сферы деятельности робота;

– *С2. Робот, обеспеченный коллективным страховым фондом.* Наиболее перспективный подход к обеспечению ответственности за решения и действия робота в текущей правовой парадигме и в то же время требующий наиболее сложного технического регулирования как в части принципов формирования и расходования страхового фонда, так и правил отнесения роботов к обеспечиваемой группе (поскольку с учетом фундаментальных различий в рисках, связанных с их использованием, разные виды и модели роботов будут давать принципиально разную нагрузку на общий фонд);

– *С3. «Необеспеченный» робот.* В отсутствие страхового фонда или иных фондов, обеспечивающих материальную компенсацию пострадавшим от действий роботов и сложных автоматизированных систем, ответственность (солидарная или субсидиарная) должна быть возложена на субъектов, организующих создание и/или использование робота.

Важно отметить, что уменьшить риск причинения вреда самопроизвольными действиями подобного робота путем минимизации ущерба достаточно сложно (в отличие от подклассов С1 и С2, для которых действенной мерой является формирование страхового фонда), поэтому основные усилия должны быть сосредоточены на минимизации вероятности возникновения таких событий. Помимо технических требований к обеспечению безопасности их деятельности необходима серия стандартов для различных сфер деятельности и типов роботов, устанавливающих необходимые механизмы управления и контро-

ля, позволяющие предотвращать или иным образом влиять на инциденты. Соответствующие стандарты позволят обеспечить возможность определения лица, ответственного за инцидент (производитель, владелец, оператор, иное лицо) и несущего основную ответственность. Если же робот не обладает подобным механизмом и не имеет соответствующего сертификата, полную материальную ответственность за результаты его действий несет владелец робота.

Таким образом, для данного подкласса наиболее органично подходит, на наш взгляд, модель, предложенная М. Шерером, который предложил создать агентство по делам роботов, которое занималось бы разработкой требований (политик) в сфере искусственного интеллекта, а также их сертификацией. В соответствии с моделью ответственности М. Шерера производители и продавцы программ искусственного интеллекта, сертифицированных агентством, будут подлежать ограниченной деликтной ответственности, в то время как вред, причиненный в результате коммерческой продажи и использования несертифицированных программ, предполагает полную солидарную ответственность [5, р. 394].

Класс D. Угроза нарушения личных немущественных прав лица, в частности, нарушение права на свободу информации (системой автоматической фильтрации), нарушение авторского права (нейронной сетью, создающей вторичные произведения), причинение морального вреда и т.д. Представляется, что общий подход к юридической ответственности за действия таких роботов может быть схожим с описанным для класса С.

Класс E. Угроза информации или иному имуществу владельца (пользователя) робота или автоматизированной информационной системы, не связанная с причинением вреда третьим лицам. Ответственность может быть определена соглашением владельца с производителем данного робота или системы.

Класс F. Угроза противоправного поведения роботов, не связанного с причинением вреда конкретным субъектам, но создающего опасность причинения такого вреда в будущем, либо иные общественно опасные последствия (например, робот, «обучившийся» производить наркотические вещества или создавать других роботов, не соответствующих требованиям безопасности). Представляется, что общий подход должен быть аналогичен классу А: робот, который по своим программно-техническим характеристикам относится к классу F, должен иметь сертификат, подтверждающий наличие механизмов, ниве-

лирующих угрозу самопроизвольного противоправного поведения. Однако стоит отметить, что поскольку понятие противоправного поведения постоянно эволюционирует вместе с законодательством, а требовать от любого робота (или автоматизированной информационной системы) самостоятельно следить за новыми нормативными правовыми актами бессмысленно, то при разработке соответствующих стандартов понадобится некоторый универсализированный подход, подтверждающий гарантии законопослушного поведения робота по ряду направлений (которые могут быть связаны со сферами деятельности либо с возможными объектами правонарушений), а также регулярная повторная сертификация, учитывающая изменения требований по соответствующему направлению.

В зависимости от возможностей и характеристик робота он может быть отнесен к смежным классам (например, «АС»), что потребует соблюдения требований стандартов, относящихся к каждому из составляющих классов, и гибридной модели ответственности – в зависимости от конкретных последствий самопроизвольных действий и решений робота. Очевидно также, что одна и та же система/робот может быть способна на запрограммированные (предсказуемые), контролируемые и самопроизвольные действия – в каждом из этих случаев будут применяться соответствующие виды ответственности.

Результаты

Подход к классификации программно-технических систем, в которой ключевые критерии носят юридический характер, является достаточно устоявшимся в российском праве, в частности, можно привести пример классов объектов критической информационной инфраструктуры, систем, обрабатывающих персональные данные, и т.д.

Системная правовая конструкция в сфере создания и использования роботов на современном этапе развития технологий искусственного интеллекта, сложных автоматизированных информационных систем и кибернетических механизмов может быть построена на базе системы стандартов, основным из которых будет выступать нормативно закрепленный классифицирующий стандарт, концепция которого представлена выше. В дополнение к нему потребуются ряд обеспечивающих стандартов, часть из которых будет носить технико-юридический, а часть – технический характер, в том числе:

– общие стандарты, устанавливающие этические и другие экзистенциальные ограничения при создании и использовании роботов;

– идентифицирующие стандарты, позволяющие отнести робота к определенному классу или классам в соответствии с предложенной концепцией (например, стандарт для расчета риска непредусмотренного причинения смерти человека при использовании робота);

– стандарты, устанавливающие требования к безопасности робота (в зависимости от его класса, сферы действия, типов используемых алгоритмов и т.д.), включая требования к системам управления и контроля;

– технические стандарты, регламентирующие различные аспекты безопасности, совместимости, эффективности отдельных компонентов, алгоритмов, технических средств, а также методов создания и использования роботов.

Множество таких стандартов уже сейчас разрабатывается и используется различными производителями. Их системная интеграция и частичная имплементация в правовых нормах позволит, в частности, подойти к решению проблемы юридической ответственности за действия и решения роботов, а в общем – обеспечить безопасное и устойчивое развитие современных цифровых технологий.

Список литературы

1. Yeung K. Responsibility and AI, Council of Europe Study DGI, 2019. URL: <https://gm.coe.int/responsibility-and-ai-en/168097d9c5> (дата обращения: 15.08.2022).
2. Незнамов А. В., Наумов В. Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–89.
3. Михалева Е. С., Шубина Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 26–35. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035>
4. Russell S. J., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. Malaysia : Pearson Education Limited, 2016. 1152 p.
5. Scherer M. U. Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks Challenges Competencies and Strategies // Harvard Journal of Law & Technology. 2016. Vol. 29, № 2. P. 354–400. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2609777>
6. Бегушев И. Р. Пределы уголовно-правового регулирования робототехники // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 3. С. 529–530. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.303>
7. Шубинский И. Б. Функциональная надежность информационных систем. Методы анализа. М. : Журнал «Надежность», 2012. 296 с.
8. Mitchell C. Bad software sent postal workers to jail, because no one wanted to admit it could be wrong // The Verge, 2021. URL: <https://www.theverge.com/2021/4/23/22399721/uk-post-office-software-bug-criminal-convictions-overturned> (дата обращения: 15.08.2022).
9. Алиева Ф. Студентов СПбГУ отчислили за «отвод глаз от монитора» во время онлайн-экзамена. «Списание» зафиксировала программа // Сноб, 2021. URL: <https://snob.ru/news/studentov-spbgu-otchislili-za-otvod-glaz-ot-monitora-vo-vremya-onlajl-ekzamena-spisyvanie-zafiksirovala-programma/> (дата обращения: 15.08.2022).
10. Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : в 2 т. / под ред. Н. Н. Ковалёвой. Т. 2. Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2020. 202 с.
11. European Commission, Directorate-General for Justice and Consumers, Liability for artificial intelligence and other emerging digital technologies, Publications Office, 2019. <https://data.europa.eu/doi/10.2838/573689>
12. Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М. : Норма, 2007. 352 с.
13. Грачева Ю. В., Арямов А. А. Роботизация и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски в сфере общественной безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 169–178. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178>
14. Карлаш Д. С. Право роботов: метафизические и социально-экономические аспекты // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 4. С. 9–15.
15. Пономарева Е. В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 208 с.
16. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М. : Инфотропик Медиа, 2018. 232 с.
17. Головизнин А. В. Деликтная ответственность в случаях применения роботов // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 82–88.
18. Луценко С. Имплементация института искусственного интеллекта в российское законодательство // Цифровая экономика, 2002. URL: http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/802/impl24324.pdf (дата обращения: 15.08.2022).
19. Дэжерж М. Ответственность без вины и социализация рисков во французском праве // Lex Russica. 2016. № 1. С. 51–58.
20. P8_TA(2017)0051 Civil Law Rules on Robotics, European Parliament (2014–2019). URL: https://www.eu-roparl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.pdf (дата обращения: 15.08.2022).
21. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций : в 2 т. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1982. 359 с.
22. Васильев А. А., Васильева О. В., Ибрагимов Ж. И. «Закон Гришина» и право ЕС о робототехнике и искусственном интеллекте: сравнительный анализ // Проблемы правовой и технической защиты информации. 2019. № 7. С. 64–70.
23. Авдашева С. В., Крючкова П. В. Система технического регулирования в Российской Федерации:

формирование, возможное и ожидаемое воздействие на конкуренцию и конкурентоспособность. М. : Гос. ун-т «ВШЭ», 2009. 68 с. (Препринт / НИУ ВШЭ WP1/2009/04) (Серия WP1. Институциональные проблемы российской экономики).

24. О техническом регулировании : федер. закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 52 (ч. 1), ст. 5140.
25. Сухостат В. В., Васильева И. Н. Основы информационной безопасности : учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. 104 с.
26. M.A. Mortenson Company, Inc. (Petitioner), v. Timberline software corporation and Softworks Data Systems, Inc., Respondents // FindLaw. URL: <https://caselaw.findlaw.com/wa-supreme-court/1409490.html> (дата обращения: 15.08.2022).
27. Бегушев И. Р. Размышления о проекте Федерального закона «Об обороте роботов, их составных частей (модулей)» // Право и цифровая экономика. 2021. № 2. С. 379–390.
9. Alieva F. St Petersburg University students were expelled for “taking their eyes off the monitor” during an online exam. “Write-off” was fixed by the program. *Snob*, 2021. Available at: <https://snob.ru/news/studentov-spbgu-otchislili-za-otvod-glaz-ot-monitora-vo-vremya-onlajl-ekzamena-spisyvanie-zafiksirovala-programma/> (accessed 15 August 2022) (in Russian).
10. Kovaleva N. N. (ed.) *Problemy i vyzovy tscifrovogo obshchestva: tendentsii razvitiya pravovogo regulirovaniya tsifrovyykh transformatsiy* [Problems and Challenges of the Digital Society: Trends in the Development of Legal Regulation of Digital Transformations]. Vol 2. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2020. 202 p. (in Russian).
11. European Commission, Directorate-General for Justice and Consumers, Liability for artificial intelligence and other emerging digital technologies, Publications Office, 2019. <https://data.europa.eu/doi/10.2838/573689>
12. Chirkin V. E. *Juridicheskoe litso publichnogo prava* [Legal Entity of Public Law]. Moscow, Norma Publ., 2007. 352 p. (in Russian).
13. Gracheva Ju. V., Aryamov A. A. Robotization and artificial intelligence: Criminal legal risks in the field of public security. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 6, pp. 169–178 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.115.6.169-178>
14. Karlash D. S. The right of robots: Metaphysical and socioeconomic aspects. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie “Pravo i Biznes”* [Entrepreneurial Law. Application “Law and Business”], 2018, no. 4, pp. 9–15 (in Russian).
15. Ponomareva E. V. *Subjects and Quasi-Subjects of Law: Theoretical and Legal Problems of Differentiation*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Yekaterinburg, 2019. 208 p. (in Russian).
16. Neznamov A. V. (ed.) *Regulirovanie robototekhniki: vvedenie v “robopravo”*. *Pravovye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologiy iskusstvennogo intellekta* [Regulation of Robotics: An Introduction to “Robolaw”. Legal Aspects of the Development of Robotics and Artificial Intelligence Technologies]. Moscow, Infotropik Media, 2018. 232 p. (in Russian).
17. Goloviznin A. V. Delict responsibility in cases of the use of robots. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia*, 2022, no. 2, pp. 82–88 (in Russian).
18. Lucenko S. Implementation of the Institute of Artificial Intelligence in Russian Legislation. *Digital Economy*, 2002. Available at: http://digital-economy.ru/images/easyblog_articles/802/impl24324.pdf (accessed 15 August 2022) (in Russian).
19. Deguerque M. Liability Without Fault and Socialization of Risks in French Law. *Lex Russica*, 2016, no. 1, pp. 51–58 (in Russian).
20. P8_TA(2017)0051 Civil Law Rules on Robotics, European Parliament (2014–2019). Available at: <https://>

References

1. Yeung K. *Responsibility and AI, Council of Europe Study DGI*, 2019. Available at: <https://rm.coe.int/responsability-and-ai-en/168097d9c5> (accessed 15 August 2022).
2. Neznamov A. V., Naumov V. B. Regulation strategy for robotics and cyberphysical systems. *Zakon* [Law], 2018, no. 2, pp. 69–89 (in Russian).
3. Mikhaleva E. S., Shubina E. A. Challenges and prospects of the legal regulation of robotics. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2019, no. 12, pp. 26–35 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.109.12.026-035>
4. Russell S. J., Norvig P. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Malaysia, Pearson Education Limited, 2016. 1152 p.
5. Scherer M. U. Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks Challenges Competencies and Strategies. *Harvard Journal of Law & Technology*, 2016, vol. 29, no. 2, pp. 354–400. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2609777>
6. Begishev I. R. Limits of criminal law regulation of robotics. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, no. 3, pp. 529–530 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.303>
7. Shubinskij I.B. *Funktsional'naya nadezhnost' informatsionnykh sistem. Metody analiza* [Functional Reliability of Information Systems. Analysis Methods]. Moscow, Zhurnal “Nadezhnost'”, 2012. 296 p. (in Russian).
8. Mitchell C. Bad software sent postal workers to jail, because no one wanted to admit it could be wrong. *The Verge*, 2021. Available at: <https://www.theverge.com/2021/4/23/22399721/uk-post-office-software-bug-criminal-convictions-overturned> (accessed 15 August 2022).

- www.eu-roparl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.pdf (accessed 15 August 2022).
21. Alekseev S. S. *Problemy teorii prava* [Problems of the Theory of Law]. Vol. 1. Moscow, Juridicheskaya literatura Publ., 1982. 359 p. (in Russian).
 22. Vasiliev A. A., Vasilieva O. V., Ibragimov Zh. I. “Grishin’s Law” and EU law on robotics and artificial intelligence: a comparative analysis. *Problemy pravovoi i tekhnicheskoi zashchity informatsii* [Problems of Legal and Technical Protection of Information], 2019, no. 7, pp. 64–70 (in Russian).
 23. Avdasheva S. V., Krjuchkova P. V. *Sistema tekhnicheskogo regulirovaniya v Rossiiskoi Federatsii: formirovanie, vozmozhnoe i ozhidaemoe vozdeistvie na konkurenciyu i konkurentosposobnost’* [The System of Technical Regulation in the Russian Federation: Formation, Possible and Expected Impact on Competition and Competitiveness]. Moscow, NIU VShE, 2009. 68 p. (Preprint NIU VShE WP1/2009/04) (Series Institutional problems of the Russian economy) (in Russian).
 24. On Technical Regulation. Federal Law 184-FZ of December 27, 2002 (an edition of July 2, 2021). *Sobranie zakonodatel’sтва RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 52 (pt. 1), art. 5140 (in Russian).
 25. Sukhostat V. V., Vasil’eva I. N. *Osnovy informatsionnoy bezopasnosti* [Fundamentals of Information Security]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2019. 104 p. (in Russian).
 26. M.A. Mortenson Company, Inc. (Petitioner), v. Timberline software corporation and Softworks Data Systems, Inc., Respondents. *FindLaw*. Available at: <https://caselaw.findlaw.com/wa-supreme-court/1409490.html> (accessed 15 August 2022).
 27. Begishev I. R. Reflections on the draft federal law “On the turnover of robots, their components (modules)”. *Law and Digital Economy*, 2021, no. 2, pp. 379–390 (in Russian).

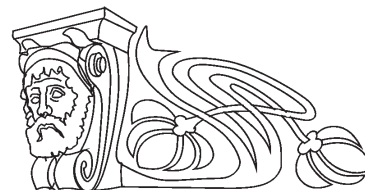
Поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 16.09.2022
The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 16.09.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 424–431
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 424–431
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-424-431>, EDN: JQEYMS

Научная статья
УДК 342.722

Перспективы и проблемы использования машиночитаемого права в судопроизводстве

М. А. Липчанская¹, С. А. Привалов²✉

¹Российский государственный университет правосудия, Россия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

²Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Липчанская Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени Н. В. Витрука, lipchan_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

Привалов Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права им. профессора И. Е. Фарбера, privalow18@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6894-7722>

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию потенциальной возможности применения технологий машиночитаемого права в области судебной защиты прав человека. В ходе проведенного исследования авторами была проанализирована Концепция развития технологий машиночитаемого права, утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности. Установлено, что достижение одного из ключевых направлений применения машиночитаемого права, согласно указанной Концепции, модернизация судопроизводства в России, объективно повлечет за собой совершенствование порядка судебной защиты прав человека. **Теоретический анализ.** Современное состояние судопроизводства в Российской Федерации характеризуется наличием комплекса проблем, негативно сказывающихся на эффективности осуществления судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в России. Концепция развития технологий машиночитаемого права предлагает ряд направлений по совершенствованию правоприменения в рамках судопроизводства в Российской Федерации с использованием технологий машиночитаемого права, что гипотетически повлечет совершенствование механизма судебной защиты прав человека. В свою очередь, в научной среде выдвигаются также и дополнительные направления применения машиночитаемого права в области судопроизводства. **Эмпирический анализ.** Выделенные Концепцией развития технологий машиночитаемого права «преимущества» применения машиночитаемого права в судебном производстве можно признать эффективными в тактической перспективе. Кроме того, развитие и применение концепта машиночитаемого права в области судебной защиты прав человека может быть сопряжено с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта. **Результаты.** По итогам исследования положений Концепции развития технологий машиночитаемого права, а также идей ученых-правоведов сделаны выводы о полезности избранного подхода к определению концепта машиночитаемого права в указанном документе. Несмотря на некоторые изъяны теоретического плана в формулировании машиночитаемого права и его онтологии в исследованной Концепции, определенные направления развития и реализации технологий машиночитаемого права в сфере судопроизводства носят тактический характер, представляются полезными и эффективными для совершенствования судебной защиты прав человека. В то же время данный подход к определению машиночитаемого права и ориентиров его развития в перспективе может быть использован для совершенствования концепта в целях решения стратегических проблем судебного правоприменения.

Ключевые слова: машиночитаемое право, право на судебную защиту, судебная защита прав, судопроизводство, искусственный интеллект, Концепция развития технологий машиночитаемого права

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00765 «Конституционно-правовой механизм реализации социальных прав и свобод с использованием искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования, пределы и ответственность»).

Для цитирования: Липчанская М. А., Привалов С. А. Перспективы и проблемы использования машиночитаемого права в судопроизводстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 424–431. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-424-431>, EDN: JQEYMS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Prospects and problems of using machine-readable law in legal proceedings

M. A. Lipchanskaya¹, S. A. Privalov²✉

¹Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya St., Moscow 117418, Russia

²Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Maria A. Lipchanskaya, lipchan_maria@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4410-0578>

Sergej A. Privalov, privalow18@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6894-7722>

© Липчанская М. А., Привалов С. А., 2022

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the potential application of machine-readable law technologies in the field of judicial protection of human rights. In the course of the research, the authors analyzed the Concept of development of machine-readable law technologies, approved by the Governmental Commission on Digital Development and the Use of Information Technologies for Improving the Quality of Life and the Business Environment. It was established that the achievement of one of the key directions of application of machine-readable law, according to the Concept, i.e. modernization of judicial proceedings in Russia, will objectively entail the improvement of the procedure of judicial protection of human rights. **Theoretical analysis.** The current state of legal proceedings in the Russian Federation is characterized by a set of problems that negatively affect the efficiency of the judicial protection of human and civil rights and freedoms in Russia. The concept of development of machine-readable law technologies offers a number of directions for the improvement of law enforcement in the framework of judicial proceedings in the Russian Federation with the use of machine-readable law technologies, which, hypothetically, will lead to the improvement of the mechanism of judicial protection of human rights. In turn, scientific community also puts forward additional directions of application of machine-readable law in the field of legal proceedings. **Empirical analysis.** The “advantages” of application of machine-readable law in court proceedings, highlighted by the Concept of development of machine-readable law technologies, can be recognized as effective in the tactical perspective. In addition, the development and application of the concept of machine-readable law in the field of judicial protection of human rights can be associated with the development and use of artificial intelligence technologies. **Results.** According to the results of the study of the Concept of development of machine-readable law technologies, as well as the ideas of legal scholars, the authors reached conclusions about the usefulness of the chosen approach to the definition of the concept of machine-readable law in the document. Notwithstanding some theoretical flaws in formulation of the machine-readable law and its ontology in the studied Conception, certain directions of development and implementation of the machine-readable law in the sphere of legal proceedings have tactical character, seem to be useful and effective for improvement of judicial protection of human rights. At the same time, this approach to the definition of machine-readable law and guidelines for its development can be used in the future to improve the concept in order to solve strategic problems of judicial enforcement.

Keywords: machine-readable law, right to judicial protection, judicial protection of rights, judicial proceedings, artificial intelligence, Concept of development of machine-readable law technologies

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00765 “Constitutional and legal mechanism for the implementation of social rights and freedoms using artificial intelligence: problems of legal regulation, limits and responsibility”).

For citation: Lipchanskaya M. A., Privalov S. A. Prospects and problems of using machine-readable law in legal proceedings. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 424–431 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-424-431>, EDN: JQEYMS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В соответствии со ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод [1]. Гарантирование и качество реализации данного конституционного права также гипотетически может стать объектом воздействия технологий машиночитаемого права вследствие непрекращающегося процесса цифровизации судопроизводства в России. По мнению Н. Н. Ковалевой, внедрение цифровизации государства позволяет повысить эффективность государственного управления по целому ряду направлений [2, с. 144]. Как отмечают некоторые ученые, процесс цифровизации определяет перманентный возрастающий запрос государства и общества в новых сферах человеческого общежития [3, с. 165], в том числе в сфере судопроизводства. Так, уже сегодня в Российской Федерации многими специалистами отмечаются существенный уровень проникновения цифровых технологий в судебный процесс и, соответственно, готовность отечественной судебной системы к восприятию определенных вариантов машиночитаемого права, в том числе подготовки судебных решений юнитом искусственного интеллекта [4, 5]. При этом отмечается, что внедрение машиночитаемого права повысит скорость принятия судебных решений, а также позволит

обеспечить единообразие судебной практики [6], что, безусловно, позитивным образом скажется на качестве реализации конституционного права на судебную защиту.

Теоретический анализ

Развитие науки и техники, в первую очередь кибернетики, закономерно обусловило перманентное возрастание интереса к использованию достижений технологического прогресса в практических сферах человеческой жизни, в том числе в области юриспруденции. Одним из последних «ответов» на проникновение цифровых технологий в юридическую практику стала разработка концепта машиночитаемого права. Изначально данная концепция существовала только в теоретической плоскости, представляя собой исключительно объект научных споров отечественных и зарубежных правоведов, однако утверждение Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности Концепции развития технологий машиночитаемого права (далее – Концепция) [7] изменило данную ситуацию.

В Концепции содержится определение машиночитаемого права, согласно которому под ним следует понимать основанное на онтологии

права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения) [7]. Указанное определение предлагает понимать машиночитаемое право как деятельность, процесс по формированию правовых норм в формате, воспринимаемом «машинами». В то же время в науке существует несколько подходов к пониманию машиночитаемого права. Так, И. В. Понкин предлагает три варианта понимания машиночитаемого права: праксиологическое (от др.-греч. πράξις – деятельность, действия), онтологическое (новолат. *ontologia* от др.-греч. ὄν род. п. ὄντος – сущее, то, что существует) и телеологическое (от греч. telos – результат, цель) [8, с. 235]. Таким образом, концепция предлагает понимать машиночитаемое право в праксиологическом контексте, что, на наш взгляд, не отображает полностью сущности машиночитаемого права (более полным представляется понимание машиночитаемого права через онтологический подход). Однако и приведенный в Концепции вариант, безусловно, имеет право на существование.

Согласно Концепции «машиночитаемое право представляется одним из эффективных способов непротиворечивого изложения правовых норм с целью повышения удобства правоприменения для государства, предпринимательского сообщества и граждан» [7]. Достижение указанного удобства обеспечивается за счет таких «преимуществ» машиночитаемого права, как повышение скорости судебного процесса, создание конструктора исковых заявлений, создание единых шаблонов судебных решений и т. д. [7].

Невозможно не согласиться с тезисом о полезности указанных «преимуществ». Так, например, обеспечение разумного срока судебного производства можно считать необходимой гарантией конституционного права на судебную защиту. Можно с уверенностью утверждать, что совершенство государственно-правового механизма обеспечения разумного срока судебного производства в частности и права на судебную защиту в общем является критерием развития в стране правового государства. Признание важности обеспечения данной гарантии реализации права на судебную защиту со стороны государства проявляется как в ее гарантированности во всех процессуальных кодексах (ст. 6.1 АПК РФ [9], ст. 6.1 ГПК РФ [10], ст. 6.1 УПК РФ [11], ст. 10 КАС РФ [12]), так и в установлении отдельной,

26-й, главы КАС РФ, посвященной производству по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок [13]. Тем не менее, обеспечение разумности срока судопроизводства является одной из острых проблем российского правосудия. В Российской Федерации до сих пор сохраняется тенденция затяжного судопроизводства [14].

Данная проблема является лишь малой толикой из целой плеяды проблем современного правоприменения. Кроме нее можно выделить частое отсутствие гомогенности в судебной практике по аналогичным делам, сложность понимания права «не юристами» в процессе правоприменения, большой объем правовых норм разного порядка в совокупности с сохранением тенденции по их приумножению.

При этом машиночитаемое право имеет большой потенциал решения данных разновекторных проблем, что отмечается учеными-правоведами. Так, П. М. Морхат выделяет следующие варианты использования машиночитаемого права посредством задействования «юнита искусственного интеллекта»:

- руденциальный (внутренний превентивный) контроль деятельности судьи;
- информационно-документарное обеспечение судопроизводства;
- интеллектуальное экспертно-аналитическое обеспечение судопроизводства;
- лингвистическо-переводческое обеспечение судопроизводства;
- организационное обеспечение судопроизводства [14, с. 79–81].

Эмпирический анализ

Обобщая преимущества машиночитаемого права в сфере производства по делам об административных и гражданских правонарушениях и судопроизводства, можно выделить следующие основные направления.

1. *Повышение скорости судебного процесса.* Как было отмечено выше, сегодня судебная система России испытывает большие проблемы с объемом дел, поступающих на рассмотрение. Так, согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2021 г. в суды первой инстанции поступило 724 354 уголовных [15], 1 036 791 гражданское и административное дело [16] и 8 930 464 дел об административных правонарушениях [17]. Естественно, столь большая нагрузка негативно сказывается на сроках рассмотрения дел судами.

В силу цифрового формата хранения данных и автоматической индексации документов еще

на этапе их создания технологии машиночитаемого права позволят быстрее осуществлять подготовку и рассмотрение материалов дела, а как следствие – ускорят проведение судебного разбирательства. Кроме того, экспертные системы могут на основе цифровой информации составлять прогнозы относительно вариантов рассмотрения дела. Включение информационной системы нормотворчества как части единой судебной цифровой среды позволит частично решить вопрос унификации практики применения норм права и эталонной правовой информации. Кроме того, появляется возможность избежать многократного ввода одной и той же информации о деле на основе словарей и индексации.

В данной сфере преимущества машиночитаемого права обеспечивают возможность внедрения «электронного дела», что позволяет как систематизировать относящиеся к делу документы и доказательства, так и провести более эффективную и менее «энергозатратную» систематизацию всего документооборота.

Технология машиночитаемого права в сфере судопроизводства находится в тесной корреляции с развитием и применением электронного машиночитаемого документооборота. При этом уже сейчас в России имеется практика успешного электронного документооборота в судопроизводстве. Так, применяемая федеральными арбитражными судами Российской Федерации ГАС «Правосудие» позволяет автоматизировать процесс прохождения судебного дела в арбитражном суде и создавать полнотекстовый электронный банк судебных решений, что, с одной стороны, упрощает и ускоряет судебный процесс в целом, а с другой – упрощает работу сторон с документами и доказательствами, более того, делает их доступнее в рамках, установленных законодательством, для широкой общественности.

Распространение электронного формата на всю судебную систему Российской Федерации позволит максимально автоматизировать процесс регистрации нового судебного дела, а также всех последующих за этим процессов. Например, при формировании «электронного дела» карточка заполняется в автоматическом режиме, система сама извлекает определенные характеристики и загружает их в нужные разделы, относимые к конкретному делу. Автоматизированное заполнение соответствующих форм в комплексе с созданием базы данных «электронных дел» позволит быстро и результативно находить и анализировать аналогичные дела.

Автоматизация судопроизводства также обеспечит возможность по ходу конкретного судебного разбирательства автоматически за-

гружать в карточку дела новую информацию, например поступившие документы от сторон (документы pdf при этом могут распознаваться и индексироваться также автоматически) или аудиопrotocol судебного заседания (стенограмма заседания при этом может также формироваться автоматически).

Резюмируя, отметим, что апробация машиночитаемого права и переход на «электронные дела» имеет ряд объективных преимуществ, основное из которых – упрощение взаимодействия между участниками процесса и судами между собой.

2. *Упрощение участия в процессе для непрофессиональных участников судопроизводства.* Есть основания предположить, что непрофессиональные участники судебных споров с помощью технологий машиночитаемого права, которые обеспечивают «мягкий искусственный интеллект», а точнее говоря – «умный» конструктор документов, будут иметь возможность самостоятельно обжаловать и исполнять судебные решения. Это положение не является очевидным, но отсутствие унификации в оформлении документов осложняет не только автоматический поиск, но и их восприятие «не-специалистами». Механизмом решения данной проблемы в соответствии с Концепцией может выступить конструктор исковых заявлений, работающий совместно с «помощником», разработанным с применением технологий обработки естественного языка. По замыслу разработчиков, «помощник», исходя из введенных пользователем данных, не только определяет предмет искового заявления, но и формирует непосредственно само исковое заявление, а также рекомендует примерный перечень необходимых для подачи искового заявления документов [7].

3. *Снижение количества технических ошибок в судопроизводстве.* Применение технологий машиночитаемого права при конструировании исковых заявлений позволит повысить качество как поступающих в суд заявлений, так и материалов дела. Это первый этап минимизации технических ошибок. Следующий шаг в унификации документов судопроизводства при условии внедрения машиночитаемого права – это внедрение единых шаблонов судебных решений. Иными словами, в процессе заполнения карточки «электронного дела» автоматически формируется шаблон судебного решения на основе аналогичных споров, имеющихся в системе. Разумеется, ответственный субъект вправе внести изменения в шаблонное решение, подготовленное с использованием технологий машиночитаемого права [7].

4. *Применение систем искусственного интеллекта.* Машиночитаемое право может автоматически служить хорошей информационной основой для обучения систем искусственного интеллекта, используемых в дальнейшем для прогнозирования или оптимизации судебного процесса.

Обратим внимание на последний пункт – именно благодаря ему становится возможным такой вариант применения систем искусственного интеллекта в процессе, как механизм взимания и оспаривания штрафов. В настоящее время вполне возможно применение технологий машиночитаемого права в административном производстве, особенно по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Широкое распространение специальных технических средств, позволяющих фиксировать правонарушения, а также программ по обработке данных о таких правонарушениях является одним из перспективных направлений апробации и применения технологий машиночитаемого права с максимальным исключением «человеческого фактора».

Вместе с тем необходимо сохранение процессуальных гарантий, предусмотренных законом для лиц, привлекаемых к ответственности (например, возможности обжаловать постановление по делу об административном правонарушении заблаговременно до вступления его в силу).

5. *Автоматически формируемая аналитика* (анализ судебной практики). Целью внедрения «электронного дела» с применением технологий машиночитаемого права является формирование единой базы судебных решений.

Такая база судебной практики обеспечит оперативный сбор и эффективную обработку данных для формирования судебной статистики по широкому спектру критериев: субъекты РФ; дела с участием субъектов малого и среднего предпринимательства; дела с участием несовершеннолетних; дела, вытекающие из правоотношений, связанных с защитой прав потребителей, и т. д. Важным аспектом такой аналитики должно быть автоматическое формирование на основе данных из карточки «электронного дела» судебных решений или иных документов участников судебного процесса (например, учредительных). Полагаем, что система анализа судебной статистики должна быть доступна для работы всем заинтересованным лицам, включая системы искусственного интеллекта, – хотя, возможно, и на платной основе.

В то же время следует отметить, что разработка и использование машиночитаемого права сопряжены с рядом проблем как сегодня, так и

в перспективе. Так, по мнению И. В. Понкина, «всё, что предлагалось до сих пор, преимущественно сводилось к закладыванию способности словарного поиска, за пределами чего компьютер был неспособен извлечь какое-либо значение нормативных установлений» [18, с. 63]. Представляется, что эта проблема носит временный характер и гипотетически может быть устранена. Развитие машиночитаемого права неразрывно связано с развитием информационных технологий, соответственно, при дальнейшем технологическом прогрессе возможно устранение данной проблемы. Однако стоит отметить, что у технологического прогресса есть объективные пределы, которые на данный момент могут быть незримы для научного сообщества и человечества в целом. Так, например, остается неясным перспектива потенциальности разработки сильного искусственного интеллекта, который также может быть интегрирован в систему машиночитаемого права.

Экс-первый заместитель председателя Центрального банка Сергей Швецов обращает внимание также на следующие сложности развития машиночитаемого права: 1) для использования машиночитаемого права следует создавать целую экосистему – так, например, модификацию претерпит юридическая профессия; 2) низкий уровень доверия общества компьютерным системам, особенно когда дело касается жизненно важных вопросов; 3) проблема управления информационными системами [19]. Однако, на наш взгляд, данные проблемы также носят временный характер и требуют исключительно организационной проработки.

Результаты

Таким образом, следует констатировать, что принятие Концепции, несомненно, является необходимым шагом в цифровом развитии современного российского права. Данный документ определяет основные ориентиры и направления формирования концепции машиночитаемого права в Российской Федерации, тем самым обозначая план устранения существующих сегодня проблем правоприменения. Несмотря на отдельные спорные черты Концепции – определения машиночитаемого права, неоднородность способов создания машиночитаемого права, – в плоскости практического применения данный акт имеет существенный потенциал для совершенствования отечественной судебной практики и модернизации российского права.

С точки зрения природы машиночитаемого права, Концепция предлагает узкий подход к его пониманию, который базируется на его потенци-

альном практическом применении в тактической перспективе. Предлагаемые «преимущества» разработки и применения машиночитаемого права в судебной практике могут быть реализованы в ближайшей перспективе. Во многом это связано с уже имеющейся информационной инфраструктурой, например ГАС «Правосудие», положительно зарекомендовавшей себя в деятельности арбитражных судов Российской Федерации. Тем не менее, это вовсе не означает невозможность развития данного «тактически-ориентированного» концепта машиночитаемого права до «стратегически-ориентированного» – устранение неэффективного, отчасти деструктивного, проактивного характера современного «естественного» права, прогнозирование и даже разработка судебных решений и др. [20]. Однако на данном этапе развития информационных, цифровых технологий и юридической техники невозможно устранить эти проблемы. Как отмечает О. М. Родионова, аксиоматичные для юристов суждения сегодня с трудом воспринимаются в программировании [21, с. 88]. Тем не менее, гипотетически развитие информационных технологий в перспективе может устранить и эту проблему.

Таким образом, узкий подход к определению концепта машиночитаемого права, избранный в Концепции, с одной стороны, является жизнеспособным в тактической перспективе и, следовательно, полезным механизмом повышения эффективности реализации права на судебную защиту. С другой стороны – он может быть использован в качестве платформы для дальнейшего развития подхода к содержанию концепта машиночитаемого права для более глубокой модернизации действующей сейчас правовой системы Российской Федерации.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
2. Ковалева Н. Н. Основные направления цифровизации права // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. С. Слобожниковой, И. В. Сулова. Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2019. С. 143–151.
3. Реализация конституционных социальных прав и свобод с использованием искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования, пределы и ответственность / под ред. М. А. Липчанской. М. : Проспект, 2022. 208 с.
4. Новикова К. С. Использование искусственного интеллекта при подготовке судебных решений. Выступление на международной конференции «Цифровизация права: предпосылки, вызовы, решения» // Университет Правительства Москвы : [сайт]. URL: <https://mguu.ru/tsifrovizatsiya-prava-predposylki-printsipy-resheniya-2/> (дата обращения: 19.01.2022).
5. Безбородов А. Ю. Использование информационных технологий при подготовке судебных решений. Выступление на международной конференции «Цифровизация права: предпосылки, вызовы, решения» // Университет Правительства Москвы : [сайт]. URL: <https://mguu.ru/tsifrovizatsiya-prava-predposylki-printsipy-resheniya-2/> (дата обращения: 19.01.2022).
6. Машиночитаемое право: возможно ли его применение в ближайшем будущем? Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. Концепция развития технологий машиночитаемого права // Министерство экономического развития РФ : [сайт]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_pravitelstve_utverdili_koncepciyu_razvitiya_tehnologiy_mashinocitaemogo_prava.html (дата обращения: 19.01.2022).
8. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 231–236.
9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 96-ФЗ : принят Госдумой ФС РФ 14.06.2002 г. ; одобр. Советом Федерации ФС РФ 10.07.2002 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012.
10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ : принят Госдумой ФС РФ 23.10.2002 ; одобр. Советом Федерации ФС РФ 30.10.2002 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.
11. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : принят Госдумой ФС РФ 22.11.2001 ; одобр. Советом Федерации ФС РФ 05.12.2001 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 4921.
12. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ : принят Госдумой ФС РФ 20.02.2015 ; одобр. Советом Федерации ФС РФ 25.02.2015 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10, ст. 1391.
13. Белякова А. В. Проблемы защиты права на судопроизводство в разумный срок в гражданском и арбитражном процессах в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 23 с.
14. Морхат П. М. Применение искусственного интеллекта в судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 3. С. 61–85. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2019-9-3-61-85>
15. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Судебный департамент при Верхов-

ном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 09.05.2022).

16. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 09.05.2022).
17. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 12 месяцев 2021 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 09.05.2022).
18. Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве : учебник. М. : Буки Веди, 2021. 174 с.
19. Сазонова М. Машиночитаемое право: возможно ли его применение в ближайшем будущем? Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
20. Вашкевич А. М. Автоматизация права: право как электричество. М. : Симплоер, 2019. 256 с.
21. Родионова О. М. Право и цифровые технологии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131). С. 85–89.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
2. Kovaleva N. N. The main directions of digitalization of law. In: V. S. Slobozhnikova, I. V. Suslov (eds.) *Rossiiskaya obshchestvenno-gumanitarnaya nauka pered vyzovami sovremennosti* [Russian social and humanitarian science facing the challenges of modernity. A collection of articles based on the materials of the Int. sci. and pract. conf.]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2019, pp. 143–151 (in Russian).
3. Lipchanskaya M. A. (ed.) *Realizatsiya konstitutsionnykh sotsial'nykh prav i svobod s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta: problemy pravovogo regulirovaniya, predely i otvetstvennost'* [Implementation of Constitutional Social Rights and Freedoms Using Artificial Intelligence: Problems of Legal Regulation, Limits and Responsibility]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 208 p. (in Russian).
4. Novikova K. S. The use of artificial intelligence in the preparation of judicial decisions. Speech at the international conference “Digitalization of Law: Prerequisites, Challenges, Solutions”. *Universitet Pravitel'stva Moskv*y (University of the Government of Moscow. Site). Available at: <https://mguu.ru/tsifrovizatsiya-prava-predposylki-printsipy-resheniya-2/> (accessed 19 January 2022) (in Russian).
5. Bezborodov A. Yu. The use of information technologies in the preparation of judicial decisions. Speech at the international conference “Digitalization of Law: Prerequisites, Challenges, Solutions”. *Universitet Pravitel'stva Moskv*y (University of the Government of Moscow. Site). Available at: <https://mguu.ru/tsifrovizatsiya-prava-predposylki-printsipy-resheniya-2/> (accessed 19 January 2022) (in Russian).
6. Machine-readable law: is its application possible in the near future? *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
7. Concept of development of machine-readable law technologies. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya RF* (Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Site). Available at: https://www.economy.gov.ru/material/news/v_pravitelstve_utverdili_koncepciyu_razvitiya_tehnologiy_mashinichitaemogo_prava.html (accessed 19 January 2022) (in Russian).
8. Ponkin I. V. The concept of machine-readable law. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2021, no. 15, pp. 231–236 (in Russian).
9. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation 96-FZ of 24.07.2002. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 30, art. 3012 (in Russian).
10. Civil Procedure Code of the Russian Federation 138-FZ of 14.11.2002. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 46, art. 4532 (in Russian).
11. Criminal Procedure Code of the Russian Federation 174-FZ of 18.12.2001. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2001, no. 52, art. 4921 (in Russian).
12. Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation 21-FZ of 08.03.2015. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 10, art. 1391 (in Russian).
13. Beljakova A. V. *Problems of Protection of the Right to Trial within a Reasonable Time in Civil and Arbitration Proceedings in the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2018. 23 p. (in Russian).
14. Morkhat P. M. The Use of Artificial Intelligence in the Judicial Proceedings. *Herald of Civil Procedure*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 61–85 (in Russian). <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2019-9-3-61-85>
15. Report on the work of the courts of general jurisdiction to review criminal cases at first instance for 12 months of 2021. *Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (accessed 9 May 2022) (in Russian).
16. Report on the work of courts of general jurisdiction in the consideration of civil, administrative cases at first instance for 12 months of 2021. *Judicial Department at*

- the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (accessed 9 May 2022) (in Russian).
17. Report on the work of courts of general jurisdiction to consider cases of administrative offenses for the 12 months of 2021. *Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (accessed 9 May 2022) (in Russian).
 18. Ponkin I. V., Lapteva A. I. *Pravo i tsifra: Mashinochitae-moe pravo, tsifrovye modeli-dvoyniki, tsifrovaya formalizatsiya i tsifrovaya onto-inzheneriya v prave* [Law and Digital: Machine-Readable Law, Digital Twin Models, Digital Formalization and Digital Onto-Engineering in Law]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2021. 174 p. (in Russian).
 19. Sazonova M. Machine-readable law: is it possible to apply it in the near future? *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
 20. Vashkevich A. M. *Avtomatizatsiya prava: pravo kak elektrichestvo* [Automation of Law: Law as Electricity]. Moscow, Simploer Publ., 2018. 256 p. (in Russian).
 21. Rodionova O. M. Law and digital technology. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi juridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2019, no. 6 (131), pp. 85–89 (in Russian).

Поступила в редакцию 25.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 23.06.2022.
The article was submitted 25.05.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 23.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 432–439

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 432–439

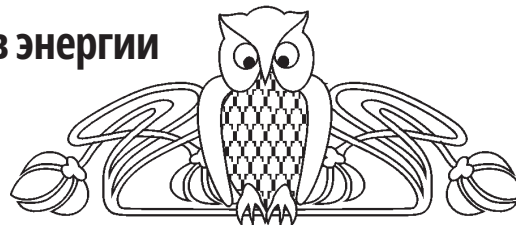
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-432-439>, EDN: KRLDXY

Научная статья

УДК 349.6

Развитие возобновляемых источников энергии и их значение для перехода России на стандарты «зеленой» экономики

А. Я. Рыженков , Л. Д. Буринова

Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, Россия, 358000 г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Буринова Лидия Дадунвна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, burinova08@mail.ru

Аннотация. Введение. В статье исследуются проблемы развития возобновляемых источников энергии в контексте перехода России к «зеленой» экономике. **Теоретический анализ.** Рассматриваются терминологические вопросы соотношения термина «возобновляемые источники энергии» с другими категориями (чистая энергия, «зеленая» энергия), место данной категории в системе мировых экологических концепций (устойчивого развития). Обращается внимание на отдельные экологические последствия использования ветрогенераторов и солнечных батарей, высказываются предложения по развитию соседского права. **Результаты.** Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что важнейшими преимуществами возобновляемых источников энергии являются обеспечение энергетической и экологической безопасности, стабильности и диверсификации используемых источников энергии, решение ряда социальных проблем (включая снижение уровня безработицы, борьбу с бедностью, обеспечение электроэнергией отдаленных сельских населенных пунктов), развитие науки и техники, позволяющее перейти к стандартам VI технологического уклада, решение вопросов энергоэффективности, улучшение качества экологического и энергетического просвещения и воспитания граждан. Учитывая, что страны ЕС, Китай и США к 2050 г. за счет ВИЭ сильно сократят использование традиционных видов энергии и зависимость от нефти и газа, необходимо не допускать отставания России от этих мировых трендов, принимать меры по развитию ВИЭ в нашей стране, продумывать варианты использования высвобождаемых экспортных объектов нефти и газа для развития промышленности.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, «зеленая» экономика, парниковые газы, устойчивое развитие, ветрогенератор, солнечные батареи

Благодарности: Статья выполнена в рамках проекта «Волга – Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова на 2021–2030 годы.

Для цитирования: Рыженков А. Я., Буринова Л. Д. Развитие возобновляемых источников энергии и их значение для перехода России на стандарты «зеленой» экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 432–439. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-432-439>, EDN: KRLDXY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Development of renewable energy sources and their importance for Russia's transition to the standards of a "green" economy

A. Ja. Ryzhenkov , L. D. Burinova

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, 11 Pushkin St., Elista 358000, Russia

Anatoly Ja. Ryzhenkov, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Lidia D. Burinova, burinova08@mail.ru

Abstract. Introduction. The article examines the problems of developing renewable energy sources in the context of Russia's transition to a "green" economy. **Theoretical analysis.** The authors consider the terminological and logical issues of the correlation of the term of "renewable energy sources" with other categories (clean energy, "green" energy), the place of this category in the system of world environmental concepts (sustainable development). Attention is drawn to certain environmental consequences of the use of wind turbines and solar panels, and proposals are made for the development of neighborhood law. **Results.** The study allows the authors to conclude that the most important advantages of renewable energy sources are ensuring energy and environmental security, stability and diversification of energy sources used, solving a number of social problems (including reducing unemployment, fighting poverty, providing remote rural settlements with electricity), the development of science and technology, that enhances the transition to the standards of the VI technological order, the solution of energy efficiency issues, improving the quality of environmental and energy education and instruction of citizens. Taking into account that the EU countries, China and

the USA will significantly reduce the use of traditional types of energy and dependence on oil and gas by 2050 due to renewable energy sources, it is necessary to prevent Russia from lagging behind these world trends, to take measures to develop renewable energy sources in our country, and think over options for using the released oil and gas export facilities for the development of industry

Keywords: renewable energy, "green" economy, greenhouse gases, sustainable development, wind generator, solar panels

Acknowledgements: The article was carried out within the framework of the project "Volga – Caspian: Law and Green Economy" of the Development Program of the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov for 2021–2030.

For citation: Ryzhenkov A. Ja., Burinova L. D. Development of renewable energy sources and their importance for Russia's transition to the standards of the "green" economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 432–439 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-432-439>, EDN: KRLDTY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Развитие системы возобновляемых источников энергии (ВИЭ) является одним из условий перехода России к «зеленой» экономике. Под последней ЮНЕП понимает такую экономику, которая приводит к повышению благосостояния людей и укреплению социальной справедливости при одновременном существенном снижении рисков для окружающей среды и дефицита природных ресурсов [1]. В настоящий момент большинство развитых стран мира (ЕС, Китай, США и ряд других) наращивают производство электроэнергии из возобновляемых источников, которые постепенно обгоняют уголь, нефть и газ. В ряде стран ЕС количество произведенной энергии из возобновляемых источников достигает 40%, а в Дании уже превышает 60%. Россия также, хотя и медленно, но движется в этом же направлении. По состоянию на 2020 г. в Российской Федерации было построено 184 МВт ветряных электростанций и 1,4 ГВт солнечных электростанций (это меньше 1% мощности всей энергосистемы). В России еще доминирует традиционная генерация: 66,8% приходится на тепловые электростанции на угле и газе, 20,2% – на АЭС и 12,3% – на ГЭС [2].

Между тем ископаемые природные ресурсы рано или поздно закончатся, и к этому моменту следует подготовиться заранее. Такая работа давно ведется: корректируются действующие правовые акты и разрабатываются новые. Однако существует необходимость разобраться с рядом доктринальных вопросов, начиная от терминологии и заканчивая экологическими угрозами, которые все-таки возникают при массовом использовании ВИЭ.

Теоретический анализ

В российской юридической науке уделяется много внимания обсуждению различных административно-правовых и гражданско-правовых аспектов развития ВИЭ, при этом используется «классическая» терминология из Федерального закона «Об электроэнергетике». В зарубежной

юридической науке вопросам терминологии уделяется больше внимания, при этом поднят интересный терминологический вопрос о том, можно ли рассматривать «возобновляемую энергию» как синоним «зеленой энергии»? Российские ученые обычно не проводят различий между ними [3], однако ряд зарубежных коллег считают, что термин «зеленая энергия» имеет более широкое значение и включает повышение эффективности или сокращение выбросов на объектах, работающих на ископаемом (традиционном) топливе, а не только производство энергии на объектах, использующих возобновляемые ресурсы, включая энергию солнца и ветра. Поэтому им кажется непоследовательным отождествлять возобновляемую энергию с экологически чистой традиционной энергетикой. Представляется, что возобновляемая энергия – это, конечно, «зеленая» энергия, однако не вся «зеленая» энергия является возобновляемой. Например, если мы определяем «зеленую» энергетику как энергию, используемую экологически ответственным образом, то это не обязательно требует использования возобновляемых ресурсов.

Наиболее часто упоминаемыми возобновляемыми ресурсами являются солнце, ветер и вода (последняя включает в себя не только традиционные гидроэлектростанции, но и инновационные формы, включая энергию, генерируемую волнами и приливами). Другим природным ресурсом выступают подземные горячие источники, пар из которых используется для производства геотермальной энергии. Однако заметим, что «возобновляемая энергия» не всегда воспринимается в таком узком «природном» смысле.

Другие ресурсы, которые могут быть отнесены к категории возобновляемых, уже требуют участия человека в их создании. Например, это вещества, являющиеся побочным продуктом другой деятельности, которые затем используются для выработки электроэнергии. Примерами таких технологий могут служить установки на биомассе, в которых используются либо сельскохозяйственные культуры, выращиваемые исключительно для получения энергии (рапс),

либо отходы (включая древесные отходы лесного хозяйства и бумагу). Кроме того, к «зеленой» энергии можно отнести и атомную энергию. Еще более четкое различие проводится между возобновляемой энергией и «чистой энергией». Возобновляемые источники энергии – это разновидность чистой энергии, однако «чистая энергия» охватывает гораздо больше позиций, чем просто возобновляемые источники энергии.

«Чистая энергия» – это энергия, вырабатываемая из источников, имеющих ограниченный или нулевой углеродный след или, другими словами, минимальный выброс парниковых газов по сравнению с иными источниками энергии. Многие природные ресурсы, используемые для производства электричества и относимые к разряду возобновляемой энергии, подпадают под термин «чистая энергия». Но в дополнение к этим ресурсам к «чистой энергии» часто относится энергия, получаемая из природных ресурсов, которые технически не могут считаться возобновляемыми ресурсами (геотермальная энергия). С другой стороны, важной формой производства электроэнергии, которая входит в чистую энергетику, является ядерная энергетика, которая не производит никакого углерода и, следовательно, никаких парниковых газов. «Чистая энергетика» также может включать достижения в области производства электроэнергии на основе ископаемого топлива, но с использованием современных методов улавливания CO_2 [4, с. 435–438].

Необходимость развития возобновляемых источников энергии в России имеет ряд важных причин. Во-первых, они выступают гарантией реализации права человека на благоприятную окружающую среду и условием перехода к стандартам «зеленой» экономики, что позволит улучшить состояние окружающей среды, уменьшить выбросы парниковых газов и смертность от экологических факторов. Во-вторых, развитие ВИЭ способствует обеспечению как экологической, но и энергетической безопасности страны, позволяет увеличить уровень жизни населения и число рабочих мест, способствует решению социальных проблем. Например, Международная организация труда (МОТ) сообщает, что политика здравомыслящей «зеленой» экономики может создать к 2030 г. 24 млн новых рабочих мест. В Бангладеш установка более четырех миллионов солнечных домашних систем создала более 115 000 рабочих мест, дала сельским домохозяйствам более 400 млн долларов и спасла их от загрязняющих видов топлива [5].

В-третьих, производство и использование ВИЭ предполагает развитие экологического предпринимательства (причем как сектора про-

изводства, так и обслуживания). В-четвертых, рост производства «зеленой» энергетики означает движение в сторону достижения Целей устойчивого развития (ЦУР), одной из которых является цель № 7, предполагающая обеспечение доступа к недорогостоящим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех. Данная цель тесно взаимосвязана с другими ЦУР, в частности с целями в области обеспечения продовольственной безопасности и улучшения питания (ЦУР № 2), обеспечения наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех (ЦУР № 6), обеспечения рациональных моделей потребления и производства (ЦУР № 12) и некоторых других. При этом очевидна необходимость координации работы по достижению этих целей, поскольку они носят комплексный и взаимосвязанный характер. Несомненно, успех этой работы прямо зависит от экономической рентабельности и государственной поддержки граждан и бизнеса, стимулирования производства и использования технологий ВИЭ.

Возобновляемую энергетику часто воспринимают как простую замену угольных или газовых электростанций солнечными батареями и ветрогенераторами. Однако представляется, что рост производства электроэнергии из ВИЭ имеет гораздо более глобальное значение. Дело в том, что человеческая цивилизация в настоящий момент стоит на пороге перехода к VI технологическому укладу. Как отмечалось в научной литературе, «вначале новый технологический уклад использует в своем развитии уже сложившуюся транспортную инфраструктуру и энергоносители, стимулируя их дальнейшее развитие. Во время фазы быстрого роста происходит циклическое увеличение производства и потребления ВВП и его энергоемкости. По мере развития очередного технологического уклада создается новый вид инфраструктуры, преодолевающий ограничения предыдущего, и осуществляется переход на новые виды энергоносителей, которые закладывают ресурсную базу для становления следующего технологического уклада» [6, с. 15].

Переход к VI технологическому укладу означает рост нано- и биотехнологий, прорыв в медицине, рост молекулярных и клеточных технологий, микроэлектроники и т.д. Среди иных многочисленных параметров данного уклада следует специально выделить снижение энергоемкости и материалоемкости, производство продукции с заранее заданными свойствами. Все это означает и неизбежное изменение существующей сегодня энергетической инфраструктуры, рост ее индивидуализации. Последний аспект

очень важен, поскольку дальнейшее освоение российской Арктики невозможно старыми методами, и использование там технологий ВИЭ представляется весьма перспективным. При этом одной Арктикой преимущества ВИЭ не ограничиваются – любые отдаленные населенные пункты в степях или горах, военные городки и метеостанции выигрывают от использования ВИЭ.

Развитие ВИЭ тесно связано с реализацией концепции «умного города», концепций циркулярной экономики, устойчивого развития и многих других глобальных планов экологического и социально-экономического развития, предложенных ООН и реализуемых в России и других странах мира. Между тем в настоящий момент в международном экологическом праве нет императивных норм, обязывающих государства развивать ВИЭ.

Такие нормы содержатся только в нескольких двусторонних и многосторонних договорах (да и то в качестве диспозитивных или рекомендательных норм), а также декларациях ООН и ряда региональных международных организаций (таких как ЕС). Однако высокий авторитет норм международного «мягкого» права, а также практическая целесообразность внедрения ВИЭ привели к появлению специального правового регулирования данных технологий на национальном уровне. Так, в Федеральном законе от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 11.06.2022) [7] дано определение ВИЭ (ст. 3), указаны полномочия Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ по установлению правил, критериев и порядка квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования ВИЭ, поддержка использования таких источников энергии (ст. 21), порядок определения надбавки к цене электроэнергии, полученной с помощью ВИЭ (ст. 23.1), порядок признания генерирующих объектов функционирующими на основе использования возобновляемых источников энергии (ст. 33) и т.д.

Анализ Закона позволяет сделать вывод о том, что законодатель четко разграничивает «возобновляемые» и «невозобновляемые» источники энергии. Основные их отличия между собой «следует искать через их способность к восполнимости, восстановлению. Восполнимость означает, что при однократном использовании энергия источника уменьшится, но впоследствии она восполнится, достигнет того уровня, который существовал до момента использования: водохранилище весной наполнится водой, растения

вырастут и т.д. Восполнимость возобновляемых источников энергии следует противопоставить воспроизводству минерально-сырьевой базы, невозобновляемой по своей сути. Использование критерия восполнимости возобновляемых источников энергии позволяет выделить из их состава источники энергии, которые в процессе технологического производства не используются, растрачиваясь впустую (например, попутный газ при нефтедобыче, сжигаемый в факелах вместо его транспортировки, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках)» [8, с. 198–199]. Учитывая важность развития ВИЭ, Правительством РФ были запланированы следующие значения целевых показателей объема производства и потребления электрической энергии с использованием ВИЭ (кроме ГЭС установленной мощностью более 25 МВт): в 2024 г. – 4,5%; в 2035 г. – не менее 6,0% [9].

Между тем во всех нормативных актах, посвященных развитию ВИЭ в России, крайне невелика роль субъектов РФ в обеспечении данного процесса. Многие законы субъектов Федерации, посвященные регулированию ВИЭ, по мере усиления централизации и изменения федеральных законов утратили силу. В остальных субъектах РФ действующие нормы и правила по использованию ВИЭ сосредоточены преимущественно в подзаконных актах либо упоминаются в региональных документах стратегического планирования, но в них почти полностью игнорируется природоохранный аспект использования ВИЭ [10]. Однако мировой опыт свидетельствует, что в федеративных государствах субъекты федерации могут достигнуть довольно больших успехов в развитии ВИЭ, опережая темпы регулирования отрасли федеральным правительством, в том числе устанавливая налоговые льготы, создавая стимулы для научно-технических исследований и т.д. [11]. Как полагают российские ученые, Краснодарский край как субъект РФ вполне может «выступить локомотивом создания правовой базы активного развития “зеленой” энергетики с использованием возобновляемых источников энергии. Для этого есть определенные правовые и социальные предпосылки. Краснодарский край представляет собой идеальную площадку для реализации проектов в сфере альтернативной энергетики, однако доля “зеленой” энергии, получаемой с использованием ВИЭ, в общем балансе пока, к сожалению, по-прежнему не достигает и 2%. Разрешение этой задачи позволит решить одну из важнейших социальных проблем региона, связанную с обеспечением потребностей края в бесперебойном снабжении электро-

энергией населения, объектов промышленности, социально-культурного и рекреационного назначения» [12, с. 23].

Однако отсутствие активности субъектов РФ является не единственной проблемой, связанной с развитием ВИЭ как важнейшей гарантии построения в России полноценной «зеленой» экономики.

1. В отличие от традиционных источников энергии (газ, нефть, уголь), использование которых зависит только от технологий их добычи и скорости доставки потребителю, такие ВИЭ, как солнечные батареи или ветрогенераторы, сильно зависят от погоды, которая не контролируется человеком. В этой ситуации весьма затруднительно полноценное планирование их использования, вероятны кризисы. С другой стороны, использование биогаза для производства энергии из остатков древесины, растений, отходов является более стабильным, но требует высокого уровня развития технологий.

2. Весьма перспективно развитие водородной энергетики, имеющей финансовую поддержку в развитых странах ЕС и США. И хотя водород в чистом виде редко встречается на нашей планете, существуют технологии его получения из метана, воды, водорослей, угля и т.д. Однако данные технологии весьма финансово дорогостоящие, что препятствует массовому внедрению водородных двигателей. Но несмотря на все сложности, в РФ принято Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации».

3) Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ [13] предусматривает в ст. 17 меры государственной поддержки хозяйственной и (или) иной деятельности в целях охраны окружающей среды, в том числе содействие в осуществлении использования возобновляемых источников энергии. Данная мера корреспондирует положениям ст. 67 Налогового кодекса РФ [14], предусматривающей порядок и условия предоставления организации инвестиционного налогового кредита. Однако этих мер государственной поддержки явно недостаточно для развития ВИЭ. Например, экономическими средствами стимулирования развития ВИЭ в США сейчас являются «инвестиционный налоговый кредит (investment tax credit – ИТС), ценовая скидка за установку ВИЭ (cash rebates), сертификаты использования солнечной энергии (solar renewable energy certificates – SRECs), ускоренная амортизация (accelerated depreciation), субсидированные ссуды (subsidized loans), освобождение от налога (tax exemptions)» [15, с. 128].

4. Развитие ВИЭ неизбежно повлечет изменение традиционных представлений о соседском праве, а также обусловит дополнительные требования и правила градостроительного зонирования (предусмотрены Градостроительным кодексом РФ).

Дело в том, что развитие технологий ВИЭ на индивидуальном уровне меняет характер соседских споров. Появляются, например, споры о высоте деревьев, затеняющих солнечную батарею, или о затенении земли, приводящей к гибели растительности. Вызывает беспокойство граждан и нагрев воздуха от работы солнечных батарей, а также повышение риска пожаров. Кроме «прав на солнце» возникают и «права на ветер», означающие запрет создания помех для работы ветрогенераторов. С другой стороны, все чаще обсуждаются такие негативные последствия работы ветрогенераторов, как шумовое воздействие, создание радиопомех, а также фактор гибели птиц под лопастями ветрогенераторов. Возникновение таких претензий повлекло улучшение конструкции названных видов ВИЭ. Отдельным проявлением «прав на ветер» является проблема ограниченности энергии ветра, когда в результате размещения ветрогенераторов в населенном пункте на морском побережье жителям отдаленных участков ветра может уже не хватать [16, с. 290–310]. В РФ таких судебных дел пока нет, да и само соседское право носит сейчас не очень развитый характер. Однако в других странах, где ВИЭ получило большее развитие, чем в Российской Федерации, такие примеры уже существуют. Так, в графстве Кент (Англия) мельник предъявил иск в суд в связи с тем, что рядом с его мельницей было построено железнодорожное депо. В результате изменилось направление и сила ветра, возникла турбулентность. Мельник проиграл дело в суде, и был вынужден построить мельницу в другом месте, увеличив ее высоту [17, с. 293]. В итоге в ряде зарубежных стран в ходе градостроительного зонирования предусматриваются дополнительные требования к размещению ветрогенераторов и иных подобных энергетических объектов на земельных участках.

Учитывая постоянные споры и конфликты вокруг производства электроэнергии с помощью солнечных батарей и ветрогенераторов, представляет интерес аргументация сторонников стимулирования производства электроэнергии за счет геотермальной энергии. Такие ученые считают, что геотермальные ресурсы чрезвычайно богаты и теоретически могут генерировать более трех четвертей производства электроэнергии в США. Кроме того, в отличие

от многих других возобновляемых источников энергии, связанных с погодой, геотермальные электростанции смогут более надежно удовлетворять повседневный спрос, поскольку они в состоянии производить электроэнергию практически постоянно. Более того, геотермальная электроэнергия не является очень дорогой, она будет экологически чистой: эти электростанции выделяют менее 1% углекислого газа, чем отличаются от типичных электростанций, работающих на ископаемом топливе. Таким образом, геотермальная энергия является обильным, надежным и дешевым внутренним источником энергии, который может помочь замедлить изменение климата [18].

Не меньший интерес вызывает возможность получения энергии с помощью биомассы: сжигание биомассы; брожение биомассы; использование таких энергоносителей, как биогаз или спирты, образующиеся в процессе образования биомассы. В РФ есть все предпосылки для использования таких технологий: в агропромышленном комплексе ежегодно образуется более 77 млн тонн твердых бытовых отходов и отходов животноводства. Переработка этих отходов позволила бы получить 66 млрд тонн биотоплива и огромный объем электроэнергии. В этом случае можно было бы говорить об энергетической независимости сельского хозяйства. Однако и здесь следует выделить ряд имеющих отрицательных последствий производства данного вида энергии. Например, занятие посевных площадей под биоэнергетические культуры, загрязнение атмосферного воздуха при брожении и переработке биомассы, загрязнение водных объектов и т.д. [19].

5. Появление в будущем крупномасштабных энергетических объектов (ВИЭ) приведет к постановке вопроса о правовом режиме земель, которые они занимают. В настоящее время в Земельном кодексе РФ есть специальная глава 16, посвященная правовому режиму земель энергетики, но объекты ВИЭ она не упоминает. Данный вопрос не является чисто теоретическим – в странах, ранее столкнувшихся с проблемой роста территорий, занятых ВИЭ, давно обсуждается проблема сохранения сельскохозяйственных угодий, которые часто передаются под размещение объектов возобновляемой энергетики [20]. Другой аспект проблемы – возможность освобождения от уплаты земельного налога полностью или частично лиц, внедряющих ВИЭ [21, с. 195].

6. Реализация любой экологической концепции невозможна без должного уровня экологической культуры граждан (например, не-

возможно реализовать концепцию циркулярной экономики, если граждане массового не будут сортировать мусор и бросать его в разные мусорные баки – стекло отдельно, пластик отдельно и т.д.). Применительно к концепции развития ВИЭ мы видим аналогичную ситуацию. Для ее эффективной реализации требуется определенный уровень эколого-правовой культуры граждан и бизнеса. Одни должны захотеть покупать ветрогенераторы и солнечные батареи, другие – производить и обслуживать эту технику. С этой проблемой тесно связан и вопрос о подготовке квалифицированных кадров. В настоящий момент в этом направлении делаются только самые первые шаги.

Результаты

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что важнейшими преимуществами ВИЭ являются обеспечение энергетической и экологической безопасности, стабильности и диверсификации используемых источников энергии, решение ряда социальных проблем (включая снижение уровня безработицы, борьбу с бедностью, обеспечение электроэнергией отдаленных сельских населенных пунктов), развитие науки и техники, позволяющее перейти к стандартам VI технологического уклада, решение вопросов энергоэффективности, улучшение качества экологического и энергетического просвещения и воспитания граждан. Учитывая, что страны ЕС, Китай и США планируют перейти к 2050 г. на полноценное использование ВИЭ за счет сокращения потребления нефти и газа, необходимо не допустить отставания России от этих мировых трендов, принять меры по развитию ВИЭ в нашей стране, продумать варианты использования высвобождаемых экспортных объектов нефти и газа для развития отечественной промышленности. Решение указанных глобальных задач потребует изменения правовой основы использования ВИЭ, в том числе посредством принятия специального Федерального закона «О возобновляемых источниках энергии». Такие попытки в РФ уже предпринимались, но не имели успеха.

Между тем опыт других стран свидетельствует о позитивных изменениях в случае надлежащего урегулирования таким законом проблемных аспектов развития ВИЭ. Подобные законы приняты уже более чем в 50 странах мира, а наибольшую эффективность они показали в США, Германии и Китае. Однако данные законы регламентируют, главным образом, административные, финансовые и гражданско-правовые аспекты использования ВИЭ. Для

решения экологических проблем, которые, хотя и носят несопоставимо меньший характер, чем в случае использования угольных, мазутных или иных электростанций, но все же присутствуют, потребуются изменения и дополнения в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10 декабря 2002 г., не уделяющий должного внимания вопросам ВИЭ.

Создание системы стимулов развития ВИЭ в совокупности с комплексным решением экологических, земельных, градостроительных и иных вопросов не только позволит обеспечить решение макроэкономических задач государства, но и упорядочит жизнь обычных граждан, у которых по мере увеличения числа ветрогенераторов и солнечных батарей на их земельных участках возникнут те же виды соседских споров, что и в других странах.

Список литературы

1. UNEP (2011) *Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication*. URL: <http://www.unep.org/greeneconomy> (дата обращения: 29.07.2022).
2. «Зеленые» электростанции обошли атомные по производству электричества. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2020/06/18/104624> (дата обращения: 30.07.2022).
3. Чирисьян А. Р. Понятие и особенности договора энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии // *Власть закона*. 2020. № 2. С. 194–205.
4. Kao H. *Beyond Solyndra: Examining the Department of Energy's Loan Guarantee Program* // *William & Mary Environmental Law and Policy Review*. 2013. Vol. 37. P. 425–509.
5. United Nations. Secretary-General's remarks on Climate Change [as delivered]. 10 September 2018. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2018-09-10/secretary-generals-remarks-climate-change-delivered> (дата обращения: 29.07.2022).
6. Бекулова С. Р. Возобновляемые источники энергии в условиях новой промышленной революции: мировой и отечественный опыт // *Мир новой экономики*. 2019. Т. 13, № 4. С. 14–21. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-14-21>
7. Об электроэнергетике : федер. закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ (ред. от 11.06.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Попондопуло В. Ф., Городов О. А., Петров Д. А. Проблемы генерации на основе возобновляемых источников электрической энергии в России // *Власть закона*. 2018. № 3. С. 194–204.
9. Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р (ред. от 24.03.2022). Доступ из прав.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Игнатьева И. А. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в субъектах Российской Федерации // *Право и бизнес*. 2022. № 2. С. 27–35.
11. Mormann F. *Constitutional Challenges and Regulatory Opportunities for State Climate Policy Innovation* // *Harvard Environmental Law Review*. 2017 Vol. 41. P. 189–242.
12. Камышанский В. П. Возобновляемые источники энергии и энергосбережение: социально-правовой аспект (на примере Краснодарского края) // *Власть закона*. 2017. № 2. С. 14–23.
13. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022). Доступ из прав.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть 1) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. 28.06.2022). Доступ из прав.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Брославский Л. И. Энергетическое право США: возобновляемые источники энергии // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 3. С. 125–134. <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.67.3.125-134>
16. Актуальные проблемы теории экологического права / под общ. ред. А. П. Анисимова. М. : Юрлитинформ, 2019. 520 с.
17. Крассов О. И. *Право собственности на землю в странах Европы*. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2014. 400 с.
18. Tannen B. *Capturing the Heat of the Earth: How the Federal Government Can Most Effectively Encourage the Generation of Electricity from Geothermal Energy* // *University of California, Davis*. 2014. Vol. 37. P. 133–165.
19. Тарасова Е. А. Правовые проблемы организации производства биотоплива в Российской Федерации // *Актуальные проблемы частного и публичного права*. Вып. 5. По материалам межрегиональной научно-практической конференции (Волгоград, 12 октября 2012 г.). Волгоград : Волгоградская акад. МВД России, 2013. С. 271–274.
20. Odens A. *A New Crop for Agricultural Land: The Renewable Energy Mandate and Its Potential to Turn Farm Lands into Energy Fields* // *McGeorge Law Review*. 2013. Vol. 44. P. 1037–1067.
21. Экзекова Л. М. Правовая поддержка развития возобновляемых источников энергии в России // *Научные горизонты*. 2020. № 5. С. 182–207.

References

1. UNEP (2011) *Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication*. Available at: <http://www.unep.org/greeneconomy> (accessed 29 July 2022).
2. «Zelenye» elektrostantsii oboshli atomnyye po proizvodstvu elektrichestva (“Green” power plants bypassed nu-

- clear power plants in electricity production). Available at: <https://www.atomic-energy.ru/news/2020/06/18/104624> (accessed 30 July 2022) (in Russian).
3. Chirish'yan A. P. The concept and features of an energy supply contract using renewable energy sources. *Vlast' zakona* [Rule of Law], 2020, no. 2, pp. 194–205 (in Russian).
 4. Kao H. Beyond Solyndra: Examining the Department of Energy's Loan Guarantee Program. *William & Mary Environmental Law and Policy Review*, 2013, vol. 37, pp. 425–509.
 5. United Nations. Secretary-General's remarks on Climate Change [as delivered]. 10 September 2018. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/state-ment/2018-09-10/secretary-generals-remarks-climate-change-delivered> (accessed 29 July 2022).
 6. Bekulova S. R. Renewable energy sources in the conditions of the new industrial revolution: world and domestic experience. *The world of new economy*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 14–21 (in Russian). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-14-21>
 7. On electric power industry. Federal Law 35-FZ of 26.03.2003 (an edition of 11.06.2022). *ATP «Consultant»* [electronic resource] in Russian).
 8. Popandopulo V. F., Gorodov O. A., Petrov D. A. Problems of generation based on renewable sources of electric energy in Russia. *Vlast' zakona* [Rule of Law], 2018, no. 3, pp. 194–204 (in Russian).
 9. On the main directions of state policy in the field of increasing the energy efficiency of the electric power industry based on the use of renewable energy sources for the period up to 2035. Decree of the Government of the Russian Federation no. 1-r of 08.01.2009 (an edition of 24.03.2022). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 10. Ignatieva I. A. The Legal Regulation of the Use of Renewable Energy Sources in the Constituent Entities of the Russian Federation. *Pravo i biznes* [Law and Business], 2022, no. 2, pp. 27–35 (in Russian).
 11. Mormann F. Constitutional Challenges and Regulatory Opportunities for State Climate Policy Innovation. *Harvard Environmental Law Review*, 2017, vol. 41, pp. 189–242.
 12. Kamyshansky V. P. Renewable energy sources and energy conservation: Socio-legal aspect (on the example of Krasnodar Krai). *Vlast' zakona* [Rule of Law], 2017, no. 2, pp. 14–23 (in Russian).
 13. On environmental protection. Federal Law 7-FZ of 10.01.2002 (an edition of 26.03.2022). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 14. Tax Code of the Russian Federation (Part 1) 146-FZ of 31.07.1998 (an edition of 28.06.2022). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 15. Broslavsky L. I. US Energy Law: Renewable Energy Sources. *Courier of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2020, no. 3, pp. 125–134 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.67.3.125-134>
 16. Anisimov A. P. (ed.) *Aktual'nye problemy teorii ekologicheskogo prava* [Current Problems of the Theory of Environmental Law]. Moscow, Yurlitinform, 2019. 520 p. (in Russian).
 17. Krassov O. I. *Pravo sobstvennosti na zemlyu v stranakh Evropy* [The Right of Ownership of Land in European Countries]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2014. 400 p. (in Russian).
 18. Tannen B. Capturing the Heat of the Earth: How the Federal Government Can Most Effectively Encourage the Generation of Electricity from Geothermal Energy. *University of California, Davis*, 2014, vol. 37, pp. 133–165.
 19. Tarasova E. A. Legal problems of the organization of biofuel production in the Russian Federation. In: *Aktual'nye problemy chastnogo i publichnogo prava. Vyp. 5. Po materialam mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Volgograd, 12 oktyabrya 2012 g.)* [Topical problems of private and public law. Issue 5. Collection of articles, based on the materials of the interregional scientific and practical conference (Volgograd, October 12, 2012)]. Volgograd, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2013, pp. 271–274 (in Russian).
 20. Odens A. A New Crop for Agricultural Land: The Renewable Energy Mandate and Its Potential to Turn Farm Lands into Energy Fields. *McGeorge Law Review*, 2013, vol. 44, pp. 1037–1067.
 21. Ekzekova L. M. Legal support for the development of renewable energy sources in Russia. *Nauchnye gorizonty* [Scientific Horizons], 2020, no. 5, pp. 182–207 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.09.2022; одобрена после рецензирования 15.09.2022; принята к публикации 16.09.2022
The article was submitted 10.09.2022; approved after reviewing 15.09.2022; accepted for publication 16.09.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 440–448

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 440–448

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-440-448>, EDN: SGKUFE

Научная статья

УДК 321.74

К вопросу об исторической преемственности организационно-институционального механизма народного контроля в СССР современной системой общественного контроля: политико-правовой аспект

Е. В. Бердникова, С. А. Куликова ✉

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бердникова Елена Валерьевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права, kulikovasveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Аннотация. Введение. В настоящее время возрастает научный интерес к советскому историческому опыту конструирования политических институтов и организации публично-правового управления. В данном контексте возникает насущная потребность в сопоставлении и выявлении родовых качеств народного контроля в СССР и общественного контроля в Российской Федерации, уяснении общих и специфических закономерностей их развития, проведении сравнительного анализа идейно-концептуальных, нормативно-правовых и организационно-институциональных характеристик рассматриваемых явлений. **Теоретический анализ.** Народный контроль в СССР и общественный контроль в Российской Федерации имеют очень много схожего, особенно в контексте оценки их социальной природы и сущности. Теоретически оба явления характеризуют содержание демократических основ конституционного строя и рассматриваются как важнейшая гарантия и условие осуществления народовластия в политической системе определенного типа. Авторами выделяются и некоторые содержательные стороны, характеризующие аутентичность обоих типов контроля, которые в большей степени проявились в их сущностном определении и целевом предназначении. Общественный контроль является неотъемлемым признаком и одновременно функцией гражданского общества – сферы самоорганизации и деятельности свободных граждан и их ассоциаций. Теоретико-методологическая конфигурация народного контроля базировалась на рассмотрении его в качестве вспомогательной для государства контрольной функции не общества, а именно народа как политической общности всех граждан СССР. **Эмпирический анализ.** Выявлено, что народный контроль в СССР и общественный контроль в Российской Федерации характеризует высокая степень юридической регламентации. Выделяются основные отличия обоих видов контроля организационно-институционального характера, состоящие в особенностях субъектно-объектного состава, формах и результатах деятельности. **Результаты.** Ретроспективное исследование генезиса общественного контроля и практического воплощения концептуальной парадигмы на современном этапе развития Российской Федерации позволяет определить его как результат институциональной исторической преемственности форм народовластия, сложившихся в советский период функционирования национальной политической системы.

Ключевые слова: народный контроль, общественный контроль, демократия, народовластие, гражданское общество

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 21-011-43027 «Народный контроль в системе советской демократии: институционализация, формы и методы осуществления, проблемы преемственности»).

Для цитирования: Бердникова Е. В., Куликова С. А. К вопросу об исторической преемственности организационно-институционального механизма народного контроля в СССР современной системой общественного контроля: политико-правовой аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 440–448. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-440-448>, EDN: SGKUFE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The issue of the historical succession of the organizational and institutional mechanism of people's control in the USSR by the modern system of public control: A political and legal aspect

E. V. Berdnikova, S. A. Kulikova ✉

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Elena V. Berdnikova, berev79@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6347-4279>

Svetlana A. Kulikova, kulikovasveta@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0975-9588>

Abstract. Introduction. At present, an obvious scientific interest in the Soviet historical experience of constructing political institutions and organizing public administration is growing. In this context, there is an urgent need to compare and identify the generic qualities of people's control in the USSR and public control in the Russian Federation, to clarify the general and specific patterns of their development, to conduct a comparative analysis of the ideological, conceptual, regulatory, legal, and organizational and institutional characteristics of the phenomena under consideration. **Theoretical analysis.** People's control in the USSR and public control in the Russian Federation have a lot in common, especially in the context of assessing their social nature and essence. Theoretically, both phenomena characterize the content of the democratic foundations of the constitutional system and are considered the most important guarantee and condition for the implementation of democracy in a political system of a certain type. The authors also single out separate content aspects that characterize the authenticity of both types of control, which are manifested to a greater extent in their essential definition and intended purpose. Public control is an integral feature and, at the same time, a function of civil society - the sphere of self-organization and activity of free citizens and their associations. The theoretical and methodological configuration of people's control was based on considering it as an auxiliary control function for the state, not of society, but of the people as a political community of all citizens of the USSR. **Empirical analysis.** It was revealed that people's control in the USSR and public control in the Russian Federation are characterized by a high degree of legal regulation. The authors highlight the main differences of both types of control. These differences are of an organizational and institutional nature and refer to features of the subject-object composition, forms and results of activities. **Results.** The retrospective study of the genesis of public control and the practical implementation of the conceptual paradigm at the present stage of the development of the Russian Federation allows us to define it as the result of the institutional historical succession of the forms of democracy that developed during the Soviet period of the functioning of the national political system.

Keywords: people's control, public control, democracy, people's rule, civil society

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 21-011-43027 "People's control in the system of Soviet democracy: institutionalization, forms and methods of implementation, problems of continuity").

For citation: Berdnikova E. V., Kulikova S. A. The issue of the historical succession of the organizational and institutional mechanism of people's control in the USSR by the modern system of public control: A political and legal aspect. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 440–448 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-440-448>, EDN: SGKUFE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Общественный контроль стал неотъемлемой частью практически всех политических процессов, которые происходят на сегодняшний день в Российской Федерации. Он является результатом социального консенсуса и доверия между ведущими акторами – публичной властью и гражданским обществом, закрепившим итоги сложной и болезненной трансформации отечественной политической системы на ее пути к становлению демократического государства. Вместе с тем следует отметить, что в процессе реформационного транзита ряд традиционных форм народовластия, которые существовали и использовались в СССР, были имплементированы в конституционный строй современной России, став его основой, например выборы, референдум, обращения граждан и т.д. Однако они подверглись достаточно серьезному организационно-правовому переформатированию для того, чтобы встроить их в действующую модель властеотношений. С этой точки зрения общественный контроль также можно рассматривать как элемент исторической преемственности советского периода развития идеи народовластия и ее практического воплощения в конкретных формах современной системы публичного управления, основанной на открытости и прозрачности деятельности органов власти, их подконтрольности и подотчетности гражданам и их объединениям.

В данном контексте возникает насущная потребность в сопоставлении и выявлении родовых качеств народного контроля в СССР и общественного контроля в Российской Федерации, уяснении общих и специфических закономерностей их развития, проведении сравнительного анализа идейно-концептуальных, нормативно-правовых и организационно-институциональных характеристик рассматриваемых явлений.

Теоретический анализ

В идейно-концептуальной проекции народный контроль в СССР и общественный контроль в современной России имеют очень много схожего, особенно в контексте оценки их социальной природы и сущности. Теоретически оба явления характеризуют содержание демократических основ конституционного строя и рассматриваются как важнейшая гарантия и условие осуществления народовластия в политической системе определенного типа. В советской научной риторике народный контроль изначально ассоциировался с прямым участием граждан социалистического государства в решении задач публичного управления [1]. Необходимость изменения форм и содержания контрольной функции государства связывалась советскими исследователями с построением коммунизма, при котором многие государственные функции, в том числе функция государственного контроля, будут выполняться разнообразными обществен-

ными организациями. Контроль как социальная функция трансформируется в составной элемент коммунистического самоуправления. В этой научной парадигме народный контроль, на этапе социалистического строительства сочетавший в себе государственный и общественный контроль, позиционировался как важнейшая переходная форма к коммунистическому обществу [2, с. 31]. По мнению Ч. Мольчика, институционально-правовая природа народного контроля была основана на соединении непосредственной и представительной форм демократии, что обеспечивало вовлеченность трудящихся в систему управления делами советского государства и дополнительную гарантированность их правового статуса, способствовало повышению эффективности функционирования государственного аппарата, а также укреплению государственной дисциплины и социалистического правопорядка [3, с. 11].

Такой подход в целом коррелирует с современной оценкой сущности общественного контроля, который в теоретическом плане рассматривается как деятельность институтов гражданского общества, реализуемая в отношении органов публичной власти в целях обеспечения и защиты общественных интересов, основных прав и свобод человека и гражданина, соблюдения принципов открытости, законности и верховенства права при решении актуальных задач публичного управления [4, с. 23].

Согласно точке зрения В. О. Лучина и Н. А. Бобровой, способность общества к контролю над властью – признак гражданского общества. В этой связи общественный контроль и гражданское общество – взаимообусловленные явления, обладающие общей конституционно-правовой природой [5, с. 27]. С. М. Зубарев акцентирует внимание на том, что институты гражданского общества посредством контроля призваны оказывать «содействие в совершенствовании механизма государственного управления, повышении его антикоррупционного потенциала, улучшении качества оказываемых гражданам государственных услуг, рациональном использовании государственных ресурсов» [6, с. 10]. Подобная позиция высказывается Г. Н. Комковой и В. В. Володиным, которые считают, что к числу важнейших условий формирования гражданского общества и усиления его роли в жизни общества и государства следует отнести расширение возможности участия граждан в управлении государством, усиление их контроля за деятельностью всех ветвей власти, включение граждан в процесс принятия важных государственных решений. Все вышеперечисленное

имеет важное значение в осуществлении общественного контроля, так как он может реализовываться только при условии наличия полноценного и сильного гражданского общества, на равных взаимодействующего с государством [7, с. 85].

Вместе с тем следует выделить и некоторые содержательные стороны, характеризующие аутентичность обоих типов контроля, которые в большей степени проявились в их сущностном определении и целевом предназначении. В современном понимании общественный контроль, как видно из определений, приведенных выше, является неотъемлемым признаком и одновременно функцией гражданского общества – сферы самоорганизации и деятельности свободных граждан и их ассоциаций. В советский период о таком ракурсе рассмотрения общественных отношений фактически не могло идти и речи. Теоретико-методологическая конфигурация народного контроля базировалась на рассмотрении его в качестве вспомогательной для государства контрольной функции не общества, а именно народа как политической общности всех граждан СССР.

Кроме того, в советский период вовлечение общественности в процессы публичного управления в первую очередь преследовало задачи, связанные с укреплением государственной дисциплины и социалистической законности, т. е. во многом соответствовало функциональной направленности государственного контроля, состоящей в предупреждении, выявлении и пресечении нарушений, главным образом, в экономической сфере. Профессор Д. Н. Бахрах, описывая особенности народного контроля в социалистическом государстве, отмечал: «Универсальный, широкий, гласный контроль позволяет искоренять недостатки в управлении, а главное – предупреждать аномалии, вскрывать неиспользуемые резервы» [8, с. 18].

Современная модель общественного контроля базируется на воплощении нескольких целевых установок, а именно: на реализации в системе публичного управления общественных интересов; на обеспечении и защите основных прав и свобод человека и гражданина; на формировании открытости системы публичного управления, которая нивелирует возможность появления коррупционных практик в органах власти, развивающихся вследствие корпоративной закрытости.

Таким образом, можно сделать вывод, что общественный контроль в Российской Федерации, несмотря на очевидную историческую преемственность социалистической идеи контроля общества над государством, по своей социальной

природе и содержанию имеет специфические индивидуальные черты, соответствующие современному политическому дизайну властеотношений.

Эмпирический анализ

Говоря о нормативно-правовой линии сравнительного анализа народного и общественного контроля, можно констатировать достаточно высокую степень юридической регламентации обоих институтов. Хотя и здесь, надо признать, имеются существенные отличия, проявляющиеся, в первую очередь, в отсутствии норм об общественном контроле в Конституции РФ. Народный контроль в СССР закреплялся на конституционном уровне начиная с 1977 г. как неотъемлемая часть политической системы советского государства и характерный признак социалистической демократии.

В ст. 9 Конституции СССР 1977 г. говорилось, что основным направлением развития политической системы советского общества являются: участие граждан в управлении делами государства и общества; совершенствование государственного аппарата; повышение активности общественных организаций; усиление народного контроля; расширение гласности; постоянный учет общественного мнения. Тем самым институт народного контроля включался в Основы общественного строя и политики СССР. В ст. 48 закреплялось субъективное право граждан СССР на участие в управлении государственными и общественными делами, в народном контроле, в работе общественных организаций и органов общественной самостоятельности. Также отдельно регламентировалось и осуществление общественного контроля, который в ст. 44 представлялся особой гарантией права советских граждан на жилище, определяясь в качестве обеспечительного средства справедливого распределения жилой площади. В ст. 92 народный контроль закреплялся как сочетание государственного и общественного видов социального контроля. Таким образом в Конституции устанавливался механизм формирования органов народного контроля, определялись их конституционно-правовой статус, сфера деятельности и основные функции [9].

Отсутствие в действующей Конституции РФ упоминания об общественном контроле может объясняться стремлением ее разработчиков максимально дистанцироваться в процессах конструирования новой модели государства от советского политико-институционального наследия, в том числе от института народного контроля.

На сегодняшний день недостаток конституционного текстуального формулирования понятия общественного контроля в некоторой части компенсируется введением в результате конституционной реформы 2020 г. в конституционный текст понятия «гражданское общество» и определением базовых форм его взаимодействия с Правительством Российской Федерации.

Вместе с тем перспективы развития конституционно-правовых основ общественного контроля являются необходимыми и в первую очередь видятся в закреплении норм об общественном контроле в Конституции РФ с целью придания им большей юридической силы и императивности. В этих целях представляется достаточным внесение изменений в ч. 1 ст. 72 Конституции РФ [10], в которой отдельным пунктом следует выделить обеспечение развития общественного контроля. Кроме того, одним из направлений расширения конституционных норм об общественном контроле видится включение Общественной палаты РФ в перечень субъектов права законодательной инициативы в федеральном парламенте с целью усиления роли и значения общественных институций, осуществляющих контроль за деятельностью органов публичной власти.

Определенным сходством нормативного правового регулирования народного контроля и общественного контроля является их закреплённость в отдельном юридическом акте. В 1979 г. был принят Закон СССР «О народном контроле в СССР», пришедший на смену Закону СССР от 09.12.1965 «Об органах народного контроля в СССР», в котором данный институт рассматривался в контексте организационного механизма, обеспечивающего осуществление задач и функций социалистического государства. При этом указывалось на сочетание в нем государственного контроля и общественного контроля трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях. По сути, законом детерминировалась государственно-общественная природа народного контроля, в которой доминирующей институциональной основой было именно государство, а не общество.

Современная нормативно-правовая регламентация общественного контроля, главным образом, базируется на положениях Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [11], который является системообразующим актом для большей части юридических документов, включая законы и иные нормативные источники, закрепляющих отдельные его институты и формы реализации. Следует отметить, что российское за-

конотворчество оказалось весьма восприимчиво к советскому историческому опыту правового регулирования данного вида контроля, что отчетливо отразилось на системе его принципов. В Законе СССР от 30.11.1979 «О народном контроле в СССР» был представлен перечень принципов деятельности органов народного контроля, таких как законность, охрана правопорядка и общественных интересов, прав и свобод граждан, коллегиальность и гласность [12].

Отдельно Законом СССР закреплялось ограничение на осуществление народного контроля в отношении органов правосудия, прокуратуры, органов внутренних дел, юстиции и государственного арбитража. Кстати, данный принцип не нашел своего отражения в действующем Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», что, на наш взгляд, является очевидной правовой лакуной, ведь характер и специфика деятельности органов правосудия, дознания и предварительного следствия, основу которой составляют обеспечение, охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, требуют установления и соблюдения определенных правовых условий для их независимого функционирования и безопасности личности.

Еще одним отличием Закона СССР являлось провозглашение принципа демократического централизма, согласно которому устанавливалась строгая иерархия формирования и подотчетности органов, осуществляющих народный контроль. Данная идея была основополагающей для функционирования всей системы государственного управления в СССР, поэтому, учитывая тот факт, что народный контроль осуществлялся в первую очередь в целях проверки исполнимости директив партии и государства, установление данного принципа было идеологически и организационно оправданным. Современная система общественных институций не предполагает их иерархической структурированности, хотя представляется очевидным, что общественные палаты как Российской Федерации, так и субъектов РФ играют важную роль в формировании иных субъектов общественного контроля, в частности общественных советов при органах власти и общественных наблюдательных комиссий, не предполагая при этом строгой подотчетности и подконтрольности последних. Вместе с тем отдельные элементы доминирования в системе институтов гражданского общества в деятельности общественных палат все же прослеживаются в содержании нормативной регламентации их прав и полномочий в федеральных законах, закрепляющих правовой статус данных субъектов.

Оценивая организационно-институциональную составляющую контрольного механизма в СССР, ряд современных авторов признают, что система органов народного контроля в СССР не может считаться аналогом реального института общественного контроля, поскольку она была не формой институционализации одной из функций гражданского общества, а лишь одним из воплощений слияния КПСС с советским государством [13]. С данным утверждением трудно поспорить, ведь сама идея советского государства как общенародного и ее констатация в нормативных правовых актах отнюдь не отражала истинной, реальной основы публичного управления, предполагающей доминирующую роль партийно-государственного аппарата во всех сферах общественной жизни. Однако было бы также неверным полностью отрицать наличие гражданской активности и элементов гражданского участия в политических процессах того времени. В современных оценках народного контроля звучат его определения как «инертного и малополезного» [14], что «народный контроль зачастую становился элементом тотального государственного контроля над личностью» [15, с. 185] и т.д. Думается, что такие характеристики в целом не совсем соответствуют многочисленным примерам реальных результатов работы органов народного контроля, ежегодно выявлявшим тысячи фактов бесхозяйственности, волокиты, нецелевого расходования бюджетных средств на предприятиях, в организациях и учреждениях.

Согласно сводным статистическим отчетам Комитета народного контроля СССР, в 1970 г. сумма выявленных народными контролерами недостач, растрат и хищений составила 35 млн 757 тыс. 659 руб. [16], за 1975 г. аналогичная сумма составила 32 млн 182 тыс. 297 руб. [17], за 1980 г. – 45 млн 972 тыс. 949 руб. [18]. По итогам деятельности органов народного контроля были привлечены к ответственности в 1970 г. 127 162 чел., в 1975 г. – 157 231 чел., в 1980 г. число привлеченных к ответственности составило 225 258 чел. Указанные данные свидетельствуют о высокой эффективности деятельности органов народного контроля.

Следует отметить, что комитеты народного контроля были наделены комплексом властных полномочий. Статьей 22 Закона СССР «О народном контроле в СССР» предусматривалось, что при установлении нарушений государственной дисциплины комитеты народного контроля могли обязать должностных лиц устранить выявленные нарушения, приостанавливать незаконные распоряжения и действия должностных

лиц, налагать на виновных должностных лиц выговор, строгий выговор и даже отстранять их от должности в некоторых случаях, производить денежные начеты на виновных с целью возмещения материального ущерба государству, материалы о выявленных хищениях передавались в прокуратуру. Тем самым, как отмечает М. С. Хачатрян, решениям субъектов народного контроля придавалась юридическая сила [19, с. 119].

В этой связи в современной научной литературе высказываются предложения наделить подобными властными полномочиями и субъектов современного общественного контроля. Например, В. В. Гончаров считает необходимым наделение субъектов общественного контроля «полномочиями по приостановлению действия нормативно-правовых актов и решений, нарушающих права и свободы человека и гражданина, противоречащих действующему законодательству, либо создающих угрозы в подрыве государственного суверенитета, независимости и территориальной целостности Российской Федерации, а также локальных нормативных актов, издаваемых частными хозяйствующими субъектами» [20, с. 84].

Если затрагивать организационно-институциональный механизм современной системы общественного контроля, то следует признать, что Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» закрепил структуру его субъектов, в которую, однако, были включены не все институты гражданского общества, а только их отдельная часть, так называемые общественные институции – общественные палаты, общественные советы, общественные наблюдательные комиссии и иные негосударственные органы, обеспечивающие по своей конституционно-правовой природе взаимодействие публичной власти и гражданского общества.

Вместе с тем на сегодняшний день высказываются критические замечания в отношении правовой природы формирования и деятельности данных общественных институций. Одним из серьезных недостатков представляется публично-властный характер их создания. Практически все субъекты общественного контроля, перечисленные в федеральном законе, либо формируются при участии органов власти, либо их влияние оказывается опосредованно. Все это приводит к проблемам обеспечения независимости деятельности органов общественного контроля, усугубляя риски, связанные с последующей управляемостью сформированных таким образом субъектов и неэффективностью их деятельности. Как результат, публично-

правовая реальность демонстрирует низкий уровень доверия населения к данным общественным институтам.

Следует отметить, что, в отличие от Российской Федерации, в советской политической реальности уделялось особое внимание обеспечению гласности деятельности народных контролеров. В центральных и региональных печатных изданиях выделялись целые газетные полосы и даже отдельные страницы для информирования граждан о результатах контрольных мероприятий, выявленных нарушениях, а иногда в них присутствовала и конструктивная критика их работы. Поэтому представляется необходимым и в настоящее время усиливать открытость и гласность общественного контроля, информируя население посредством сети «Интернет», социальных сетей, периодических публикаций и телевизионных трансляций о позитивном опыте деятельности российских институтов гражданского общества.

В модели структуры субъектов общественного контроля имеется серьезное отличие от советской конструкции народного контроля, который отличала массовость гражданского участия в работе его групп и постов – по разным оценкам, более 10 млн советских трудящихся были вовлечены в данные процессы. При этом основной акцент делался именно на участии молодежи, для которой деятельность в их составе являлась в определенном смысле школой управления и социальным лифтом для дальнейшего карьерного продвижения. Общественный контроль в Российской Федерации в этом отношении ограничен в количественном аспекте гражданского участия законодательно закрепленным перечнем его субъектов, что видится одним из перспективных направлений совершенствования действующего законодательства. Еще одним модернизационным трендом указанных правоотношений представляется создание организационно-правового механизма независимого отбора состава субъектов общественного контроля на основе жестких репутационных требований и широкого общественного признания их будущих членов. Необходимо исключить из перечня органов, участвующих в формировании общественных палат субъектов Федерации, органы исполнительной власти субъектов РФ, потому что их деятельность является непосредственным объектом общественного контроля, проводимого региональными общественными палатами. Представляется важным закрепить исключительно независимый характер формирования общественных советов, создаваемых при федеральных органах исполнительной власти и органах

исполнительной власти субъектов РФ, передав все полномочия по инициированию, конкурсной процедуре формирования, отбору кандидатов и утверждению состава Общественной палаты РФ и общественным палатам субъектов РФ соответственно.

К числу характерных особенностей народного контроля в СССР и общественного контроля в Российской Федерации можно отнести формы их реализации. В социалистической системе управления преимущественными способами выявления нарушений законодательно закреплялись проверки, обследования, рейды. Современная практика функционирования субъектов общественного контроля предполагает организационное разнообразие регламентированных нормативными правовыми актами форм, включающих общественную экспертизу, общественное обсуждение, общественную проверку, общественные (публичные) слушания, общественный мониторинг.

В совокупности основных отличий социалистической модели контроля и современной системы общественного контроля следует также выделить то обстоятельство, что решения органов народного контроля предполагали обязательный характер их исполнения, а решения, принимаемые по итогам осуществления основных форм общественного контроля в Российской Федерации, носят характер рекомендательный, что во многом снижает функциональность и потенциал его реализации.

Результаты

Исследование политико-правовой диалектики и основных организационно-институциональных основ общественного контроля в современной России показало, что он является результатом исторической преемственности идеи народного контроля, зародившейся в советский период и описывающей социальную природу и содержательные особенности народовластия в социалистическом конституционном строе. Вместе с тем сравнительный анализ отдельных концептуальных характеристик, специфики конституционно-правового регулирования и структурно-функциональных начал обеих моделей контроля выявил как сходства, так и определенные различия, обусловленные типовой конструкцией политических систем СССР и Российской Федерации. Во многом такая дифференциация находит свое выражение в субъектно-объектном составе контрольного механизма, степени доминирования государства в указанных правоотношениях, формах, средствах и результатах их практической реализации.

Сравнительный анализ организационно-институционального механизма народного контроля в СССР и современной системы общественного контроля позволяет сделать следующие выводы. Отличительными чертами народного контроля в СССР стали: высокая степень идеологического обоснования его существования в структуре социалистической демократии как необходимого элемента построения общества коммунистического самоуправления; комплексная конституционная регламентация как одна из институциональных основ советского народовластия, организационно-правовая форма социального контроля и субъективного права; отсутствие возможности для граждан участия в каких-либо иных формах независимого и непосредственного осуществления контроля за деятельностью органов государственной власти; реализация только в сфере социально-экономических отношений без вторжения в область политического управления; ограниченность форм реализации; использование в совокупности с партийно-государственным контролем; наличие широких властных полномочий; гласность деятельности народных контролеров и пропаганда положительных результатов такой деятельности.

Для современного этапа развития общественного контроля характерны следующие особенности: неразвитость и фрагментарность конституционной основы осуществления общественного контроля; высокая степень институционализации, выразившаяся в формировании системы источников правового регулирования общественного контроля на всех уровнях публичной власти; разнообразие сфер общественных отношений и уровней публичной власти, в которых происходит реализация общественного контроля; сохранение государственно-общественной природы формирования органов общественного контроля при отсутствии государственно-властных полномочий; совещательно-рекомендательный характер решений органов общественного контроля; недостаточное информирование об их деятельности.

Говоря о перспективах развития преемственности положительных практик народного контроля современной системой общественной власти, следует указать на необходимость внедрения в публично-правовое пространство следующих эффективных, на наш взгляд, изменений:

– усилить правовую регламентацию контроля гражданского общества за деятельностью публичной власти посредством закрепления данного института на конституционном уровне;

– обеспечить гласность и открытость деятельности субъектов общественного контроля посредством непрерывного и действенного информирования населения о результатах их деятельности;

– расширить массовость участия российских граждан в осуществлении общественного контроля, уделив особое внимание привлечению молодежи к реализации контрольных мероприятий.

Список литературы

1. Фарберов Н. П. Демократия развитого социалистического общества. М. : Наука, 1975. 296 с.
2. Народный контроль в СССР / отв. ред. В. И. Туровцев. М. : Наука, 1967. 284 с.
3. Мольчик Ч. Народный контроль в системе социалистической демократии: На опыте СССР и ПНР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983. 19 с.
4. Бердникова Е. В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук, Саратов, 2021. 482 с.
5. Лучин В. О., Боброва Н. А. Конституционный строй России: основные политико-правовые характеристики // Право и политика. 2003. № 10. С. 17–30. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-996 (дата обращения: 19.08.2022).
6. Зубарев С. М. Понятие и сущность общественного контроля за деятельностью государственных органов // Административное право и процесс. 2011. № 5. С. 5–12.
7. Комкова Г. Н., Володин В. В. Общественный контроль как механизм обеспечения открытости органов публичной власти // Конституционно-правовое регулирование транспарентности органов государственной власти в Российской Федерации и Канаде / под ред. В. В. Володина, С. В. Кабышева. М. : Формула права, 2009. С. 82–91.
8. Бахрах Д. Н. Народный контроль в развитом социалистическом обществе // Повышение активности групп и развитие инициативы народных контролеров – основа усиления действенности контроля в борьбе за экономию, бережливость и укрепление дисциплины : тез. докл. IV науч.-практ. конф. органов народного контроля Свердловской области 29 октября 1983 г. / под общ. ред. А. И. Голованова. Свердловск : [Б.и.], 1983. С. 17–24.
9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617.
10. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
11. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. I), ст. 4213 ; 2018. № 53 (ч. I), ст. 8424.
12. О народном контроле в СССР : Закон СССР от 30.11.1979 // Свод законов СССР. Т. 1. М. : Известия, 1990. С. 329–341.
13. Правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» / под общ. ред. М. А. Федотова. М. : Статут, 2017. 208 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Запольский С. В. О правовой природе государственного контроля // Актуальные проблемы гармонизации судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора : сб. науч. ст. / отв. за вып. А. И. Стахов. М. : РГУП, 2018. 164 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Полещук А. С. Общественный контроль в структуре советской власти // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 2. С. 182–186.
16. ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 3074.
17. ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 4883.
18. ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 6472.
19. Хачатрян М. С. Общественный контроль в Российской Федерации и народный контроль в СССР: сравнительно-правовой анализ моделей // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 11. С. 115–125.
20. Гончаров В. В. Использование позитивного опыта организации и осуществление народного контроля власти в СССР в процессе оптимизации общественно-государственного контроля в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ) // Право и политика. 2019. № 5. С. 72–88. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.5.27942>

References

1. Farberov N. P. *Demokratiya razvıtogo sotsialisticheskogo obshchestva* [Democracy of a Developed Socialist Society]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 296 p. (in Russian).
2. Turvtsev V. I. (ed.) *Narodnyi kontrol' v SSSR* [People's Control in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 284 p. (in Russian).
3. Molchik Ch. *People's Control in the System of Socialist Democracy: The Experience of the USSR and the People's Republic of Poland*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 1983. 19 p. (in Russian).
4. Berdnikova E. V. *Public Control in the Constitutional and Legal Interaction of Public Authorities and Civil Society Institutions in the Russian Federation*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Saratov, 2021. 482 p. (in Russian).

5. Luchin V. O., Bobrova N. A. The constitutional system of Russia: the main political and legal characteristics. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2003, no. 10, pp. 17–30. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-996 (accessed 19 August 2022) (in Russian).
6. Zubarev S. M. The concept and essence of public control over the activities of state bodies. *Administrativnoe pravo i process* [Administrative Law and Process], 2011, no. 5, pp. 5–12 (in Russian).
7. Komkova G. N., Volodin V. V. Public control as a mechanism for ensuring the openness of public authorities. In: V. V. Volodin, S. V. Kabyshev (eds.) *Obshchestvennyi kontrol' kak mekhanizm obespecheniya otkrytosti organov publichnoy vlasti* [Constitutional and Legal Regulation of Transparency of Public Authorities in the Russian Federation and Canada]. Moscow, Formula prava Publ., 2009, pp. 82–91 (in Russian).
8. Bakhrah D. N. People's control in a developed socialist society. In: A. I. Golovanov (ed.) *Povyshenie aktivnosti grupp i razvitie initsiativy narodnykh kontrolerov – osnova usileniya deistvennosti kontrolya v bor'be za ekonomiyu, berezhlivost' i ukreplenie distsipliny: Tezisy dokladov IV nauchno-prakticheskoy konferentsii organov narodnogo kontrolya Sverdlovskoi oblasti 29 oktyabrya 1983 g.* [Increasing the activity of groups and developing the initiative of people's supervisors are the basis for strengthening the effectiveness of control in the struggle for economy, thrift and strengthening discipline. Proc. of the IV scientific and practical conf. the People's Control bodies of the Sverdlovsk region on October 29, 1983]. Sverdlovsk, 1983, pp. 17–24 (in Russian).
9. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by the Supreme Soviet of the USSR on 07.10.1977) (an edition of 14.03.1990). *Vedomosti VS SSSR* [Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR], 1977, no. 41, art. 617 (in Russian).
10. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
11. On the basis of public control in the Russian Federation. Federal law 212-FZ of 21.07.2014. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 30 (pt. I), art. 4213; 2018, no. 53 (pt. I), art. 8424 (in Russian).
12. On People's Control in the USSR. Law of the USSR of 30.11.1979 *Svod zakonov SSSR* [The Code of Laws of the USSR]. Vol. 1. Moscow, Izvestiya Publ., 1990, pp. 329–341 (in Russian).
13. Fedotov M. A. (ed.) *Pravovye osnovy obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoy Federatsii: Postateinyi nauchno-prakticheskii kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 21 iyulya 2014 g. № 212-FZ «Ob osnovakh obshchestvennogo kontrolya v Rossiiskoy Federatsii»* [Legal foundations of Public Control in the Russian Federation: Article-by-article Scientific and Practical Commentary to Federal Law 212-FZ of July 21, 2014 “On the Foundations of public control in the Russian Federation”]. Moscow, Statut Publ., 2017. 208 p. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
14. Zapolsky S. V. On the legal nature of state control. In: *Aktual'nye problemy garmonizatsii sudebnoy reformy i nadzora* [Current problems of harmonization of judicial reform with the reform of state control and supervision]. Moscow, RGUP Publ., 2018. 164 p. *ATP «Consultant»* [electronic resource].
15. Poleshchuk A. S. Public control in the structure of Soviet power. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2011, no. 2, pp. 182–186 (in Russian).
16. GARF. F. 9527. Op. 1. D. 3074 (in Russian).
17. GARF. F. 9527. Op. 1. D. 4883 (in Russian).
18. GARF. F. 9527. Op. 1. D. 6472 (in Russian).
19. Hachatryan M. S. Public control in the Russian Federation and people's control in the USSR: comparative legal analysis of models. *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs* [Historical and Legal Problems: A New Perspective], 2015, no. 11, pp. 115–125 (in Russian).
20. Goncharov V. V. Using the positive experience of organizing and implementing people's control of power in the USSR in the process of optimizing public control in the Russian Federation (constitutional and legal analysis). *Pravo i politika* [Law and Politics], 2019, no. 5, pp. 72–88 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.5.27942>

Поступила в редакцию 20.08.2022; одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 16.09.2022
The article was submitted 20.08.2022; approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 16.09.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 449–455
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 449–455
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-449-455>, EDN: SLRVIK

Научная статья
УДК 342.76

Неограничиваемые права и свободы человека: правовые позиции Конституционного Суда России (1995–2022 гг.)

А. А. Подмарев

¹Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

²Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Подмарев Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, ¹доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера, ²доцент кафедры конституционного и муниципального права, podmarev2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3518-2521>

Аннотация. Введение. Конституция РФ 1993 г. в нескольких статьях предусматривает право государства ограничивать права и свободы человека и гражданина ради достижения определенных целей. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет общие условия ограничения всех прав и свобод личности. Но эта конституционная норма не дает ответа на вопрос о том, существуют ли права и свободы индивида, которые нельзя ограничивать? **Теоретический анализ.** Часть 3 ст. 55 Конституции РФ представляет собой своеобразную «общую часть» института ограничений прав и свобод личности; и в этой «общей части» исключений в виде неограничиваемых прав и свобод нет. В научной литературе часто ссылаются на ч. 3 ст. 56, когда констатируют наличие неограничиваемых прав и свобод. По-нашему мнению, ст. 56 имеет специальный характер – она закрепляет основы режима чрезвычайного положения, в том числе правила ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения. Но неограничиваемые права и свободы личности существуют – их перечень сформирован решениями Конституционного Суда РФ. **Эмпирический анализ.** Начиная с 1995 г. Конституционный Суд РФ в более чем 40 постановлениях, а также в определениях обосновал наличие в Конституции РФ некоторых неограничиваемых прав и свобод человека. Возможность выделения данной группы прав и свобод объясняется, главным образом, тем, что эти права и свободы человека не могут вступить в противоречие с конституционными целями ограничения прав и свобод. **Результаты.** Делается вывод о том, что сформированные Конституционным Судом России правовые позиции относительно существования неограничиваемых прав и свобод человека имеют практические последствия, в первую очередь для федерального законодателя, поскольку устанавливают рамки его правотворческой деятельности. Эти позиции являются основой для разрабатываемых федеральных законов и основанием для корректировки действующих федеральных законов. Они также могут быть критериями определения конституционности федеральных законов при осуществлении предварительного или последующего конституционного контроля.

Ключевые слова: Конституция РФ 1993 г., ограничение прав и свобод человека и гражданина, неограничиваемые права и свободы, Конституционный Суд России

Для цитирования: Подмарев А. А. Неограничиваемые права и свободы человека: правовые позиции Конституционного Суда России (1995–2022 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 449–455. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-449-455>, EDN: SLRVIK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Unrestricted human rights and freedoms: Legal positions of the Constitutional Court of Russia (1995–2022)

A. A. Podmarev

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Podmarev, podmarev2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3518-2521>

Abstract. Introduction. The Constitution of the Russian Federation of 1993 in several articles provides for the right of the state to restrict the rights and freedoms of man and citizen in order to achieve certain goals. Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation establishes the general conditions for the restriction of all rights and freedoms of the individual. However, this constitutional norm does not give an answer to the question of whether there are rights and freedoms of an individual that cannot be limited. **Theoretical analysis.** Part 3 of Article 55 of the Constitution of the Russian Federation is a kind of “general part” of the institution of restrictions on the rights and freedoms of the individual; and in this “general part” there are no exceptions in the form of unrestricted rights and freedoms. In the scientific literature, they often refer to part

3 of article 56 when they state the existence of unrestricted rights and freedoms. In our opinion, Article 56 is of a special nature - it establishes the foundations of the state of emergency, including the rules for restricting rights and freedoms in a state of emergency. However, unlimited rights and freedoms of the individual exist – their list was formed by the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. **Empirical analysis.** Since 1995, the Constitutional Court of the Russian Federation in more than 40 decisions, as well as in definitions, has substantiated the presence of certain unrestricted human rights and freedoms in the Constitution of the Russian Federation. The possibility of singling out this group of rights and freedoms is explained mainly by the fact that these human rights and freedoms cannot conflict with the constitutional goals of restricting rights and freedoms. **Results.** It is concluded that the legal positions formed by the Constitutional Court of Russia regarding the existence of unrestricted human rights and freedoms have practical consequences, primarily for the federal legislator, since they establish the framework for his / her law-making activities. These positions are the basis for developing federal laws and the basis for correcting existing federal laws. They can also be criteria for determining the constitutionality of federal laws in the exercise of preliminary or subsequent constitutional review. **Keywords:** the Constitution of the Russian Federation, restriction of rights and freedoms of man and citizen, unrestricted rights and freedoms, Constitutional Court of Russia

For citation: Podmarev A. A. Unrestricted human rights and freedoms: Legal positions of the Constitutional Court of Russia (1995–2022). *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 449–455 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-449-455>, EDN: SLRVIK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Конституция РФ 1993 г. (с поправками на 2020 г.) предусматривает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 55 и др.) [1]. Совокупность конституционных положений о праве государства ограничивать права и свободы личности можно рассматривать как один из конституционных принципов взаимоотношений государства и человека в России. Не вызывает сомнения, что в любом современном обществе ограничения прав и свобод личности необходимы и неизбежны, поскольку они позволяют защитить права и свободы других людей и дают возможность государству выполнять свои функции. Можно констатировать, что установление ограничений прав и свобод человека и гражданина в конституции и законах и их реализация в различных правовых отношениях – объективное, постоянно существующее, необходимое условие функционирования любого государства.

Но ограничения прав и свобод должны иметь твердую и юридически понятную конституционную основу. В ч. 3 ст. 55 закреплены общие условия введения и действия всех возможных ограничений прав и свобод: они могут быть установлены только федеральным законом; ограничения устанавливаются в определенных конституционных целях («в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» – так о целях ограничений прав личности говорит Основной закон России); должна соблюдаться соразмерность (мера ограничения должна соотноситься с целью ограничения). Соблюдение требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ при установлении ограничений прав и свобод в федеральных законах

и при применении их на практике является, по нашему мнению, одним из показателей (элементов) конституционализма, поскольку воспринимать права и свободы как признанный и традиционный элемент конституционализма можно только в совокупности с сопровождающими их ограничениями. Руководствуясь ч. 3 ст. 55, федеральный законодатель практически в каждом федеральном законе, регламентирующем положение личности, закрепляет ограничения определенных прав и свобод. Особенно часто это происходит в отношении личных и политических прав и свобод индивида.

Но существуют ли неограничиваемые (абсолютные) права и свободы? От ответа на этот вопрос зависит как степень, полнота свободы личности в государстве, так и реальные возможности человека защищать свои права.

Теоретический анализ

Часть 3 ст. 55 Конституции РФ, допуская применение ограничений к правам и свободам индивида, никаких исключений ни для каких прав и свобод не делает. В ч. 3 ст. 56 мы видим такую формулировку: «не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46–54 Конституции РФ». Но ст. 56 имеет специальный характер, и все три ее части связаны единым предметом регулирования – она устанавливает основы режима чрезвычайного положения. Поэтому ч. 3 ст. 56 нужно воспринимать как правило, которое начинает действовать с момента введения режима чрезвычайного положения, т. е. при действии режима чрезвычайного положения нельзя в отношении определенных прав и свобод вводить дополнительные ограничения. Необходимо обратить внимание также на то обстоятельство, что в ч. 3 ст. 56 указаны и те права и свободы, которые можно ограничивать

и без чрезвычайного положения. Например, указанное в части 3 ст. 56 право на неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23), как известно, может быть ограничено правоохранительными органами при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. Но неограничиваемые права и свободы в Конституции РФ все-таки есть. Такого мнения придерживается Конституционный Суд России.

Эмпирический анализ

Возможность придания отдельным конституционным правам и свободам качества неограничиваемых была обоснована и много раз подтверждена Конституционным Судом РФ в его соответствующих решениях начиная с 1995 г. (на июнь 2022 г. в более чем 40 постановлениях).

В Постановлении от 3 мая 1995 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна был впервые изложен определенный подход Конституционного Суда РФ к возможности выделения неограничиваемых прав и свобод. Суд сделал следующий вывод: «...допустимые ограничения конституционных прав в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции РФ могут быть введены законодателем только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Право на судебную защиту ни в каком случае не может вступить в противоречие с данными целями и, следовательно, не подлежит ограничению... Никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с ним прав» [2]. Анализируя практику Конституционного Суда, можно отметить, что право на судебную защиту чаще всего защищается КС РФ как неограничиваемое (с 1995 по 2022 г. Суд в более чем 30 постановлениях подтверждал неограничиваемость права на судебную защиту).

27 марта 1996 г. в Постановлении № 8-П по делу о проверке конституционности ст. 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В. М. Гурджиянца, В. Н. Синцова, В. Н. Бугрова и А. К. Никитина Конституционный Суд признал неограничиваемыми право на получение квалифицированной юридической помощи и право на самостоятельный выбор защитника (ст. 48). Суд объяснил свое решение следующим образом: «...отказ обвиняемому (подозреваемому) в приглашении выбранного им адвоката по мотивам отсутствия у последнего допуска к государственной тайне, а также предложение обвиняемому

(подозреваемому) выбрать защитника из определенного круга адвокатов, имеющих такой допуск, обусловленные распространением положений статьи 21 Закона РФ «О государственной тайне» на сферу уголовного судопроизводства, неправомерно ограничивают конституционное право гражданина на получение квалифицированной юридической помощи и право на самостоятельный выбор защитника (статья 48 Конституции РФ, статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Указанные конституционные права в силу статьи 56 (часть 3) Конституции РФ не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах» [3].

Постановлением Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П по делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова было признано не подлежащим ограничению конституционное положение о презумпции невиновности: «...презумпция невиновности и право граждан на судебную защиту относятся к таким правам, которые в силу статьи 56 (часть 3) Конституции РФ не подлежат ограничению ни при каких условиях» [4].

В Постановлении от 6 июля 1998 г. № 21-П по делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 325 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Шаглия Суд решил, что неограничиваемым является право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом (ч. 3 ст. 50). Суд отметил: «...право осужденного на пересмотр приговора предполагает предоставление ему возможности по своей воле и своими собственными действиями возбуждать производство по проверке законности и обоснованности приговора, не дожидаясь чьего бы то ни было разрешения или санкции на начало такого пересмотра. Это право, по смыслу статьи 50 (часть 3) Конституции РФ, носит абсолютный характер, и федеральный законодатель не вправе ограничивать его ни по кругу лиц, ни по видам судебных приговоров, подлежащих пересмотру, ни по каким иным обстоятельствам» [5].

27 июня 2000 г. в Постановлении № 11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова Конституционный Суд объяснил неограничиваемость права на помощь адвоката (защитника) (ч. 2 ст. 48): «Конституция РФ... предоставляет каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1) и... предусматривает, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться

помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (статья 48, часть 2). Закрепляя это право как непосредственно действующее, Конституция РФ не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым либо обвиняемым, а следовательно, и с моментом принятия органом дознания, следствия или прокуратуры какого-либо процессуального акта, и не наделяет федерального законодателя правом устанавливать ограничительные условия его реализации» [6].

Постановлением Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2003 г. № 7-П по делу о проверке конституционности положения п. 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец Суд признал неограничиваемыми права потерпевших от преступлений (ст. 52). В данном решении разъяснено: «...обязанность государства обеспечивать восстановление прав потерпевшего от преступления не предполагает наделение потерпевшего правом предопределять необходимость осуществления уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности. Такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений может принадлежать только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов. Вместе с тем, реализуя это право, в том числе отказываясь от уголовного преследования отдельных категорий лиц вследствие амнистии, оно не должно ограничивать незыблемые конституционные права человека и гражданина, включая закрепленные статьями 46 (часть 1) и 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений, которые, по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции РФ, не подлежат ограничению» [7].

Определением Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2010 г. № 601-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина А. А. Варлакова на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 209 УК РФ, ч. 1 ст. 240 и ст. 285 УПК РФ неограничиваемым признано право не быть повторно осужденным за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50): «...согласно Конституции РФ никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление (статья 50, часть 1), причем это право в силу своей конституционно-правовой природы не подлежит ограничению» [8].

В Постановлении от 21 апреля 2010 г. № 10-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 320, ч. 2 ст. 327 и ст. 328 ГПК РФ в связи с жалобами гражданки Е. В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы Конституционный Суд признал неограничиваемым право на законный суд (ч. 1 ст. 47). В решении сказано: «...конституционные права на судебную защиту и на законный суд – поскольку они не могут вступать в противоречие с конституционно значимыми ценностями, защищаемыми статьей 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, такими как основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства, – не подлежат ограничению» [9].

21 ноября 2017 г. в Постановлении от № 30-П по делу о проверке конституционности положений ст. 38 и 125 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского Конституционный Суд решил, что право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53), не подлежит ограничению (это следует из ст. 17 (ч. 1) и 56 (ч. 3) Конституции РФ [10].

В Постановлении от 26 октября 2021 г. № 45-П по делу о проверке конституционности ст. 151 ГК РФ в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского Суд обосновал неограничиваемость права на охрану достоинства личности: «...право на охрану достоинства личности, принадлежащее каждому от рождения, воплощает в себе важнейшее социальное благо, без которого немыслимо само демократическое правовое устройство страны, а потому – исходя из конституционных предписаний, а также требований международных правовых актов – предполагает повышенный уровень гарантий со стороны государства и не подлежит какому-либо ограничению...» [11].

За первое полугодие 2022 г. Конституционный Суд РФ при вынесении постановлений дважды обращался к сформированной им концепции неограничиваемых прав и свобод. В постановлениях от 10 марта 2022 г. № 10-П по делу о проверке конституционности абзаца второго ч. 3 ст. 445 ГПК РФ в связи с жалобой гражданина И. Н. Елисеева [12] и от 19 апреля 2022 г. № 16-П по делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 110 и ст. 389.2 УПК РФ, а также Постановления Правительства РФ «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых

в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н. И. Мургиной Конституционный Суд в очередной раз подтвердил, что право на судебную защиту ограничению не подлежит [13].

Обобщая приведенные выше и другие решения Конституционного Суда России по исследуемой проблеме, можно сделать вывод о том, что Суд в своих постановлениях и определениях сформулировал следующие правовые позиции относительно возможности и причины придания некоторым конституционным правам и свободам личности качества неограничиваемых:

1) некоторые права и свободы человека не подлежат ограничению, поскольку не могут вступить в противоречие с конституционными целями ограничения прав и свобод, указанными в ч. 3 ст. 55 (это основной аргумент в большинстве решений Суда по данному вопросу);

2) в отдельных случаях обоснование невозможности ограничения тех или иных прав и свобод Суд видит в ч. 1 ст. 17, ч. 3 ст. 56 Конституции РФ или в юридической природе определенных прав и свобод;

3) неограничиваемыми правами и свободами являются некоторые права и свободы из группы личных прав и свобод человека;

4) неограничиваемыми правами и свободами человека являются: право на судебную защиту (ч. 1 ст. 46); право на получение квалифицированной юридической помощи и право на самостоятельный выбор защитника (ст. 48); презумпция невиновности; право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом (ч. 3 ст. 50); право на помощь адвоката (защитника) (ч. 2 ст. 48); права потерпевших от преступлений (ст. 52); право не быть повторно осужденным за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50); право на законный суд (ч. 1 ст. 47); право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53); право на охрану достоинства личности (ч. 1 ст. 21).

Результаты

Практика деятельности Конституционного Суда России показывает нам, что, признав однажды какое-либо право (свободу) неограничиваемым, Суд в последующих своих решениях эту правовую позицию не меняет.

Значение сформированных Конституционным Судом России правовых позиций относительно существования неограничиваемых прав и свобод человека заключается в том, что они имеют практические последствия, в первую очередь для федерального законодателя, поскольку устанавливают рамки его правотворческой

деятельности. Эти позиции являются основой для разрабатываемых федеральных законов и основанием для корректировки действующих федеральных законов. В. Д. Зорькин подчеркивает: «...с учетом задач, разрешаемых Конституционным Судом, его деятельность связана прежде всего с тем, чтобы не допускать превышение полномочий законодательной властью» [14, с. 16]. Они также могут быть критериями определения конституционности федеральных законов при осуществлении предварительного или последующего конституционного контроля.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416.
2. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : постановление Конституционного Суда РФ от 3.05.1995 № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 19, ст. 1764.
3. По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона РФ от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В. М. Гурджиянца, В. Н. Синцова, В. Н. Бугрова и А. К. Никитина : постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 15, ст. 1768.
4. По делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова : постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.1996 № 18-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45, ст. 5203.
5. По делу о проверке конституционности ч. 5 ст. 325 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Шаглия : постановление Конституционного Суда РФ от 06.07.1998 № 21-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 28, ст. 3394.
6. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 27, ст. 2882.
7. По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец : постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 18, ст. 1748.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Варлакова Александра Александровича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 209 УК РФ, частью первой статьи 240 и статьей 285 УПК РФ : определение Конституционного Суда РФ от 08.04.2010 № 601-О-О // Бюллетень нотариального вестника. 2010. Сентябрь.
9. По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 ГПК РФ в связи с жалобами гражданки Е. В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы : постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 № 10-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 19, ст. 2357.
10. По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В. В. Ченского : постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 49, ст. 7528.
11. По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского : постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2021 № 45-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 45, ст. 7615.
12. По делу о проверке конституционности абзаца второго части третьей статьи 445 ГПК РФ в связи с жалобой гражданина И. Н. Елисеева : постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2022 № 10-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 12, ст. 1949.
13. По делу о проверке конституционности части первой статьи 110 и статьи 389.2 УПК РФ, а также Постановления Правительства РФ «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобой гражданки Н. И. Мургиной : постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2022 № 16-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 18, ст. 3187.
14. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб. : Конституционный Суд Российской Федерации, 2021. 154 с. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=91> (дата обращения: 10.05.2022).
2. In the case of checking the constitutionality of Articles 220.1 and 220.2 of the RSFSR Code of Criminal Procedure in connection with a complaint by citizen V. A. Avetyan. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 4-P of May 3, 1995. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1995, no. 19, art. 1764 (in Russian).
3. In the case of checking the constitutionality of Articles 1 and 21 of the Law of the Russian Federation of July 21, 1993 "On State Secrets" in connection with complaints from citizens V. M. Gurdjiyants, V. N. Sintsova, V. N. Bugrov and A. K. Nikitin. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 8-P of March 27, 1996. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 15, art. 1768 (in Russian).
4. In the case of the review of the constitutionality of Art. 6 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen O. V. Sushkova. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 18-P of October 28, 1996. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1996, no. 45, art. 5203 (in Russian).
5. In the case of checking the constitutionality of Part 5 of Art. 325 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. V. Shaglia. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 21-P of July 6, 1998. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1998, no. 28, art. 3394 (in Russian).
6. In the case of checking the constitutionality of the provisions of the first part of Article 47 and the second part of Article 51 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. I. Maslova. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 11-P of June 27, 2000. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2000, no. 27, art. 2882 (in Russian).
7. In the case of checking the constitutionality of the provision of paragraph 8 of the Decree of the State Duma of May 26, 2000 "On the announcement of an amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945" in connection with the complaint of citizen L. M. Zaporozhets. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 7-P of April 24, 2003. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2003, no. 18, art. 1748 (in Russian).
8. On the refusal to accept for consideration the complaints of citizen Alexander Alexandrovich Varlakov about the violation of his constitutional rights by part two of Article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, part one of Article 240 and Article 285 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 601-O-O of April 8, 2010. *Biulleten' notarial'nogo vestnika* [Bulletin of the Notarial Messenger], 2010, September (in Russian).
9. In the case of checking the constitutionality of the first part of Article 320, the second part of Article 327 and

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).

- Article 328 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in connection with the complaints of citizen E. V. Aleinikova and Limited Liability Company “Three K” and inquiries of the Norilsk City Court of the Krasnoyarsk Territory and the Central District Court of the city of Chita. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 10-P of April 21, 2010. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2010, no. 19, art. 2357 (in Russian).
10. In the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 38 and 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. V. Chensky. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 30-P of November 21, 2017. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2017, no. 49, art. 7528 (in Russian).
 11. In the case of checking the constitutionality of Article 151 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. F. Shilovsky. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 45-P of October 26, 2021. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2021, no. 45, art. 7615 (in Russian).
 12. In the case of checking the constitutionality of the second paragraph of the third part of Article 445 of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I. N. Eliseev. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 10-P of March 10, 2022. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2022, no. 12, art. 1949 (in Russian).
 13. In the case of checking the constitutionality of part one. 1 of Article 110 and Article 389.2 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the Decree of the Government of the Russian Federation “On Medical Examination of Suspects or Accused of Committing Crimes” in connection with the complaint of citizen N. I. Murgina. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 16-P of April 19, 2022. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2022, no. 18, art. 3187 (in Russian).
 14. Zorkin V. D. *Konstitutsionnoe pravosudiye: protsedura i smysl* (Constitutional Justice: Procedure and Meaning). St. Petersburg, Constitutional Court of the Russian Federation, 2021. 154 p. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=91> (accessed 10 May) (in Russian).

Поступила в редакцию 20.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 23.06.2022
The article was submitted 20.05.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 23.06.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 456–463

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 456–463

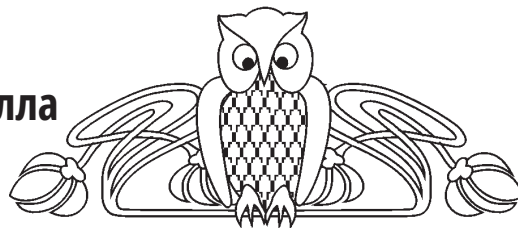
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-456-463>, EDN: ORQNKX

Научная статья

УДК 342.95

«Соглашение о лояльности» как новелла российского миграционного права

С. С. Лампадова

Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Лампадова Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник управления учебно-методической работы, s.lampadova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1289-2766>

Аннотация. Введение. Российская Федерация находится в постоянном поиске новых механизмов повышения эффективности государственной миграционной политики. При этом основным вектором преобразований выбрана либерализация миграционного законодательства при безусловном обеспечении общественной безопасности и соблюдении национальных интересов. «Соглашение о лояльности» является новеллой, призванной примерить государственные, общественные и индивидуальные интересы субъектов миграционных отношений. **Теоретический анализ.** Анализируется правовая природа института «соглашения о лояльности». Исследуется международный опыт функционирования аналогичных институтов на предмет возможности его имплементации в российскую правовую действительность. **Результат.** Делается вывод о вспомогательном характере института «соглашения о лояльности». Предлагается рассматривать «соглашение о лояльности» как своеобразную публичную «оферту» – предложение Российской Федерации въезжать на ее территорию и находиться на ней при выполнении существенных условий по соблюдению законодательства. Отмечается необходимость наряду с «соглашением о лояльности» закрепить в едином нормативном правовом акте институциональные условия «иммиграционного надзора», механизмы обеспечения особого иммиграционного статуса «контролируемое пребывание».

Ключевые слова: соглашение о лояльности, миграция, государственная миграционная политика, нелегальная миграция, иностранные граждане, лица без гражданства

Для цитирования: Лампадова С. С. «Соглашение о лояльности» как новелла российского миграционного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 456–463. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-456-463>, EDN: ORQNKX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“Loyalty agreement” as a novelty of Russian migration legislation

S. S. Lampadova

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 1 Letchik Pilyutov St., St. Petersburg 198206, Russia

Svetlana S. Lampadova, s.lampadova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1289-2766>

Abstract. Introduction. The Russian Federation is in constant search for new mechanisms to improve the efficiency of the state migration policy. At the same time, the liberalization of migration legislation was chosen as the main vector of transformations, while unconditionally ensuring public safety and observance of national interests. “Loyalty agreement” is a novelty designed to try out the state, public and individual interests of the subjects of migration relations. **Theoretical analysis.** The legal nature of the institution of “loyalty agreement” is being analyzed. The international functioning of similar institutions is investigated in order to make a conclusion about the possibility of its implementation in the Russian legal reality. **Result.** The author reached the conclusion about the auxiliary nature of the institution of “loyalty agreement”. It is proposed to consider the “loyalty agreement” as a kind of public “offer” – the proposal of the Russian Federation to enter its territory and stay on the territory provided that the essential conditions for compliance with the law are met. It is noted that, along with the «loyalty agreement», it is necessary to consolidate the institutional conditions for “immigration supervision”, mechanisms for ensuring the special immigration status of “controlled stay” in a single regulatory legal act.

Keywords: loyalty agreement, migration, state migration policy, illegal migration, foreign citizens, stateless persons

For citation: Lampadova S. S. “Loyalty agreement” as a novelty of Russian migration legislation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 456–463 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-456-463>, EDN: ORQNKX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Институт «соглашения о лояльности» является новеллой для отечественной науки миграционного права. Конструктивистский подход в праве предполагает созидательную деятельность государства по формированию новых институтов, которые в конечном итоге должны сыграть социально-преобразующую роль в этих самых государствах. И в этом смысле инновационный подход к проекту нового федерального закона, регулирующего отношения в сфере миграции [1], работа над которым инициирована в соответствии с Планом мероприятий по реализации в 2019–2021 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг. [2], представляется объективно обоснованным и необходимым.

Миграционная сфера, будучи глубоко зависимой от социально-экономических, политических и других детерминирующих факторов, чрезвычайно подвижна. Ее современное состояние кардинальным образом отличается от тех условий, в которых изначально формировались правила поведения иностранных граждан в Российской Федерации. В течение последних десятилетий эти правила изменялись, причем основным вектором преобразований была либерализация законодательства в части упрощения общих правил и процедур, определяющих порядок въезда на территорию (выезда с территории) Российской Федерации, пребывания (проживания) в России иностранных граждан и лиц без гражданства, а также отдельных их категорий.

В отличие от общемировых тенденций, когда государства придерживаются неоднозначной миграционной повестки, с одной стороны, пропагандируя открытость для мигрантов, а с другой, принимая конкретные меры по ужесточению миграционного режима, Россия сегодня – это государство, ведущее реальную открытую миграционную политику. Такой же открытости мы вправе ожидать от гостей.

Осознание невозможности отказа от миграции, в том числе трудовой, в условиях глобализации социально-экономических процессов и сложившейся демографической ситуации в России, тем не менее, не снимает с национальной повестки вопрос создания дополнительных механизмов поощрения легальной миграции и контроля, а также превенции нелегальной миграции.

Теоретический анализ

В научной литературе не существует единого подхода к определению наиболее действенного способа придания миграционным процессам управляемого характера.

Есть мнение, что залогом эффективного противодействия незаконной миграции является деятельность государства, направленная на создание позитивных механизмов, например по организованному привлечению и использованию иностранных трудовых мигрантов [3, с. 173]. Однако такая авторская позиция, скорее, исключение из правил.

Социально-экономические и политические процессы последних лет усиливают в научных кругах риторику о необходимости ужесточения миграционного законодательства. В частности, А. М. Воронов в своих работах неоднократно предлагал установить запрет на въезд в Российскую Федерацию, а также в страны Организации Договора о коллективной безопасности иностранных граждан, имеющих двойное гражданство или виды на жительство, полученные в государствах не своей гражданской принадлежности, в случае их причастности к террористической деятельности [4, с. 52; 5, с. 23].

Однако большая часть исследований по указанной проблематике посвящена совершенствованию действующих институтов административного выдворения, депортации, реадмиссии, нежелательности пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации [6–9].

В таких условиях, проведя «критическую оценку существующего массива законодательных актов в сфере миграции с учетом современных вызовов и угроз национальной безопасности» [10], Министерство внутренних дел Российской Федерации приступило к разработке проекта федерального закона, целью которого «является обеспечение формирования отвечающей интересам Российской Федерации миграционной ситуации, способствующей решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, в сфере защиты и сохранения русской культуры и русского языка» [10].

Одной из новелл законодательного акта стал институт «соглашения о лояльности», суть которого состоит в том, что «иностранный гражданин подтверждает свою информированность о правилах (требованиях) въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации, пребывания (проживания) в Российской Федерации и привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации, об установленных за-

коном ограничений и запретах, о последствиях их несоблюдения, а также выражает согласие на их соблюдение путем подписания соглашения о лояльности» [1]. Этим же документом иностранный гражданин будет подтверждать факт отсутствия у него неснятой или непогашенной судимости за совершение преступления, брать на себя обязательства воздерживаться от совершения действий, причиняющих ущерб интересам Российской Федерации и ее граждан.

Анализируя правовую природу нового явления, следует отметить, что предполагаемый к введению в отечественную правоприменительную практику институт «соглашения о лояльности» не является обязательным. Его включение в национальное законодательство не предусмотрено международным правом как обязательное условие выстраивания открытых отношений между мигрантом и принимающим государством.

Например, ст. 3 Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают, говорит лишь об обязанности государства открыто публиковать свое национальное законодательство или правила, касающиеся иностранцев [11]. Содержание нормы предполагает, что если государство в своей правоустанавливающей и правоприменительной деятельности придерживается принципа открытости, то дополнительное индивидуальное информирование иностранцев о правовой системе государства не требуется. Данное требование в полной мере реализовано в российском государстве: «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения» [12]. Оно обеспечивается действующими механизмами законодательной деятельности и реализации миграционной политики на территории государства. Все нормативные правовые акты, регулирующие отношения между принимающим государством и иностранными гражданами (лицами без гражданства), публикуются на официальных сайтах органов государственной власти. Для удобства поиска соответствующей информации полнотекстовые версии нормативных правовых актов с разъяснениями о правилах их применения в систематизированном виде аккумулированы на сайте МВД России в подразделе Главного управления по вопросам миграции.

В этом же международном акте говорится о взаимной обязанности иностранного гражда-

нина соблюдать законы государства, в котором он проживает или находится, и с уважением относиться к обычаям и традициям народа этого государства [6]. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» дополнительно обращает внимание на тот факт, что иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом. Предполагается, что иностранный гражданин, имеющий свободный доступ к информации о законах страны пребывания (проживания), считается априори информированным об их содержании и последствиях их несоблюдения.

Данной позиции, напрямую вытекающей из положений ст. 19 Конституции Российской Федерации, одинаково последовательно придерживаются и правоприменительные, и судебные инстанции. Так, анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды в своей деятельности не принимают в качестве обоснованного аргумента жалобы иностранных граждан и лиц без гражданства о том, что нарушение ими законодательства явилось результатом незнания: «...незнание иностранным гражданином требований законов РФ не освобождает его от ответственности за совершенное нарушение и не ставит под сомнение законность действий должностных лиц полиции при выявлении указанного правонарушения и при производстве по административному делу» [13].

Таким образом, намерение Российской Федерации ввести новый правовой институт «соглашения о лояльности» не является необходимым с точки зрения выполнения требований международного законодательства.

Нельзя его рассматривать и как самостоятельный механизм обеспечения соблюдения иностранными гражданами или лицами без гражданства законодательства Российской Федерации. В законодательстве уже содержатся необходимые и достаточные нормы, гарантирующие неотвратимость наказания иностранного гражданина или лица без гражданства за совершение правонарушений на территории государства.

В этом смысле вновь предлагаемый институт может рассматриваться исключительно через призму превентивного (профилактического) воздействия. Его значение состоит в том, чтобы акцентировать внимание и в очередной раз напомнить иностранному гражданину о необходимости уважать законы принимающего государства. Никаких юридических последствий

(в соответствии с действующим законодательством) нарушение данного соглашения повлечь не может. Наступление правовых последствий будет напрямую зависеть исключительно от характера совершенного правонарушения. Тем более что необходимый арсенал принудительных мер в российском законодательстве уже содержится: административное выдворение, депортация, реадмиссия, отказ в выдаче либо аннулирование разрешения на временное проживание (вида на жительство) и т.д. Более того, применение к иностранному гражданину мер принуждения в связи с нарушением условий «соглашения о лояльности» в дополнение к понесенному за совершение конкретного правонарушения наказанию может рассматриваться как привлечение дважды к ответственности за совершение одного правонарушения, что является грубым нарушением законности.

Изменение правового режима «соглашения о лояльности» возможно при рассмотрении факта его нарушения как условия для принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства, что требует внесения соответствующих дополнений в ст. 26–27 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию».

Констатируя, что необходимость института «соглашения о лояльности» объективно назрела в свете целенаправленной политики государства, ориентированной на выстраивание открытых взаимоотношений с мигрантами, гарантированных взаимными обязательствами, интересно узнать международную практику по данному вопросу.

Примечательно, что миграционное право зарубежных стран в абсолютном своем большинстве исходит из принципиально иного понимания термина «соглашение о лояльности».

В законодательстве отдельных стран (США) данный институт рассматривается как механизм лояльного отношения государства к отдельным категориям мигрантов при рассмотрении вопросов их натурализации. Так, практика США по заключению «соглашений о лояльности» с иностранными гражданами позволяет натурализоваться в разных статусах иностранным гражданам.

Иностранец, гражданин, служащий или ранее служивший в армии США, в случае заинтересованности может получить американское гражданство.

В свою очередь, на статус постоянно проживающего лица могут претендовать жертвы

преступлений, в основе которых лежит психическое или физическое насилие. При этом государство в качестве обязательного условия выдвигает требование содействовать в расследовании уголовного дела, послужившего основанием предоставления иностранному гражданину (лицу без гражданства) статуса долгосрочного мигранта.

На «лояльное» отношение со стороны США вправе также рассчитывать иностранные граждане и лица без гражданства, ставшие жертвами торговли людьми в ее наиболее бесчеловечных проявлениях либо оказывающие содействие в расследовании подобных криминальных явлений. Такой категории иностранцев американскими властями разрешается долгосрочное пребывание в США.

В Королевстве Бельгия, Королевстве Испания, Королевстве Нидерланды, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Турецкой Республике, Португалии аналогичных инициатив не существует [14].

Таким образом, абсолютное большинство государств считают необходимым и достаточным со своей стороны декларирование на международном и национальном уровнях обязанности самого государства открыто информировать о содержательной части своих законов, а со стороны иностранных граждан и лиц без гражданства – соблюдать эти законы. Аналогичных рассматриваемому в настоящей статье механизмов иными национальными правовыми системами не предусмотрено.

Исключение составляет опыт реализации миграционного законодательства в Германии. Немецкие власти еще в 2009 г. инициировали процедуру имплементации в правоприменительную практику соглашения между государством как принимающей стороной и приезжающими в страну долгосрочными мигрантами. Смысл нововведения состоял в обязывании иностранного гражданина (лица без гражданства) официально высказать свою лояльность к национальной социальной системе взамен на обещание государства оказывать ему содействие: «Каждый, кто хочет поселиться в Германии на продолжительное время или намерен здесь работать, должен сказать “да” нашей стране. С новыми иммигрантами мы будем заключать договоры. В них мы опишем, на какую помощь и поддержку [со стороны правительства] они могут рассчитывать. Однако там также будет оговорено, чего правительство ожидает от иммигрантов. Речь идет в том числе о хорошем знании немецкого языка, но помимо этого – в целом о готовности принимать участие в жизни общества» [15].

Однако эта практика также не может быть полностью отождествлена с предлагаемой российскими законодателями.

Особый порядок распространяется исключительно на долгосрочные виды миграции иностранных граждан на территорию Федеративной Республики Германия. Нормативные требования к таким соглашениям установлены Законом о проживании, трудовой деятельности и интеграции иностранных граждан, который определил, что принципиальной характеристикой документа является его ярко выраженная адаптационная направленность» [16].

Германия не просто предлагает способы адаптации участников долгосрочной миграции. Она обязывает переселенцев под угрозой непродления разрешения на проживание посещать курсы адаптации. Успешность в освоении языковой, культурно-исторической и правовой программы курсов выступает критерием оценки лица при определении его дальнейшего статуса на территории государства [16]. Таким образом, предмет соглашения, заключаемого немецким государством с иммигрантом, иной, нежели предлагается ввести в отечественную практику [17, с. 26].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что Российскому государству предстоит создать принципиально новый правовой институт, который, возможно, заложит основу для повсеместной имплементации аналогичных миграционных механизмов в национальные правовые системы. Вместе с тем их внедрение в практику требует тщательной регламентации с предварительной проработкой отдельных проблемных вопросов.

Во-первых, следует сразу же определиться, что заключение «соглашения о лояльности», при условии его введения, должно стать общеобязательным требованием для всех категорий иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации. Никаких изъятий из этого правила (в зависимости от цели, срока или режима въезда в Российскую Федерацию) для дееспособных иностранных граждан и лиц без гражданства установлено быть не может, поскольку этот институт является не самостоятельным, а, скорее, обеспечивающим по отношению к общеобязательной норме права.

Во-вторых, необходимо определиться с терминологией, правовой природой и содержанием «соглашения о лояльности», поскольку тот смысл, который законодатель хочет вложить в это правовое явление позволяет говорить скорее о «согласии проявлять лояльность» к

законам принимающего государства со стороны иностранного гражданина или лица без гражданства (аналогично можно рассматривать предусмотренное законодательством Российской Федерации согласие на обработку персональных данных лица).

Соглашение по общему правилу предполагает участие как минимум двух договаривающихся сторон. Можно попробовать спроецировать на данные отношения публично-правовые механизмы и рассматривать «соглашение о лояльности» как своеобразную публичную «оферту» – предложение Российской Федерации въезжать на ее территорию и находиться на ней при выполнении существенных условий по соблюдению законодательства. При таком подходе условия предлагающей заключить соглашение стороны (принимающего государства) публично адресованы неограниченной группе лиц (иностранных граждан и лиц без гражданства). Согласие принять эти условия иностранный гражданин выражает путем подписания «соглашения о лояльности». После этого ему разрешается въезд на территорию Российского государства. Отказ от подписания «соглашения о лояльности» влечет закономерный отказ в пропуске такого лица в Российскую Федерацию.

В-третьих, требует тщательной проработки механизм процедуры заключения «соглашения о лояльности». Если при визовом режиме въезда особых проблем в оформлении «соглашения о лояльности» не возникнет (это можно делать непосредственно в уполномоченном органе при оформлении визы), то при безвизовом порядке сразу же возникнут организационные сложности.

Возможно распространить на процедуру заключения таких соглашений опыт оформления и выдачи миграционных карт. Вместе с тем этот же опыт подсказывает, что при отсутствии цифровизации процедуры оформления документа будут возникать значительные задержки во времени нахождения иностранных граждан в пунктах пропуска через государственную границу, что повлечет возрастание социальной напряженности и формирование негативного имиджа государственных органов принимающего государства. Кто будет разъяснять иностранным гражданам содержание предлагаемого к подписанию соглашения? Поездные бригады, водитель автотранспорта, которым следуют иностранные граждане, уполномоченные должностные лица в пунктах пропуска через государственную границу? Перечисленные сложности могут привести к формальному подходу к подписанию такого соглашения как со стороны иностранных граж-

дан, так и со стороны ответственных лиц (по принципу «лишь бы скорее»). При таком подходе полностью утрачивается смысл данного документа: разъяснение иностранному гражданину содержания его обязанностей по соблюдению российского законодательства и осознанное взятие им на себя этих обязательств.

Отдельные категории иностранных граждан (трудовые мигранты, беженцы) могут заключать «соглашение о лояльности» при оформлении разрешительных документов для нахождения на территории Российской Федерации в конкретном правовом статусе. Однако срок такого обращения в уполномоченный орган не совпадает с датой въезда на территорию Российской Федерации. Данная ситуация может привести к ложному представлению у иностранных граждан об отсутствии ответственности за соблюдение российского законодательства, поскольку они еще не информированы о необходимости такого соблюдения и не взяли на себя этого обязательства. Одновременно появятся иностранные граждане и лица без гражданства, уже въехавшие на территорию государства в безвизовом режиме и не обратившиеся за получением разрешительных документов в уполномоченный орган, но при этом законно находящиеся в России. Как они будут заключать «соглашение о лояльности»?

В-четвертых, как уже отмечалось ранее, внедрение «соглашения о лояльности» в отечественную правоприменительную практику потребует внесение дополнений в ст. 26–27 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». В дополнение к действующим правилам необходимо установить ограничения на въезд в Российскую Федерацию иностранного гражданина или лица без гражданства, добровольно не пожелавшего подписать «соглашение о лояльности». Следует также рассмотреть целесообразность ограничения на въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, которые в период своего предыдущего пребывания (проживания) в Российской Федерации нарушили «соглашение о лояльности».

В-пятых, необходимо отметить, что не только сама правовая конструкция института «соглашения о лояльности» должна получить свое отражение в миграционном законодательстве. Специалистами в сфере миграции, и с этой позицией нельзя не согласиться, указывается на необходимость комплексного подхода к закреплению понятийного аппарата и формированию институционального механизма управления миграцией. Так, в тесной взаимосвязи с «соглашением о

лояльности» находятся институциональные условия «иммиграционного надзора», механизмы обеспечения особого иммиграционного статуса «контролируемое пребывание», которые также должны найти отражение в национальном законодательстве [18, с. 113].

Так, введение особого миграционного статуса «контролируемое пребывание» позволяет говорить о развитии института специального (персонального) административного надзора в направлении введения новой категории «иммиграционный надзор» и закрепления круга поднадзорных лиц. Иммиграционный надзор должен устанавливаться с учетом риск-ориентированного подхода в отношении отдельных категорий иностранных граждан, оказавшихся в нестандартных ситуациях с точки зрения обычных иммиграционных процедур [18, с. 114]. При таком подходе статусом «контролируемое пребывание» будут наделяться иностранные граждане и лица без гражданства, нарушившие условия «соглашения о лояльности».

Результаты

Проведенное исследование позволяет утверждать, что институт «соглашения о лояльности» следует воспринимать как своевременный и передовой инструмент в управлении миграционными процессами. Его следует рассматривать как меру административного воздействия превентивного характера, состоящую в индивидуально-ориентированном информировании иностранного гражданина или лица без гражданства о правилах въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации, пребывания (проживания) в Российской Федерации и привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации, об установленных требованиях к отдельным статусам иммигрантов на территории Российской Федерации, о последствиях их нарушения.

Правовая природа «соглашения о лояльности» позволяет на сегодняшний день рассматривать его как вспомогательный институт, поскольку самостоятельного юридического значения он не имеет и должен функционировать как обеспечивающий механизм реализации действующих норм о праве. Вместе с тем с точки зрения психологии права его потенциал чрезвычайно высок.

Представляется, что таким образом на законодательном уровне будет реализована общегосударственная превентивная функция по отношению к потенциальным нарушителям российского законодательства и сомневающимся в себе.

Список литературы

1. Проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства». URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
2. О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.02.2019 № 265-р. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
3. Нигматуллин Р. В. Незаконная миграция как угроза интересам народов России // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 171–176.
4. Воронов А. М. Актуальные вопросы администрирования миграционных процессов на пространстве ОДКБ в современных условиях // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 49–53.
5. Воронов А. М., Сандугей А. Н. Незаконная миграция – угроза национальной безопасности // Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2016. Т. 20, № 1. С. 20–23. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2016-20-1-20-23>
6. Паукова Ю. В. О необходимости реформирования института нежелательности пребывания (проживания) иностранных граждан в России в условиях цифровизации // Право и политика. 2021. № 1. С. 23–32. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.1.34942>. URL: https://nbpublish.com/Hlibrary_read_article.php?id=34942 (дата обращения: 01.09.2022).
7. Карпов О. В., Ледашев С. В., Рузевич О. Р., Дядькин О. Н. Правовой анализ мер принуждения, связанных с перемещением иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации // Современное право. 2021. № 5. С. 56–61. <https://doi.org/10.25799/NI.2021.44.61.010>
8. Шурухнова Д. Н. Назначение административного выдворения иностранным гражданам и лицам без гражданства в свете решений Европейского суда по правам человека // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сб. материалов XXIV междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. П. А. Капустюк. Иркутск : ВСИ МВД России, 2019. С. 334–336.
9. Костыря А. С. Административное выдворение, депортация и реадмиссия: сравнительно-правовой анализ // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2017. № 2 (30). С. 46–49.
10. Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства». URL: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2022).
11. Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята резолюцией 40/144 Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 13 декабря 1985 г.) // Организация Объединенных Наций : [сайт]. URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/dhriwnncwtl/dhriwnncwtl_ph_r.pdf (дата обращения: 01.09.2022).
12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
13. Решение Рязанского областного суда от 04.07.2019 № 12-94/2019. Категория спора: Привлечение к административной ответственности. Требования уполномоченного органа: О привлечении к ответственности по ч. 1.1 ст. 18.8 КоАП РФ за нарушение иностранным гражданином, лицом без гражданства правил въезда или режима пребывания в РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Международная организация по миграции : [сайт]. URL: // <https://russia.iom.int/ru> (дата обращения: 10.03.2022).
15. Германия предложит мигрантам «Договор лояльности» // Известия. 2009. 25 нояб.
16. Закон о проживании, трудовой деятельности и интеграции иностранных граждан в Германии // Представительство Германии в России : [сайт]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 01.09.2022).
17. Лампадова С. С. Организационно-правовые механизмы обеспечения селективности долгосрочной миграции : учеб.-практ. пособие. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2018. 71 с.
18. Сандугей А. Н. О совершенствовании правовых механизмов государственного контроля (надзора) в сфере иммиграции // Научный портал МВД России. 2020. № 4 (52). С. 109–116.

References

1. Federal law draft “On the conditions of entry (exit) and stay (residence) in the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons”. Available at: <https://regulation.gov.ru> (accessed 1 September 2022) (in Russian).
2. On the action plan for the implementation in 2019–2021 of the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025. Decree of the Government of the Russian Federation no. 265-r of 22.02.2019. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 1 September 2022) (in Russian).
3. Nigmatullin R. V. Legal migration as a threat to the interests of the people of Russia. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal State: Theory and Practice], 2019, no. 2 (56), pp. 171–176 (in Russian).
4. Voronov A. M. Topical Issues of Administration of Migration Processes on Space of the CSTO in Modern Conditions. *Evraziiskaia integratsiia: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics], 2019, no. 1, pp. 49–53 (in Russian).

5. Voronov A. M., Sandugej A. N. Illegal migration is a threat to national security. *Finance: Theory and Practice*, 2016, vol. 20, no. 1, pp. 20–23 (in Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2016-20-1-20-23>
6. Paukova Yu. V. On the need to reform the institute of undesirability of stay (residence) of foreign citizens in Russia in the context of digitalization. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2021, no. 1, pp. 23–32 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.1.34942>. Available at: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=34942 (accessed 1 September 2022).
7. Karpov O. V., Ledashchev S. V., Ruzevich, O. R., Diad'kin, O. N. Legal analysis of coercive measures related to the movement of foreign citizens and stateless persons outside the Russian Federation. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2021, no. 5, pp. 56–61 (in Russian). <https://doi.org/10.25799/NI.2021.44.61.010>
8. Shurukhnova D. N. Appointment of administrative expulsion of foreign citizens and stateless persons in the light of the decisions of the European Court of Human Rights. In: P. A. Kapustiuk (ed.) *Deiatel'nost' pravookhranitel'nykh organov v sovremennykh usloviyakh. Sbornik materialov XXIV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsi* [The activities of law enforcement agencies in modern conditions. Proceedings of the XXIV international scientific and practical conference]. Irkutsk, 2019, pp. 334–336 (in Russian).
9. Kostyria A. S. Administrative expulsion, deportation and readmission: Comparative legal analysis. *Vestnik of Putilin Belgorod law institute of the Ministry of the interior of Russia*, 2017, no. 2 (30), pp. 46–49 (in Russian).
10. *Explanatory note to the Federal law draft "On the conditions of entry (exit) and stay (residence) in the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons"*. Available at: <https://regulation.gov.ru> (accessed 1 September 2022) (in Russian).
11. Declaration on human rights in respect of persons who are not citizens of the country in which they live (adopted by resolution 40/144 of the General Assembly of the United Nations of December 13, 1985). *United Nations*. Site. Available at: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/dhriwnncwtl/dhriwnncwtl_ph_r.pdf (accessed 1 September 2022).
12. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
13. Decision of the Ryazan Regional Court no. 12-94/2019 of July 4, 2019. Dispute category: Bringing to administrative responsibility. Requirements of the authorized body: On bringing to responsibility under Part 1.1 of Art. 18.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation for violation by a foreign citizen, a stateless person of the rules of entry or regime of stay in the Russian Federation. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
14. *International Organization for Migration*. Site. Available at: <https://russia.iom.int/ru> (accessed 10 March 2022) (in Russian).
15. Germany will offer migrants a “Loyalty Pact”. *Izvestiia* [News], 2009, November 25 (in Russian).
16. Law on residence, employment and integration of foreign citizens in Germany. *German Representation in Russia*. Site. Available at: <http://www.gesetze-im-internet.de> (accessed 1 September 2022) (in Russian).
17. Lampadova S. S. *Organizatsionno-pravovye mekhanizmy obespecheniya selektivnosti dolgosrochnoi migratsii* [Organizational and Legal Mechanisms for Ensuring the Selectivity of Long-term Migration]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2018. 71 p. (in Russian).
18. Sandugej A. N. On improving the legal mechanisms of state control (supervision) in the field of immigration. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4 (52), pp. 109–116 (in Russian).

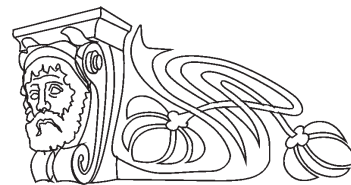
Поступила в редакцию 02.09.2022; одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 16.09.2022
 The article was submitted 02.09.2022; approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 16.09.2022

Научная статья

УДК 342

Международные судебные органы как субъекты наднациональной специализированной контрольной деятельности

А. В. Тарасов, К. Ю. Гоглева ✉

Санкт-Петербургский университет МВД России, Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1

Тарасов Алексей Васильевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры конституционного и международного права, mate-alexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3325-6398>

Гоглева Ксения Юрьевна, адъюнкт, goglevakseniya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

Аннотация. Введение. В условиях стремительно меняющейся геополитической ситуации в мире весьма актуальным представляется вопрос повышения эффективности межгосударственного взаимодействия в рамках функционирования международных универсальных и региональных организаций. **Теоретический анализ.** Авторами доказывается правомерность выделения контрольной функции как одной из основных в деятельности международных судебных органов, назначением которых является защита естественного права, закона и сохранение принципов и норм международно-правовых взаимоотношений, в том числе и при рассмотрении споров о соответствии внутригосударственного законодательства стран-участниц международным соглашениям, обязательства по соблюдению которых они на себя приняли. **Эмпирический анализ.** В исследовании проведен критический анализ международной судебной практики, в первую очередь, содержащей в себе конструкцию «европейского консенсуса», являющегося мощным рычагом судейского активизма и подразумевающего исключение возможности применения доктрины свободы усмотрения государств-участников международных соглашений. **Результаты.** Рассмотрение международных судебных органов через призму предлагаемого научного подхода позволило сделать вывод об их ведущей роли в механизме защиты международных договоров в качестве самостоятельного субъекта специализированной контрольной деятельности, а также об их существенном влиянии на процессы государственной суверенизации и международной глобализации.

Ключевые слова: международный судебный орган, наднациональный контроль, судебный конституционный контроль, специализированный контроль, национальная идентичность, глобализация, международное право, Европейский суд по правам человека, Международный суд Организации Объединенных Наций, Европейский союз

Для цитирования: Тарасов А. В., Гоглева К. Ю. Международные судебные органы как субъекты наднациональной специализированной контрольной деятельности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 464–472. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-464-472>, EDN: WLMWFFN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

International judiciaries as subjects of supranational specialized control activities

A. V. Tarasov, K. Yu. Gogleva ✉

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia. 1 Letchik Pilyutov St., St. Petersburg 198206, Russia

Alexey V. Tarasov, mate-alexey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3325-6398>

Kseniya Yu. Gogleva, goglevakseniya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

Abstract. Introduction. In the context of the rapidly changing geopolitical situation in the world, the issue of increasing efficiency of interstate interaction within the framework of the functioning of international universal and regional organizations seems to be very relevant. **Theoretical analysis.** The authors prove the legitimacy of highlighting the control function as one of the main functions in the activities of international judicial subjects, the purpose of which is to protect natural law, law and preserve the principles and norms of international legal relations, including when considering disputes about the compliance of the domestic legislation of the participating countries with international agreements, which they have undertaken to comply with. **Empirical analysis.** The study provides a critical analysis of international jurisprudence, primarily containing the construction of the “European consensus”, which is a powerful lever of judicial activism and implies the exclusion of the possibility of applying the doctrine of freedom of appreciation of states that are parties to international agreements. **Results.** Consideration of international judicial subjects through the prism of the proposed scientific ap-

proach led to the conclusion about their leading role in the mechanism of protection of international treaties as an independent subject of specialized control activities, as well as their significant impact on the processes of state sovereignization and international globalization.

Keywords: international judicial subject, supranational control, judicial constitutional control, specialized control, national identity, globalization, international law, European Court of Human Rights, International Court of Justice of the United Nations, European Union

For citation: Tarasov A. V., Gogleva K. Yu. International judiciaries as subjects of supranational specialized control activities. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 464–472 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-464-472>, EDN: WLMWFFN

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В современной правовой действительности наблюдается конкуренция процессов государственной суверенизации и международной глобализации. Последняя, на наш взгляд, четко прослеживается во все возрастающей наднациональной специализированной контрольной деятельности со стороны международных универсальных и региональных судебных органов. Ведь укрепление законности, безопасности и правопорядка как гарантия благополучия граждан – одна из приоритетных задач развития современного мирового сообщества, базирующегося на принципах уважения и защиты прав и свобод человека, причем в рамках не только национального, но и международно-правового законодательства.

Эффективное функционирование правозащитного механизма в мировых масштабах невозможно без обеспечения контроля и надзора над деятельностью национальных государственных органов всех ветвей власти, направленного на осуществление их качественного взаимодействия и сбалансированной совместной работы во благо реализации высокой цели по защите верховенства права в его естественной, природной сущности, положенной в основу норм и принципов международного законодательства, обязанность по соблюдению которых принимает на себя любое государство, входя в состав того или иного межнационального органа.

Теоретический анализ

Именно защита естественного права, закона и сохранение принципов и норм регулирования международно-правовых взаимоотношений есть смысл и основная задача функционирования института наднационального специализированного судебного контроля. Хотя в этом, на наш взгляд, заключается некоторая проблема, которую, впрочем, способно успешно решать большинство из органов современной национальной конституционной юстиции: это баланс, обеспечение слаженной работы и взаимодействия национальной системы права и международной, разрешение споров между ними, выраженное в

установлении возможности исполнения решений межгосударственных органов, иностранных или международных судов в случаях их противоречия основам национального публичного правопорядка¹.

Классическое обоснование теоретической основы специализированного судебного контроля связано с именем Ж.-Ж. Руссо, который в XVIII в. в своей работе «Об общественном договоре» впервые определил роль *судебных органов* в урегулировании конфликтов между законодательной и исполнительной властями, между народом и государством, государством и сувереном [1, с. 242], т. е. в публично-правовой сфере жизни общества. При этом мыслитель подчеркивал обособленность судебных органов от единого механизма государственной власти, что предопределяет их независимость и беспристрастность в разрешении вышеупомянутых вопросов [1, с. 242]. Руссо фактически смоделировал прообраз современной конституционной юстиции задолго до появления данного органа в Европе², отделив его от судов общей юстиции (которые в своем труде «Об общественный договор» он именовал «особыми магистратурами» [1, с. 147]) и обозначив их как «трибуналы» [1, с. 242]. Содержится в его работах и обоснование судебно-контрольной деятельности, направленной на контроль за соблюдением прав и свобод человека и обоснованность их ограничения как основной функции органов судебной власти, что представляется актуальным и сегодня в качестве основной ценности и объекта охраны в любом правовом государстве «старой» и «новой» демократии.

Представляется, что контрольно-надзорная деятельность, по сути, выступает имманентной функцией любого международного органа, так как его деятельность обеспечивается принципом *Pacta sunt servanda* (договоры должны быть соблюдены) [2], который предполагает, что государства-участники не могут

¹ В частности, в отечественной практике данное полномочие закреплено за Конституционным Судом Российской Федерации в п. 6 ч. 5.1. ст. 125 Конституции РФ.

² Первый конституционный суд в Европе появился в 1920 г. в Австрии.

ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания при невыполнении ими договора [3, п. 5].

«Гарантированность» соблюдения норм международного и регионального права при этом может рассматриваться в двух аспектах [4]:

1) на основе *доктрины принуждения* (enforcement) [5], заключающейся в прямой зависимости исполнимости норм международного законодательства от строгости применимых санкций по отношению к странам-участницам в случае их нарушения;

2) на основе *концепции менеджмента* [6], рассматривающей неисполнение норм международного права национальными органами как следствие объективных причин, в том числе включающих и сознательный шаг по сохранению своей государственной идентичности. В этом случае применение санкций и института международного принуждения контрпродуктивно, а значит, требуется особая «согласительная» процедура между органами власти государства-участника и органами управления международной организации.

Вопрос ответственности государств-участников за соблюдение принятых международных договорных обязательств безусловен, так как, принимая членство в данной международной организации, они а priori лояльно воспринимают ряд возможных правовых ограничений своей суверенности, устанавливаемых путем издания этими организациями актов властно-распорядительного характера, к числу которых относятся и решения международных судебных органов. Так, в частности, Основной закон Федеративной Республики Германия в ч. 1 ст. 24 прямо предусматривает, что «Федерация может на основании закона передавать осуществление своих суверенных прав межгосударственным учреждениям» [7, ст. 24].

Основываясь на предыдущих рассуждениях, можно говорить о наличии так называемых международных универсальных и региональных *наднациональных органов судебного контроля*, полномочных рассматривать публично-правовые споры о соответствии внутригосударственного законодательства стран-участниц международным соглашениям, подпадающим под юрисдикцию данных судебных органов. К ним относятся, на наш взгляд:

– Международный Суд Организации Объединенных Наций (далее – ООН) (International Court of Justice), учрежденный Уставом Организации Объединенных Наций для достижения одной из главных целей ООН – «проводить мирными средствами, в согласии с принципа-

ми справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира» [8, с. 84–113];

– Европейский суд по правам человека (European Court of Human Rights), представляющий собой институт региональной защиты прав человека, представленный Судом Совета Европы, реализующим свою юрисдикцию во исполнение Конвенции о защите прав человека и основных свобод [9];

– Европейский Суд (Суд Европейских Сообществ) (European Court of Justice) – высшая судебная инстанция Европейского союза, в компетенцию которой входит рассмотрение вопросов исполнения и толкования всех региональных договоров и соглашений. Осуществляет свою деятельность на основе Протокола о статуте Суда Европейского союза, утвержденного Договором об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии [10];

– Африканский суд по правам человека и народов (African Court on Human and Peoples' Rights) – региональный судебный орган Африканского союза (АС), учрежденный для контроля за реализацией и соблюдением положений Африканской Хартии прав человека и народов (также известной как Банжульская хартия) от 26.06.1981 [11];

– Межамериканский суд по правам человека (Inter-American Court of Human Rights) – региональный судебный орган, учрежденный Американской конвенцией по правам человека, ратифицированной членами Организации американских государств (ОАГ) (заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969 г.) [12].

Эмпирический анализ

Следует отметить, что с начала XXI в. ряд западных исследователей отмечают существенные изменения в системе сдержек и противовесов стран Совета Европы, указывая в том числе на то, что происходит «глобальная экспансия судебной власти» [13]. Данное суждение, на наш взгляд, представляется небезосновательным, если принять во внимание все возрастающее влияние «наднациональных» судов (например, Европейского суда по правам человека, фактически принявшего на себя роль конституционного суда и распространившего свою юрисдикцию на территории всех стран-участниц Совета Европы), выраженное в их регулярных попытках «вторжения» в область национальной идентичности внутригосударственного законодательства и политического строительства (в первую очередь, заключенного

в конституционных основах). Признает факт расширения контрольных полномочий судебной власти и Консультативный совет европейских судей, который в своем Заключении № 18, принятом в 2015 г. [14], указал на то, что исполнительная и законодательная власть стали более независимыми, существенно возросло число их полномочных органов, что привело к вынужденному возрастанию роли судов в сфере нормоконтроля издаваемых государствами-участниками нормативных актов, рассмотрения споров о компетенции, а также дел об обжаловании действий исполнительных органов стран Совета Европы. Подтверждается данный тезис и анализом судебной практики данного региона.

В 2002 г. предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) стало дело «Брониовски против Польши» (Broniowski v. Poland) [15], заявитель по которому имел право на предоставление компенсационной выплаты за утраченный земельный участок, вышедший из-под его владения ввиду изменения государственных территориальных границ после Второй мировой войны. В результате принятия властями Польши нового законодательства данный гражданин лишился права на выплату и, сочтя это несправедливым, обратился в национальный орган конституционной юстиции. Конституционным судом Польши оспариваемые нормы нового законодательства были признаны неконституционными, однако органы исполнительной власти отказались исполнять данное судебное решение и продолжили отказывать заявителям в получении компенсационной выплаты. Рассмотрев данную жалобу по существу, ЕСПЧ указал на нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [9], уточнив, что «такое поведение государственных органов, в том числе их осознанная попытка помешать выполнению окончательного и обязательного к исполнению постановления, которое к тому же терпели, если не молчаливо одобряли исполнительные и законодательные органы, не могло быть объяснено наличием законных публичных интересов или интересов всего общества. Напротив, подобное поведение могло подорвать доверие к судебному органу и его авторитет, поставить под сомнение его эффективность» [15] (курсив наш. – Авт.), не только подтвердив общеобязательность исполнения решений судебных органов, но и подчеркнув важность функциональной модели реализации принципа разделения властей, предполагающего сбалансированную работу всех трех ветвей власти, направленную на обеспечение верховенства

права, легитимности граждан по отношению к легальному разрешению публичных конфликтов, а также *формирование конституционно-правовой культуры польского общества*.

В решениях по объединенным делам в отношении Я. Кади [16] Суд Европейского союза проявил свою контрольную функцию в еще большей степени. В частности, он расширил свою исключительную компетенцию на рассмотрение спорных ситуаций между нормами глобального права (которое в данном случае представляет право ООН) и регионального (европейское право) [17, с. 117], аннулировав резолюцию Совета Безопасности ООН о замораживании финансовых средств и других финансовых ресурсов Кади на основании того, что «никакой международный договор не может затрагивать распределение полномочий, зафиксированное в договоре о ЕС, и, следовательно, автономность правопорядка ЕС» (п. 282 Решения по объединенному делу «Яссин Абдулла Кади и Международный фонд Аль-Баракаат против Европейского Совета и Европейской Комиссии») [18]. Кроме того, «обязательства, налагаемые международным договором, не могут иметь последствием ущемление конституционных принципов правопорядка Европейского союза, в число которых входит и принцип, что уважение основных прав человека является условием правомерности этих актов для Суда ЕС...» (п. 285 вышеуказанного Решения). Далее, в п. 286, Суд ЕС заявил о своем правомочии по рассмотрению любых внутренних актов Европейского союза, имплементирующих решения международных организаций, на предмет их соответствия основным правам человека [19, с. 30], что, на наш взгляд можно трактовать как осуществление последующего судебного контроля на предмет соответствия вступивших в законную силу международных правовых актов региональному законодательству. Последнее, конечно, представляется не бесспорным с точки зрения международного права ввиду приоритетности обязательств государств-участников Организации Объединенных Наций, согласно Уставу ООН, над обязательствами по любому другому договору и отсутствия компетенции у Судов Европейского союза по рассмотрению вопросов законности решений международных организаций. Однако иного способа для обеспечения прав и свобод граждан, нарушенных в ходе наложения на них санкций со стороны ООН, на сегодняшний день нет, так как Комитет по санкциям Совета Безопасности ООН, проверяя списки, выступает в роли *jundex in causa sua* (судьи в своем собственном деле),

что в некоторой степени объясняет логику судей Европейского союза, выносящих подобные решения.

Хотелось бы, чтобы данный подход был применим со стороны европейских судебных органов и в «обратную сторону», по отношению к рассмотрению вопросов, затрагивающих так называемую конституционную идентичность [20–25] государств-участников Европейского союза и Совета Европы.

Так, например, в Распоряжении от 27.10.2021 Европейский суд обязал польское правительство выплачивать штраф в 1 млн евро ежедневно «из-за отказа приостановить действие национального законодательства, которое, в частности, относится к юрисдикции дисциплинарной палаты Верховного суда» [26], учрежденной в результате проводимой Правительством Польши судебной реформы, не нашедшей поддержки со стороны Евросоюза. В «ответном» решении Конституционный суд Польши заключил, что четыре положения Договора о Европейском союзе (об уважении к человеческому достоинству, свободе, демократии, о верховенстве права и равенстве, а также о юрисдикции Европейского суда) противоречат основным конституционным принципам страны и не должны преобладать над Основным законом Польши. Это, на наш взгляд, представляется аргументационно оправданным в сохранение принципа конституционной идентичности и обеспечение стабильности всей системы организации внутринациональной государственной власти.

Вышеуказанный пример, увы, не единственный. В целом, Европейский Суд по правам человека довольно часто применяет конструкцию европейского консенсуса, являющуюся мощным рычагом судейского активизма. Она подразумевает, что констатация ЕСПЧ наличия консенсуса по какому-либо вопросу исключает применение доктрины свободы усмотрения государств: поскольку соответствующий вопрос уже решен большинством государств-членов Совета Европы подобным образом, государство не должно иметь возможности действовать по-иному [27].

Следует отметить, что в современной мировой действительности наблюдается тенденция увеличения специализированных контрольных международных органов. Так, на регулярной основе звучат идеи создания Всемирного суда по правам человека (World Human Right Court) [28] и Международного конституционного суда [29]. С 2014 г. активно обсуждается идея организации двух новых наднациональных органов

судебного контроля по защите прав и свобод человека и гражданина, под юрисдикцию которых может войти и Российская Федерация³: это Суд БРИКС (BRICS – Brazil, Russia, India, China, South Africa) и Азиатский суд по правам человека (далее – АСПЧ).

Инициатива создания АСПЧ, основанного на международных нормах в области прав человека, в целях укрепления их защиты в азиатском регионе принадлежит Конституционному Суду Республики Корея и была впервые озвучена в 2014 г. в ходе Всемирной конференции по конституционному правосудию [30]. Признавая огромный вклад существующих международных судов по правам человека в Европе, Америке и Африке, участники призвали азиатские суды содействовать таким обсуждениям и тем самым способствовать глобализации распространения судебного контроля в данной сфере. Положительно отозвался о такой перспективе и Председатель Конституционного суда РФ В. В. Зорькин, заключив в ходе встречи с руководителем Конституционного Суда Индонезии и Президентом Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных органов Хамданом Зулфой, что «Азиатский суд по правам человека был бы актуален для России в связи с тем, что Россия не только европейская, но и евразийская страна. Однако данный вопрос лежит в сфере политических решений правительства, а не юридических обоснований». В сообщении отечественного органа конституционной юстиции, размещенном на его официальном интернет-сайте, говорится, что «стороны выразили готовность способствовать реализации данного предложения, в том числе через его обсуждение на ближайшем заседании Ассоциации азиатских конституционных судов и эквивалентных органов в Джакарте» [31]. И хотя на сегодняшний день в азиатском регионе отсутствует единая система защиты прав человека, основанная на нормоположениях предварительных договорных обязательств, на субрегиональном уровне (а именно в Юго-Восточной Азии) наблюдается определенное развитие в направлении институционализации гуманитарных механизмов [32, с. 21]: в частности, создана и уже 13 лет функционирует Межправительственная

³Представляется, что в связи с выходом Российской Федерации из состава Совета Европы и денонсации Европейской Конвенции по правам человека с 16 марта 2022 г., что последовательно привело к невозможности реализации права на обращение граждан России в ЕСПЧ, за исключением жалоб по нарушениям, совершенным до 15 марта 2022 г. включительно, а также в свете стремительного изменения политической картины мира, связанного с событиями от 24 февраля 2022 г., данный вопрос актуализировался особо и требует рассмотрения в рамках данного исследования.

комиссия по правам человека (МКПЧ), основной функцией которой является контроль за исполнением положений Азиатской декларации прав человека, подписанной государствами-членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 2012 г. (см. подробнее [33]), как представляется, вполне способной стать прообразом будущего Азиатского суда по правам человека.

Результаты

Проведенный теоретический и эмпирический анализ деятельности международных судебных органов позволяет утверждать, что юстициабельность прав человека и международно-правовых принципов как их нормативных оснований, заключающаяся, в первую очередь, в закреплении самой возможности обращения граждан в наднациональные контрольные органы за защитой и восстановлением нарушенных прав и свобод в случае низкого уровня их гарантированности национальным законодательством, является состоявшимся фактом современной правовой действительности. Международные универсальные и региональные судебные органы стали имманентным участником формирования правовой политики в области прав человека и в смежных с ней вопросах как на межгосударственном, так и на национальном уровнях. Сочетая в своей деятельности нормоконтрольную и «консультативную» функции, а также осуществляя *ad hoc* толкование положений международных договоров, они осуществляют специализированную контрольную деятельность за соблюдением договорных обязательств странами-участницами и выносят решения, которые становятся не только источниками международного права, но и частью национальных правовых систем [3]. На наш субъективный взгляд, это не отрицает возможности признания принципа конституционной идентичности государств-участников международных организаций и договоров как суверенных государств [34], обладающих правом некоторой международно-правовой дискреции в вопросе самостоятельного определения вектора развития внутреннего государственного правового устройства, и исключает возможность истолкования процесса исполнения решений международных наднациональных органов судебного контроля с точки зрения его абсолютной бинарности, сохраняя возможность диалога между субъектами данного рода правоотношений и учитывая неизбежность таких факторов, как «эволютивное» толкование⁴ и судейский активизм при поста-

новлении решений наднациональных международных универсальных и региональных органов специализированного контроля и их возможные негативные последствия.

Список литературы

1. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты : пер. с фр. М. : Канон-пресс, Кучково поле, 1998. 416 с.
2. Тунов О. Н. Принцип соблюдения международных договоров и устава ООН // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 3. С. 104–110.
3. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 // Российская газета. 1995. 28 дек.
4. Исполинов А. С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1 (21). С. 47–48.
5. Downs G. W., Locke D. M., Barsoom P. N. Is the good news about compliance good news about cooperation? // International Organization. 1996. Vol. 50, iss. 3. P. 379–406. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033427>
6. Chayes A., Handler Chayes A. On compliance // International Organization. 1993. Vol. 47, iss. № 2. P. 175–205. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027910>
7. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23.05.1949 (с изм. от 2014 г.). URL: <http://constitutionproject.org> (дата обращения: 04.07.2022).
8. Международное право в избранных документах : в 3 т. / сост. Л. А. Моджорян, В. К. Собакин. Т. 2. М. : Изд-во ИМО, 1957. 319 с.
9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. ETS № 005 (Рим, 04 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21.09.1970, 20.12.1971, 01.01.1990, 06.11.1990, 11.05.1994) в ред. Протокола № 11 от 11.05.1994 // Собр законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.
10. Протокол о статуте Суда Европейского Союза, утвержденный Договором об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (2016/С 203/01) (Рим, 25 марта 1957 г.) (консолидированный текст с учетом Ниццких изменений). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Африканская хартия прав человека и народов (принята в г. Найроби 26.06.1981) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. 2-е изд. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2002. С. 887–899.
12. Американская конвенция по правам человека, ратифицированная членами Организации американских государств (ОАГ) (заключена в г. Сан-Хосе 22.11.1969) // Международные акты о правах человека. Сборник документов. 2-е изд. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2002. С. 867–886.
13. The Global Expansion of Judicial Power / ed. by C. N. Tate, T. Vallinder. New York : New York University Press, 1997. 570 p.

⁴Выявление смысла и содержания нормативного акта уполномоченным на то органом с учетом конкретно-исторических условий.

14. Заключение Консультативного Совета Европейских судей для Кабинета Министров Совета Европы № 18 (2015) «Состояние судебной системы и ее взаимодействие с другими ветвями власти в современном демократическом государстве». Лондон. 16 октября 2015 г. ССЖЕ (2015) 4 // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2016. № 12.
15. Постановление Большой Палаты Европейского Суда от 19.12.2002 г. по вопросу приемлемости жалобы № 31443/96 «Брониовски против Польши» (Broniowski v. Poland) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2003. № 7.
16. Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P, Judgment (Grand Chamber), 18 July 2013. URL: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=139745&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1914364> (дата обращения: 04.07.2022).
17. Гуласарян А. С. Решение Суда Европейского Союза по объединенному делу «Европейская комиссия, Соединенное Королевство и Совет Европейского Союза против Ясин Абдулла Кади» от 18 июля 2013 года // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. № 6. С. 112–117.
18. Joined Cases C-402/05 P and C-415/05 P, Jassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council of the European Union and the Commission of the European Communities. [2008] ECR I-0635. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62005CJ0402> (дата обращения: 04.07.2022).
19. Исполинов А. С. Суд Европейского союза, Ясин Кади и статья 103 устава ООН // Российский юридический журнал. 2013. № 6 (93). С. 27–35.
20. Аничкин Е. С., Ряховская Т. И. «Конституционная идентичность»: к вопросу о конкретизации термина // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 196–201.
21. Кравец И. А. Телеологический конституционализм, конституционная идентичность и публичный порядок (научное знание, российский, сравнительный и международный контексты) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 202–215.
22. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414. <https://doi.org/10.31857/S0869587320050035>
23. Гаджиев Г. А. О судебной доктрине конституционной идентичности // Судья. 2017. № 12 (84). С. 31–35.
24. Ливеровский А. А. Европейская идентичность: конституционное измерение // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения : сб. науч. ст. / под ред. Е. В. Викторовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. С. 113–117.
25. Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4 (58). С. 1–12.
26. Приказ заместителя Председателя Суда Европейского Союза по делу C-204/21 R от 27.10.2021 // Пресс-релиз Суда Европейского Союза № 192/21. URL: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2021-10/cp210192fr.pdf> (дата обращения 01.07.2022).
27. Dzehtsiarou K. European Consensus and the Evolutive Interpretation of the European Convention on Human Rights // German Law Journal, October 2011, vol. 12, iss. 10: Special Issue Legitimacy and the Future of the European Court of Human Rights, pp. 1730–1745. <https://doi.org/10.1017/S2071832200017533>
28. Nowak M. The Need for a World Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2007. Vol. 7, iss. 1. P. 251–259. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngl026>
29. International Constitutional Court proposed to protect democracy. URL: <http://oldside.idea.wana/international-constitutional-court-proposed-to-protect-democracy.cfm> (дата обращения: 04.07.2022).
30. Сеульский Коммюник от 30 сентября 2014 года Всемирной конференции по конституционному правосудию (28.09 – 01.10.2014 г.). URL: https://www.venice.coe.int/wccj/seoul/WCCJ_Seoul_Communique-RUS.pdf (дата обращения: 04.07.2022).
31. Конституционный Суд Российской Федерации и Конституционный Суд Республики Индонезии подписали Меморандум о сотрудничестве. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3196> (дата обращения: 04.07.2022).
32. Бушев Е. А., Кузнецов Д. А. На пути к единой системе защиты прав человека в Азии (рассуждения о перспективах создания Азиатского суда по правам человека) // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 5 (59). С. 20–30.
33. Renshaw C. Sh. The ASEAN Human Rights Declaration 2012 // Human Rights Law Review. 2013. Vol. 13, iss. 3. P. 557–579. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngt016>
34. По делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней», п. 1 и 2 ст. 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 1 и 4 ст. 11, п. 4 ч. 4 ст. 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 13, п. 4 ч. 3 ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 и 4 ст. 15, п. 4 ст. 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Rousseau J.-J. *Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [The Social Contract. Treatises]. Moscow, Kanon-press, Kuchkovo pole Publ., 1998. 416 p. (in Russian).

2. Tiunov O. N. The principle of compliance with international treaties and the UN Charter. *Izvestiya vysshihkh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie* [Proceedings of Higher Education Institutions. Legal Studies], 1976, no. 3, pp. 104–110 (in Russian).
3. On some issues of the application of the Constitution of the Russian Federation by the courts in the administration of justice. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 8 of 31.10.1995. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1995, 28 December (in Russian).
4. Ispolinov A. S. Compliance with the judgements of international courts: theory and practice. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International Justice], 2017, no. 1 (21), pp. 47–48 (in Russian).
5. Downs G. W., Rocke D. M., Barsoom P. N. Is the Good News about Compliance Good News about Cooperation? *International Organization*, 1996, vol. 50, iss. 3, pp. 379–406. <https://doi.org/10.1017/S0020818300033427>
6. Chayes A., Handler Chayes A. On compliance. *International Organization*, 1993, vol. 47, iss. 2, pp. 175–205. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027910>
7. *Germany's Constitution of 1949 with Amendments through 2014*. Available at: <http://constituteproject.org> (accessed 04 July 2022).
8. Modzhorian L. A., Sobakin V. K. (comp.) *Mezhdunarodnoe pravo v izbrannykh dokumentakh* [International Law in Selected Documents]. Vol. 2. Moscow, IMO Publ., 1957. 319 p. (in Russian).
9. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. ETS № 005 (Rome, 04.11.1950) (protocol no. 11 of 11.05.1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2001, no. 2, art. 163 (in Russian).
10. Protocol on the Statute of the Court of Justice of the European Union, approved by the Treaty Establishing the European Atomic Energy Community (2016/S 203/01) (Rome, 25.03.1957) (consolidated text subject to the Nice Amendments). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
11. African Charter on Human and Peoples' Rights (adopted in Nairobi on 26.06.1981). In: *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka. Sbornik dokumentov* [International Human Rights Acts. Collection of Documents. 2nd ed.]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2002, pp. 887–899 (in Russian).
12. American Convention on Human Rights ratified by members of the Organization of American States (OAS) (concluded in San Jose on 22.11.1969). *Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka. Sbornik dokumentov* [International Human Rights Acts. Collection of Documents. 2nd ed.]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2002, pp. 867–886 (in Russian).
13. Tate C. N., Vallinder T. (eds.). *The Global Expansion of Judicial Power*. New York, New York University Press, 1997. 570 p.
14. Opinion of the Consultative Council of European Judges for the Cabinet of Ministers of the Council of Europe no. 18 (2015) “The state of the judiciary and its interaction with other branches of power in a modern democratic state”. London. 16.10.2015CCJE (2015) 4. *Biulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka. Rossiyskoe izdanie* [Bulletin of the European Court of Human Rights. Russian edition], 2016, no. 12 (in Russian).
15. Decree of the Grand Chamber of the European Court no. 31443/96 on the admissibility of the complaint Broniowski v. Poland dated 19.12.2002. *Biulleten' Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka. Rossiyskoe izdanie* [Collection of the European Court of Human Rights. Russian edition], 2003, no. 7 (in Russian).
16. *Joined Cases C-584/10 P, C-593/10 P and C-595/10 P, Judgment (Grand Chamber), 18 July 2013*. Available at: <http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=139745&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=1914364> (accessed 4 July 2022).
17. Gulasarjan A. S. Decision of the Court of Justice of the European Union in the joint case “European Commission, the United Kingdom and the Council of the European Union v. Yasin Abdullah Qadi” of 18.07.2013. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of the O. E. Kutafin University], 2015, no. 6, pp. 112–117 (in Russian).
18. *Joined Cases C-402/05 P and C-415/05 P, Jassin Abdullah Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council of the European Union and the Commission of the European Communities. [2008] ECR I-0635*. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62005CJ0402> (accessed 4 July 2022).
19. Ispolinov A. S. Court of Justice of the European Union, Yassin Kadi and Article 103 of the UN Charter. *Russian Juridical Journal*, 2013, no. 6 (93), pp. 27–35 (in Russian).
20. Anichkin E. S., Riakhovskaya T. I. “Constitutional identity”: On the specification of the term. *Tomsk State University Journal*, 2019, no. 446, pp. 196–201 (in Russian).
21. Kravec I. A. Teleological Constitutionalism, Constitutional Identity and Public Order (Scientific Knowledge, Russian, Comparative and International Context). *Tomsk State University Journal*, 2019, no. 439, pp. 202–215 (in Russian).
22. Khabrieva T. Ya. Constitutional reform in Russia: in search of national identity. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 90, no. 5, pp. 403–414 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S0869587320050035>
23. Gadzhiev G. A. On the Judicial Doctrine of Constitutional Identity. *Sud'ia* [Judge], 2017, no. 12 (84), pp. 31–35 (in Russian).
24. Liverovskiy A. A. European Identity: Constitutional Dimension. In: E. V. Viktorova (ed.) *Modern European Identity Formation in the Framework of EU Integration: Social and Cultural Dimensions*. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2018, pp. 113–117 (in Russian).
25. Zor'kin V. D. Constitutional Identity: Doctrine and Practice. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2017, no. 4 (58), pp. 1–12 (in Russian).

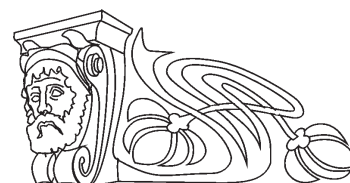
26. Order of the Vice-President of the Court of Justice of the European Union in case C-204/21 R of 27.10.2021. *Press release of the Court of Justice of the European Union No 192/21*. Available at: <https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/202110/cp210192fr.pdf> (accessed 1 July 2022).
27. Dzehtsiarou K. European Consensus and the Evolutive Interpretation of the European Convention on Human Rights. *German Law Journal*, October 2011, vol. 12, iss. 10: Special Issue Legitimacy and the Future of the European Court of Human Rights, pp. 1730–1745. <https://doi.org/10.1017/S2071832200017533>
28. Nowak M. The Need for a World Court of Human Rights. *Human Rights Law Review*, 2007, vol. 7, iss. 1, pp. 251–259. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngl026>
29. *International Constitutional Court proposed to protect democracy*. Available at: <http://oldside.idea/wana/international-constitutional-court-proposed-to-protect-democracy.cfm> (accessed 4 July 2022).
30. *Seoul Communique of the World Conference on Constitutional Justice (28.09 – 01.10.2014)*. Available at: https://www.venice.coe.int/wccj/seoul/WCCJ_Seoul_Communique-RUS.pdf (accessed 4 July 2022) (in Russian).
31. *Konstitutsionnyi Sud Rossiyskoy Federatsii i Konstitutsionnyi Sud Respubliki Indonezii podpisali Memorandum o sotrudnichestve* (The Constitutional Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Republic of Indonesia signed a Memorandum of Cooperation). Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=3196> (accessed 4 July 2022) (in Russian).
32. Bushev E. A., Kuznecov D. A. On the way to a unified system for the protection of human rights in Asia (discourses on the prospects for the creation of the Asian Court of Human Rights). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2017, no. 5 (59), pp. 20–30 (in Russian).
33. Renshaw C. Sh. The ASEAN Human Rights Declaration 2012. *Human Rights Law Review*, 2013, vol. 13, iss. 3, pp. 557–579. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngt016>
34. In the case of checking the constitutionality of the provisions of art.1 of the Federal Law “On the Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols”, paragraphs 1 and 2 of art. 32 of the Federal Law “On International Treaties of the Russian Federation”, Parts 1 and 4 of Art. 11, paragraph 4, part 4 of Art. 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of art. 13, paragraph 4, part 3, art. 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Parts 1 and 4 of art. 15, paragraph 4 of art. 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2, part 4, art. 413 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.2015. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).

Поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 16.09.2022
The article was submitted 25.08.2022; approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 16.09.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 473–479
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 473–479
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-473-479>, EDN: ZEUBEM

Научная статья
УДК 34.01

Аксель Хоннет: пределы правовой свободы

С. В. Тихонова

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, просп. Ленина, д. 76

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, ¹профессор кафедры теоретической и социальной философии; ²старший научный сотрудник НОЦ практической и прикладной философии, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Аннотация. Введение. Выдвинутый Ю. Хабермасом подход к обоснованию правогенеза через социальную теорию получил дальнейшее развитие в работах представителя позднейшей Франкфуртской школы А. Хоннета. Предложенная им версия теории субъективности привела к переосмыслению концепции свободы, в которой по-новому обозначаются пределы правовой свободы. **Теоретический анализ.** Разработанная Хоннетом концепция признания расширяет представления об intersubjective взаимодействии и его социальных и правовых эффектах. Автономия субъекта пересматривается в сторону признания, что означает, что степень автономного поведения зависит от социального окружения и успешности intersubjective стратегий индивида в нем. Социализация – это процесс, в ходе которого человек учится понимать и признавать не только других, но и себя самого, доверяя им и полагаясь на них. В мире, где конкретное Я обесценивается и отвергается другими, Я лишено сил на самоутверждение и самоуважение. Эта модель диаметрально противоположна либеральной доктрине, основанной на представлении об атомарном изолированном индивиде. **Эмпирический анализ.** Рассмотрена выдвинутая Хоннетом концепция свободы, установлено, что правовая свобода является только одним из ее элементов, не способным самостоятельно обеспечить реализацию социальной свободы. **Результаты.** Концепция Хоннета четко фиксирует место и роль правовой свободы в обеспечении свободы социальной. С одной стороны, она способствует усилению гуманистических начал современного правопонимания, разворачивая его в сторону социальной солидарности. С другой стороны, констатация овнешняющей для intersubjective институтов силы права открывает новые исследовательские перспективы для анализа правовой реальности.

Ключевые слова: философия права, история политических и правовых учений, Франкфуртская школа, Хоннет, правовая свобода, право свободы

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Тихонова С. В. Аксель Хоннет: пределы правовой свободы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 473–479. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-473-479>, EDN: ZEUBEM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Axel Honneth: The limits of legal freedom

S. V. Tikhonova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia

Sophia V. Tikhonova, segedasv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2487-3925>

Abstract. Introduction. The approach to substantiating legal genesis through social theory suggested by J. Habermas was further developed in the works of A. Honneth, the representative of the later Frankfurt school. His proposed version of the theory of subjectivity led to a rethinking of the concept of freedom, in which the limits of legal freedom are defined in a new way. **Theoretical analysis.** The concept of recognition developed by Honneth expands the understanding of intersubjective interaction and its social and legal effects. The autonomy of the subject is revised towards recognition, which means that the degree of autonomous behavior depends on the social environment and the success of the individual's intersubjective strategies in it. Socialization is a process in which a person learns to understand and recognize not only others, but also himself / herself, trusting them and relying on them. In a world where the concrete Self is devalued and rejected by others, the Self is deprived of the strength to assert itself and self-esteem. This model is diametrically opposed to the liberal doctrine based on the idea of an atomic

isolated individual. **Empirical analysis.** The author considers the concept of freedom put forward by Honnet and establishes that legal freedom is only one of its elements, unable to independently ensure the realization of social freedom. **Results.** The concept of Honnet clearly fixes the place and role of legal freedom in ensuring social freedom. On the one hand, it contributes to strengthening the humanistic principles of modern legal understanding, turning it towards social solidarity. On the other hand, the statement of the force of law that is binding on intersubjective institutions opens up new research perspectives for the analysis of legal reality.

Keywords: philosophy of law, history of political and legal doctrines, Frankfurt School, Honnet, legal freedom, the right of freedom

Acknowledgements: The research was supported by Russian Science Foundation "Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups" (regional competition) 22-18-20011 "Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)".

For citation: Tikhonova S. V. Axel Honneth: The limits of legal freedom. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 473–479 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-473-479>, EDN: ZEUBEM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Открытый подход Ю. Хабермаса к праву, вписывающий правогенез в динамику коммуникативной рациональности, осуществляется А. Хоннетом. Хоннет, как ученик Хабермаса, весьма бережно относится к идеям учителя, однако помещает их в новый концептуальный горизонт. Он прямо обращается к наследию Франкфуртской школы, слабо интересовавшему Хабермаса, не без виртуозности выстраивает мостики между стратегиями критической традиции и генеалогией социальной теории в XX в. и обогащает сформулированную таким образом повестку новой интерпретацией текстов Г. В. Ф. Гегеля. Для этого Хоннету требуется дистанцирование от взглядов Хабермаса, позволяющее при необходимости возвращаться к модели коммуникативной рациональности после того, как будут вскрыты ее ограничения и пробелы. М. Ивкович определяет теоретические предпосылки мысли Хоннета, дистанцирующие ее логику от логики Хабермаса, следующим образом. Во-первых, Хоннет базирует свою социальную онтологию на теории социального действия, в которой предполагается диалектическая связь между интерактивными потоками повседневного социального взаимодействия и формирующими их хрупкими и ненадежными социальными рамками (именно на этой методологической платформе Хоннет с самых ранних периодов своей исследовательской работы заявляет о социологическом дефиците критической теории [1]). Базовые современные институты (рынок и государство) для него лишены эпистемологической автономии. Во-вторых, конфликтное понимание социальной динамики и социальных изменений – история для Хоннета есть полностью случайный результат длинной серии конфликтов между социальными группами, которые борются за право переопределять и оправдывать данный институциональный порядок на основании своих нормативных ориентаций на действия. В-третьих, потребность человека в развитии «неискаженной личности», само наличие которой предполагает как прин-

ципиальную незавершенность человеческого существа, так и констатацию, что большинство повседневных акторов не дотягивают до требований коммуникативной рациональности Хабермаса [2]. Избранная стратегия позволяет Хабермасу реагировать на все «болевы точки» современности, обращаясь к широчайшему спектру социально-правового дискурса.

Разумеется, изначальная «континентальная» ориентированность мысли Хоннета затрудняет ее восприятие теми, для кого более привычны логические ходы аналитической философии права. В этом отношении обоснованной представляется оценка М. А. Кукарцевой, согласно которой «в США идеи Хоннета в целом мало признаны социологами, равно как и социальными философами. Вписанность в европейское интеллектуальное пространство, организуемое философским дискурсом, окрашенным в гегельянские, марксистские, экзистенциалистские тона, делает концепцию Хоннета плохо распознаваемой для большинства его американских коллег, мыслящих в контекстах аналитической традиции философствования и убежденности в своей самодостаточности» [3, с. 39]. Хоннета отнюдь нельзя обвинить в безразличии к достижениям англосаксонской традиции, однако его логика одинаково легко сближает Мида и Гегеля, Гегеля и Аристотеля, Гегеля и Роулза. Далеко не все исследователи соглашались с гегельянскими штудиями Хоннета, и дело не столько в очевидной сложности и известной «темности» гегелевских текстов, сколько в легкости эвристики самого Хоннета, который свободно подчиняет и философскую, и психологическую, и правовую традиции самостоятельно поставленным задачам. Освободить коммуникативную реальность Хабермаса, в которой анализ интересубъективных актов способен в лучшем случае объяснить легкую зыбь при выработке консенсуса, от статики, разомкнуть ее таким образом, чтобы обнажить сложную нелинейную канву социального прогресса, показать, что жизненный мир является ареной конфликтов и разломов, столь же реаль-

ных, как и солидарность, обретаемая после их преодоления, – все это более чем масштабная исследовательская программа. Возможно, именно поэтому результат, который получает Хоннет, весьма нетривиален и позволяет приводить если не к общему знаменателю, то к общим узловым моментам, таким как становление личности, социальный прогресс и развитие права.

Теоретический анализ

Итак, ядром подхода Хоннета является концепция признания. Она является способом объяснения человеческой автономии, социальной солидарности и естественного права в их неразрывном единстве, отнюдь не исключающем драматической диалектики. Не случайно эту концепцию часто обозначают как «конфликтную», чтобы подчеркнуть роль борьбы, противостояния и негативных патологий, тщательно исследуемых Хоннетом, в собирании человеческого сообщества в единое целое.

Признание Хоннет определяет как первичную форму отношения к миру: «...наши действия в первую очередь носят характер не эмоционально нейтральной, когнитивной позиции по отношению к миру, а скорее утвердительного, экзистенциально окрашенного стиля заботливого поведения. В жизни мы постоянно уступаем ситуационным обстоятельствам нашего мира их собственную ценность, что заставляет нас задуматься о наших отношениях с ними» [4, р. 38]. Таким образом, признание – это позитивное отношение индивида к людям и их группам, изначально intersubjectивное, включающее в себя как рационально обоснованные суждения о своих и чужих способностях и достижениях, так и аффективное одобрение/поощрение, требующее эмпатии. Признание есть то, чем люди обязаны друг другу, то, на что они ориентированы, вступая во взаимодействие.

Для того чтобы прийти к этому пониманию признания в работах разных лет, Хоннету требуется масштабная ревизия оснований естественно-правовых воззрений на природу человеческой автономии, до сих пор определяющих правовую доктрину либерализма. В совместном с Дж. Андерсоном эссе в книге «Автономия и вызовы либерализму» [5] он отходит от оптимистической версии классического гуманизма, в которой ядром сущности человека являются продуктивная активность, самостоятельность и независимость в суждениях, решениях и действиях, необходимые для того, чтобы «вести собственную жизнь». Хоннет и Андерсон обращаются к теме уязвимости человека, его зависимости от других людей, потребности быть включенным в

их жизнь. Либерализм, неразрывно связанный с индивидуализмом, исповедует ограничение вмешательства в человеческую свободу, но постоянно сталкивается с проблемой ослабления автономии у индивидов из различных социальных групп, требующей особой защиты и компенсации для тех, кто не вытягивает роли атомарных индивидов. Это, в свою очередь, неизбежно оборачивается все новыми видами правовых ограничений самой этой декларируемой свободы.

Для Хоннета уязвимость атомарного индивида – не результат случайной девиации, связанной с дефектурой или ослаблением работы социальных институтов (например, образования или здравоохранения), приводящих к тому, что автономия конкретного человека снижается и требует активного включения других индивидов для своей реализации. Уязвимость фундаментальна, онтологична, изначальна и первична по отношению к автономии. Опираясь на дефиницию автономии Дж. Недельски, согласно которой «автономия есть способность, существующая только в контексте социальных отношений, которые его поддерживают, и только в сочетании с внутренним чувством автономии» [6, р. 25], авторы трактуют автономию как достигаемое (и не всегда достижимое) качество. Так устанавливается модель «признательной автономии», в рамках которой «реальная и эффективная способность развивать и преследовать собственную концепцию достойной жизни достижима только при социально благоприятных условиях» [5, р. 130]; такая «достижимость» автономии представляет собой перманентный прижизненный процесс, в рамках которого индивид учится доверять своим чувствам и стремлениям при формировании проектов себя и опираться на других людей в их осуществлении. Автономия зависит от отношений с другими людьми, эти отношения как укрепляют ее, так и ослабляют. Сама зависимость intersubjectивна: чтобы действовать в собственных интересах, индивид должен определенным образом к себе относиться; отношение к себе формируется не солипсическим эго, свободным в своих размышлениях от социальных связей, а человеком, драматично переживающим несоответствие между своими интенциями и оценками контрагентов. Для автономии личности обязательным элементом являются самоуважение и доверие к себе, анализ которых приводит Хоннета к созданию впечатляющей социально-психологической версии теории субъективности, опирающейся на современную психоаналитическую традицию. Глубокий «интроспективный» анализ позволяет ему детализировать «интроспективный»

контекст, выявить измерения внешней жизни субъекта, прямо влияющие на стержневые структуры автономии. К ним он относит, во-первых, юридически закрепленные отношения всеобщего уважения к автономии и достоинство личности, во-вторых, тесные отношения любви и дружбы (центральное место в доверии к себе) и, в третьих, сети солидарности и общих ценностей, в рамках которых может быть признана особая ценность членов сообщества [5, р. 132].

Опираясь на Дж. Мида, Хоннет показывает, что человек должен научиться понимать, кого другие люди видят в нем, адресуясь к нему через нормы. Коллективные попытки получить признание приводят к изменению норм и – в итоге – общества. Таким образом, закономерности онтогенеза оказываются ключом к пониманию социально-правовой панорамы общественной жизни. Успех человека в отношениях любви (в самом широком смысле) детерминирован способностью, обретаемой в раннем детстве, к достижению баланса между симбиозом и самоутверждением. Поскольку забота матери является неотъемлемой частью существования новорожденного в первые месяцы его жизни, постольку на этом этапе ребенок представляет собой «недифференцированную интерсубъективность», симбиоз, вне которого нет ни младенца, ни матери. Постепенное обретение каждым независимости предполагает чувствительность к изменениям потребностей ребенка для матери и постепенному формированию убеждения в том, что мать обязательно вернется и удовлетворит его нужды, для ребенка. Симбиоз сменится ограниченной зависимостью, а последняя – привязанностью, и конфликты не просто неизбежны на этом пути, они являются его движущей силой. Любовь возможна только там, где признается независимость того, кого любят, узнавание этой независимости не может быть безболезненным и автоматическим. Симпатия и влечение не являются сферой контроля тех, кто их испытывает, но способ и границы их выражения могут выбираться и конструироваться. Человек, созревший для автономии, доверяет поддержание любви тому, кто в данный момент по разным причинам не может прямо участвовать в интеракции (если мать уходит на работу, она не исчезает из жизни ребенка). Доверие как коммуникативная защищенность является социально-психологической способностью к признанию других. Задача признания и признания себя, других и реальности для человека никогда не завершается, но качество ее решения меняется, и оно (в идеале) должно повышаться.

Эмпирический анализ

Реализацию этого фундаментального принципа Хоннет усматривает и в расширении понятия естественных прав (он их рассматривает по группам гражданских прав, гарантирующих свободу, политических прав, гарантирующих участие, и социальных прав, гарантирующих базовое благосостояние), когда рост конкретного типа индивидуации в сообществе инициирует борьбу его членов за возможность быть собой новым способом. По его мнению, обладание правами равнозначно возможности выдвигать социально приемлемые требования, что предполагает наличие законного способа «дать понять самому себе, что его уважают все остальные» [7, р. 120]. В итоге опыт юридического признания предполагает, что человек способен рассматривать себя как субъекта, разделяющего со всеми субъектами «в своем сообществе качества, которые делают участие в дискурсивном волеобразовании возможным» [7, р. 120]. Такое позитивное отношение к себе Хоннет называет самоуважением, и рассматривает он это качество всегда в интересубъективной динамике. Тогда закономерным представляется вывод о том, что цель права – вывести формы признания из терминов классовых групп в общесоциальные категории, создав основу для самоуважения каждому члену общества и тем самым – предпосылки социальной солидарности.

В «Праве свободы» Хоннетом определяются пределы правовой свободы в деле формирования свободы социальной. Как отмечает Я. Ф. Брокхаузен, на протяжении всей своей книги «Хоннет открыто выступает против тенденции разрабатывать основы теории справедливости только на основе правовых концепций» [8, с. 102]. Хоннет выдвигает триадическую концепцию свободы, включающую в себя три модели – негативную, рефлексивную и социальную. Как показывают А. Ю. Шачина и С. В. Шачин, в анализе мыслителя первая и вторая модели являются необходимыми условиями третьей, что требует перманентного критического сомнения в индивидуалистических основаниях модерна [9, с. 94]. Негативная свобода – это индивидуальная свобода, под которой понимается гоббсовская свобода (категориально отточенная Дж. Локком, Дж. С. Миллем и Ж.-П. Сартром) для эгоцентрических действий, возможность делать все, что пришло в голову, пока пределы свободы соседей этому не мешают.

Для Хоннета быть свободным в индивидуалистическом смысле означает «быть в состоянии реализовывать столь много эгоцентричных, совершенно своевольных целей, сколь еще совме-

стимо со свободой всех остальных сограждан» [10, S. 51]. Негативная свобода концентрируется на достижении целей, но не затрагивает целеполагания, поскольку уровень свободного и разумного определения собственных целей – это уже уровень рефлексивной свободы, на котором индивид осознает и обдумывает собственное отношение к себе. В этом случае свободно только такое действие, которое инициирует исключительно свободная и автономная воля субъекта действия. Теоретизацию рефлексивной свободы Хоннет связывает с Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом, И. Г. Гердером. Детрансцендентализация кантовской мысли, осуществленная Ю. Хабермасом и К.-О. Аппелем в русле перехода к интересубъективным основаниям свободы, недостаточна, поскольку не учитывает связь реализации целеполагания и обеспечивающих ее наличных социальных институтов. Коммуникативный дискурс зависает в воздухе, не добираясь до институциональных практик, используемых субъектами, чтобы запустить диалектику признания с другими. Невозможно располагать индивидуальной свободой, не включаясь в конкретные институты, в рамках которых и происходит разделение опыта признания с другими.

Рефлексивная свобода может быть реализована только на основе институциональных предпосылок, раскрывающихся как конкретные нормы взаимодействия. Норма для Хоннета формируется в гегелевском смысле, поэтому она – отнюдь не механизм синхронизации ожиданий, но постепенное раскрытие потенциала уже зафиксированных ожиданий. Социальная свобода в понимании Хоннета означает, что свобода индивидуальная реализуется через институциональную сферу общества: «...в конечном счете субъект “свободен” только тогда, когда он в рамках институциональных практик встречается с визави, с которым его связывает отношение взаимного признания потому, что он может усмотреть в его целях условие осуществления своих собственных целей» [10, S. 86]. Социальная свобода включает в себя как собственные компоненты возможности взаимодействия в тематизированном русле. К ним относятся три сферы – любовь (брак, семья, дружба), правовая сфера (рынок) и солидарность (публичная сфера), и чтобы считаться справедливым, общество должно позволять каждому человеку иметь доступ к «институтам признания» этих сфер [11]. Й. Шауб считает, что в этой триаде перед нами два типа отношений признания: индивидуальная свобода (в этом случае придется под ней понимать и негативную, и рефлексивную) – это свобода в модусе возможности, тогда как социальная – свобода в

модусе действительности [12, p. 113]. Гегелевская перспектива позволяет Хоннету рассматривать субъектов как непрерывно обучающихся выдвигать цели и желания, дополняющие цели и желания других. Интересубъективное окружение в таком случае воспринимается как расширение индивидом своей личности.

Как показывает Я. Д. Рендторф, Хоннет определяет юридическую свободу на основе концепции личных прав Гегеля [13]. Правовая свобода создает «защитную стену», за которой человек может свободно рассматривать свои собственные цели и желания [10, S. 145]. Однако таким образом, при помощи закона, задается форма индивидуальной свободы, условия существования которой он сам не может ни создать, ни поддержать [10, S. 156]. Правовая свобода отражает негативную свободу, ждущуюся на иллюзии, что человек имеет право действовать так, как ему заблагорассудится, и нарушать обязательства в том случае, если закон это позволяет, и останавливаться там, где он это запрещает. В итоге воля человека постоянно ограничивается правом, а правовая свобода сводится к обоснованию ограничений, которые необходимы для удержания разнонаправленных волей эгоистических индивидов от столкновений. Ограничения не могут быть свободой, т.е. правовая свобода развивает изначально дефектную логику: «...правовая свобода как таковая никоим образом не представляет собой сферу или место индивидуальной самореализации; она гарантирует возможность приостановить, подвергнуть сомнению или прекратить собственные проекты и обязательства, но она не открывает возможности реализовать блага или цели сами по себе» [10, S. 154–155]. Свобода не может оказаться намордником, она возможна там, где человек становится творцом и новатором собственных правовых принципов, там, где он стремится к сотрудничеству с другими людьми. В правовой сфере индивид, напротив, вынужден абстрагироваться от своих морально-этических убеждений для того, чтобы стратегически ориентироваться на контрагента в согласии с действующими правовыми нормами. Примирить это абстрагирование с живым участием к другому в сфере интересубъективного признания невозможно.

С одной стороны, подход Хоннета закладывает надежный фундамент для понимания того, как и почему происходит переосмысление и расширение понимания прогресса естественного права в исторической ретроспективе. Дж. А. Сааведра демонстрирует, как хоннетовская перспектива продвигается, по сравнению с предшественниками, выявляя, что а) права долж-

ны быть чем-то большим, чем просто переводом какого-то идеализированного демократического процесса, как это следует из трудов Хабермаса; б) права должны защищать социальные отношения от угрозы непризнания; в) правовая сфера признания дает возможность положительного отношения к себе, а именно самоуважения, которое реализуется через правоотношения (признать кого-либо означает признать его или ее в равной степени заслуживающими права на свободу), доступ к политическому процессу, социальные права и бремя юридической ответственности; г) судебная власть должна защищать отношения юридического признания, чтобы позволить членам общества достичь самоуважения к себе как к равным другим членам и дать им право принимать собственные решения о том, как понимать и реализовывать свои собственные жизненные планы [14].

С другой стороны, Я. Ф. Брокхаузен показывает, что стремление Хоннета выступить против избыточной юридизации социальной жизни, отказ рассматривать все социальные связи как правоотношения во многом связан с особенностью его интерпретации гегелевских текстов. По его мнению, позиция Хоннета задана «игнорированием фундаментального понимания Гегелем положительной роли института юридической свободы – абстрактного права и его выражения в позитивном праве – для свободы в социальной реальности. Хоннет не может в полной мере оценить гегелевское проникновение в позитивный момент, внутренний по отношению к сфере абстрактного права, момент, когда свобода, бывшая прежде чисто негативной свободой, становится связанной с позитивным пониманием свободы, выражающимся в сфере этической жизни» [8, р. 110].

Результаты

В итоге Хоннет очевидно недооценивает роль правовых оснований для базовых социальных связей (любви, дружбы, семьи), но тем самым предостерегает от их абсолютизации. Его позиция предполагает овнешнение права для институциональной сферы, поэтому оно для Хоннета скорее вызывает коммуникативную деградацию intersubjectивных моделей, чем дает людям возможность найти и встретить друг друга. Вывод Хоннета неутешителен: правовая свобода паразитирует на социальной свободе.

Список литературы

1. Strydom P. The sociological deficit of contemporary critical theory – Axel Honneth's theory of recognition, part 1. URL: <https://thenewpoliis.com/2019/10/15/the->

sociological-deficit-of-contemporary-critical-theory-axel-honneths-theory-of-recognition-part-1/ (дата обращения: 25.08.2022).

2. Ivković M. The Habermasian Foundations and Aims of Axel Honneth's Theory of Recognition // *Ideias*. 2017. Vol. 7, № 2. P. 99–122. <https://doi.org/10.20396/ideias.v7i2.8649498>
3. Кукарцева М. А. Аксель Хоннет – социальный теоретик и социолог // *Социологические исследования*. 2014. № 4 (360). С. 38–45.
4. Honneth A, Butler J., Geuss R., Lear J. Reification: A New Look at an Old Idea. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2008. 168 p.
5. Anderson J., Honneth A. Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice // *Autonomy and the Challenges to Liberalism* / ed. by J. Christman, J. Anderson. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. Iss. 1. P. 127–149.
6. Nedelsky J. Reconceiving Autonomy: Sources, Thoughts and Possibilities // *Yale Journal of Law and Feminism*. 1989. Vol. 1, № 1. P. 7–36.
7. Honneth A. The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts. Cambridge, UK : Polity Press, 2005. 215 p.
8. Broekhuizen J. P. Private law and ethical life: Honneth on legal freedom and its pathologies // *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2013. Vol. 42, № 2. P. 100–124.
9. Шачина А. Ю., Шачин С. В. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. B.: Suhrkamp, 2011 // *Кантовский сборник*. 2012. № 1 (39). С. 91–100.
10. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. Berlin : Suhrkamp, 2011. Iss. Erste Auflage. 627 S.
11. Carrá L. Beyond distribution: Honneth's ethical theory of justice // *Civitas*. 2016. Vol. 15, № 4. P. 619–630.
12. Schaub J. Misdevelopments, Pathologies, and Normative Revolutions: Normative Reconstruction as Method of Critical Theory // *Critical Horizons*. 2015. Vol. 16, iss. 2. P. 107–130. <https://doi.org/10.1179/1440991715Z.00000000043>
13. Rendtorff J. D. Axel Honneth: The law of freedom – Institutionalization of freedom in modern societies – A reconstruction and some remarks // *Nordicum-Mediterraneanum. Icelandic E-Journal of Nordicum and Mediterranean Studies*. 2012. Vol. 7, iss. 2. P. A3. <https://doi.org/10.33112/nm.7.2.4>
14. Saavedra G. A. The constitution of recognition: Towards a critical constitutional theory // *Nostalgia for a Redeemed Future: Critical Theory* / ed. by S. G. Ludovisi, G. A. Saavedra. Rome : [Newark, Del.] : John Cabot University Press ; Distributed by the University of Delaware Press, 2009. P. 153–170.

References

1. Strydom P. *The sociological deficit of contemporary critical theory – Axel Honneth's theory of recognition, part 1*. Available at: <https://thenewpoliis.com/2019/10/15/>

- the-sociological-deficit-of-contemporary-critical-theory-axel-honneths-theory-of-recognition-part-1 (accessed 25 August 2022).
2. Ivković M. The Habermasian Foundations and Aims of Axel Honneth's Theory of Recognition. *Ideias*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 99–122. <https://doi.org/10.20396/ideias.v7i2.8649498>
 3. Kukartseva M. A. Axel Honneth – social theorist and sociologist. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 2014, no. 4 (360), pp. 38–45 (in Russian).
 4. Honneth A., Butler J., Geuss R., Lear J. *Reification: A New Look at an Old Idea*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2008. 168 p.
 5. Anderson J., Honneth A. Autonomy, Vulnerability, Recognition, and Justice. In: J. Christman, J. Anderson (eds.) *Autonomy and the Challenges to Liberalism*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005, iss. 1, pp. 127–149.
 6. Nedelsky J. Reconceiving Autonomy: Sources, Thoughts and Possibilities. *Yale Journal of Law and Feminism*, 1989, vol. 1, no. 1, pp. 7–36.
 7. Honneth A. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, UK, Polity Press, 2005. 215 p.
 8. Broekhuizen J. P. Private law and ethical life: Honneth on legal freedom and its pathologies. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*, 2013, vol. 42, no. 2, pp. 100–124.
 9. Shachina A. Yu., Shachin S. V. Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. B.: Suhrkamp, 2011. *Kantovskiy sbornik* [Kant 's Collection], 2012, no. 1 (39), pp. 91–100 (in Russian).
 10. Honneth A. *Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit*. Berlin, Suhrkamp, 2011. Iss. Erste Auflage, 627 S.
 11. Carrá L. Beyond distribution: Honneth's ethical theory of justice. *Civitas*, 2016, vol. 15, no. 4, pp. 619–630.
 12. Schaub J. Misdevelopments, Pathologies, and Normative Revolutions: Normative Reconstruction as Method of Critical Theory. *Critical Horizons*, 2015, vol. 16, iss. 2, pp. 107–130. <https://doi.org/10.1179/1440991715Z.000000000043>
 13. Rendtorff J. D. Axel Honneth: The law of freedom – Institutionalization of freedom in modern societies – A reconstruction and some remarks. *Nordicum-Mediterraneanum. Icelandic E-Journal of Nordicum and Mediterranean Studies*, 2012, vol. 7, iss. 2, pp. A3. <https://doi.org/10.33112/nm.7.2.4>
 14. Saavedra G. A. The constitution of recognition: Towards a critical constitutional theory. In: S. G. Ludovisi, G. A. Saavedra (eds.) *Nostalgia for a Redeemed Future: Critical Theory*. Rome: [Newark, Del.], John Cabot University Press; Distributed by the University of Delaware Press, 2009, pp. 153–170.

Поступила в редакцию 07.09.2022; одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 26.09.2022
The article was submitted 07.09.2022; approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 26.09.2022

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 480–484

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 480–484

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-480-484>

EDN: YWAAJX

Рецензия

УДК 347.6

Принципы семейного права

Рецензия на: *Рыженков А. Я. Принципы семейного права. М. : Юрлитинформ, 2021. 192 с.*

А. П. Анисимов

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 400066, г. Волгоград, ул. Гагарина, д. 8

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

Аннотация. В рецензии производится обзор основных выводов и аргументов, приведенных в монографии А. Я. Рыженкова. Дается высокая оценка классификации принципов семейного права и механизма их реализации. Отмечается, что предлагаемые автором доктринальные принципы семейного права могут представлять интерес для законодателя при расширении перечня принципов – основных идей семейного права в будущем

Ключевые слова: принципы, семейное право, нормы права, брак, семья

Для цитирования: *Анисимов А. П. Принципы семейного права // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 480–484. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-480-484>, EDN: YWAAJX*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Review's report

Family law principles

Review of: *Ryzenkov A. Ya. Principles of family law. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 192 p. (in Russian)*

A. P. Anisimov

Volgograd Institute of Management, Branch of RANEP, 8 Gagarina St., Volgograd 400066, Russia
Aleksey P. Anisimov, anisimovap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3988-2066>

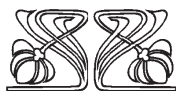
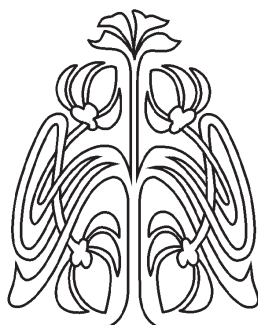
Abstract. The review provides an overview of the main conclusions and arguments given in the monograph by A. Ya. Ryzhenkov. The classification of the principles of family law and the mechanism of their implementation is highly appreciated. It is noted that the doctrinal principles of family law proposed by the author may be of interest to the legislator when expanding the list of principles – the main ideas of family law in the future.

Keywords. principles, family law, norms of law, marriage, family

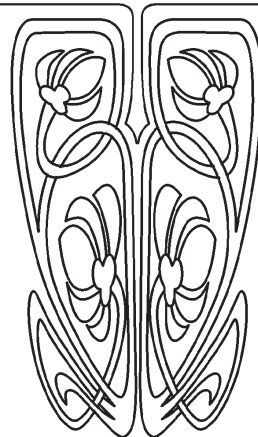
For citation: *Anisimov A. P. Family law principles. Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 480–484 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-4-480-484>, EDN: YWAAJX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

© Анисимов А. П., 2022

ПРИЛОЖЕНИЕ

Публикация монографии доктора юридических наук, профессора Калмыцкого государственного университета А. Я. Рыженкова представляет собой довольно уникальное явление как по меркам российской правовой науки, так и в научной жизни всех других стран постсоветского пространства. В правовой доктрине Российской Федерации принципам права уделяется довольно много внимания. Считается общепризнанным, что принципы права представляют собой основные идеи той или иной отрасли права, определяющие ее содержание и лежащие в основе отраслевых институтов и правовых норм. Принципы права имеют большое правотворческое и правоприменительное значение, поскольку, например, указывают на пути дальнейшего развития законодательства и используются российскими судами для восполнения пробелов в праве. Однако в плане доктринальных исследований не все отраслевые принципы востребованы одинаково: если принципы гражданского, уголовного, административного или экологического права в научной доктрине России и других бывших республик СССР были исследованы довольно подробно и убедительно, то принципам семейного права в этом плане повезло значительно меньше.

И хотя научных исследований по отдельным принципам семейного законодательства можно встретить достаточно много, их комплексное и системное рассмотрение в рамках одной монографии было произведено впервые.

Актуальность и своевременность монографии А. Я. Рыженкова обусловлены дискуссиями, проходящими сейчас в России между учеными, политиками, юристами-практиками и представителями общественности о дальнейших приоритетах и направлениях развития российского семейного права. В настоящий момент приоритетами государственной семейной политики являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи. В проведении государственной семейной политики роль семьи предусматривает ее активное участие в своем жизнеобеспечении, обучении и воспитании детей, охране здоровья ее членов, обеспечении заботы о пожилых и нетрудоспособных членах семьи и создании условий для их долголетия.

Обсуждение этих и многих других важных вопросов возможно в формате как анализа от-

дельных правовых норм, так и исследования правовых идей (принципов), лежащих в основе семейного права как отрасли права. Именно в этом направлении и сосредоточил свои исследовательские усилия профессор А. Я. Рыженков, получив, на мой взгляд, весьма интересные результаты.

Рецензируемая монография включает введение, заключение и четыре главы, разбитых на параграфы. Во введении автор традиционно формулирует актуальность и гипотезу исследования, выражает благодарность рецензентам.

В первой главе «Семейное право как отрасль права» рассматриваются вопросы о месте семейного права в системе российского права, его предмете, семейных правоотношениях, а также проводится авторская классификация принципов семейного права. Говоря о предмете семейного права, автор подчеркивает ряд специфических особенностей семейных отношений, включая особый субъектный состав (родители, дети, родственники), специфические юридические факты (вступление в брак), дополнительные требования к договорным отношениям в семье (к брачному договору), лично-доверительный характер отношений и т.д. Всем им дается неоднозначная оценка в трудах представителей различных научных школ, и автор вносит свой конструктивный вклад в эту дискуссию. Следует согласиться с ним в том, что сейчас происходит усложнение предмета правового регулирования семейных отношений. Так, например, широкое использование репродуктивных технологий (в частности, суррогатного материнства) требует корректировки значения принципа кровного родства (для таких родителей). Это означает, что дискуссия о взаимодействии норм семейного права и других отраслей права будет продолжена.

Выделение параграфа, посвященного семейным правоотношениям, выглядит логично, так как категория «правоотношение» раскрывает все основные стороны права: субъективную и объективную, формальную и содержательную, правовое сознание и правовое бытие. Учение о правоотношении показывает право одновременно и как сущность, и как явление в их диалектическом единстве, что и было применено к семейным правоотношениям. Автор подробно останавливается на анализе субъекта, объекта и содержания семейных правоотношений, выявляет специфику юридических фактов, влекущих возникновение, изменение и прекращение семейных прав и обязанностей.

В третьем параграфе первой главы А. Я. Рыженков проводит интересную классификацию принципов семейного права. Вообще, класси-

фикация – это один из приемов юридической техники, представляющий собой деление закрепленных правовых положений по единому критерию на определенные категории (группы, виды), обладающий нормативно-правовым характером и имеющий своей целью единообразное понимание и применение правовых институтов и норм. Таким образом, благодаря классификации понимание отдельных правовых явлений и процессов может быть сделано понятным и доступным для всеобщего восприятия, что особенно важно на стадии законотворческого процесса. Классификация как элемент юридической техники и способ упорядочения правового материала имеет свою специфику в различных отраслях частного и публичного права, включая и семейное право. Проанализировав положения научной доктрины, а также нормотворческие подходы некоторых республик бывшего СССР, профессор А. Я. Рыженков предлагает свою авторскую классификацию принципов семейного права, основанную на традиционных представлениях о видах правовых принципов, – общеправовые, межотраслевые, отраслевые и институциональные (отдельных правовых институтов).

Справедливо заметив, что особой специфики общеправовых принципов в рамках семейного права нет, а также указав на отсутствие институциональных принципов в семейном праве, автор распределил изложенные в ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) принципы в две классификационные группы – межотраслевые и отраслевые, добавив при этом, что наряду с нормативно закрепленными принципами существуют и доктринально выводимые принципы права, которые могут служить своеобразным «резервом» для законодателя, источником пополнения перечня нормативных принципов. Здесь, впрочем, уместно заметить, что российский законодатель в ряде кодексов и федеральных законов четко структурирует принципы, отделяет их один от другого. Однако в ст. 1 СК РФ этого не сделано – там принципы просто перечислены через запятую. Такой недостаток юридической техники порождает часто обсуждаемый в научной правовой доктрине вопрос о том, сколько вообще есть принципов в российском семейном праве, и А. Я. Рыженков вполне убедительно аргументирует в книге свою позицию.

Вторая глава монографии посвящена анализу межотраслевых принципов российского семейного права. Название этой и двух последующих глав книги прямо вытекает из проведенной классификации принципов семейного

права. Особенностью межотраслевых принципов семейного права как основных идей отрасли является то, что механизм их реализации не только требует участия норм СК РФ и других нормативных актов семейного законодательства, но и опирается на нормы других отраслей российского права – конституционного, гражданского, административного и т.д. Таким образом, в реализации таких принципов участвуют императивные и диспозитивные нормы, включенные в различные нормативные акты, между которыми иногда возникают коллизии.

В рамках общего обзора этой главы следует заметить, что автор выделяет в рамках данной классификационной группы: принцип равенства прав супругов в семье; принцип государственной защиты семьи, материнства, отцовства и детства; принцип запрета любых форм ограничений прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав и принцип возможности судебной защиты семейных прав. Не пытаясь пересказывать содержание главы, хотелось бы обратить внимание на ряд следующих аспектов:

– при анализе принципа равенства прав супругов в семье автор обращает внимание на необходимость обеспечения и равенства обязанностей супругов, справедливо отмечая, что эта часть принципа слабо отражена в СК РФ;

– автор выделил нормы, затрудняющие реализацию семейных принципов и имеющие неудачную редакцию с точки зрения стандартов юридической техники. Типичным примером тут являются нормы о суррогатном материнстве, не требующие обязательного получения согласия мужа суррогатной матери на ее участие в программах суррогатного материнства. При этом в случае если суррогатная мать решит не отдавать ребенка заказчиком по договору, в силу прямых презумпций СК РФ ее муж станет отцом такого ребенка, что нарушает его права и требует изменения законодательства в части учета его мнения;

– в отличие от многих других федеральных законов, СК РФ не содержит специальной статьи, раскрывающей термины, используемые Кодексом. Поэтому в юридическом смысле не очень понятно, что следует понимать под семьей, браком, материнством, отцовством, детством и т.д. Это порождает массу терминологических дискуссий и затрудняет правоприменительную практику. В связи с этим следует приветствовать

вклад А. Я. Рыженкова в эту дискуссию и формулировку ряда таких понятий, что может быть полезно законодателю;

– весьма важен вклад А. Я. Рыженкова в толкование многих оценочных категорий, не имеющих четкого нормативного определения, типичным примером чему является категория «произвольное вмешательство в семейные дела»;

– рассматривая границы вмешательства государства в дела семьи, автор отмечает, что, как это ни парадоксально, проведенная в России в феврале 2017 г. декриминализация семейного насилия (соответствующий закон перевел побои, наносимые близким родственникам, из категории уголовных преступлений в административные правонарушения, если такой проступок совершен впервые) осуществлена в соответствии с принципом ст. 1 СК РФ, поскольку уменьшает «произвольное вмешательство» государства в дела семьи, в данном случае в части бытового насилия. Однако данный закон породил другую дискуссию – где проходит грань между публичными интересами государства и частными интересами семьи, где грань между произволом и законным вмешательством государства в семейные дела. Проанализировав разные точки зрения, автор критикует данную «реформу» и призывает усилить правовые меры, направленные на борьбу с бытовым (домашним) насилием в семье;

– автор поддерживает существующую в ряде стран мира систему специализированных семейных судов, доказывает ее применимость и для России.

В третьей главе монографии исследуются отраслевые принципы семейного права, т.е. принципы, механизм реализации которых указан непосредственно в СК РФ. В числе таких принципов автор обоснованно выделяет: принцип необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию; принцип обязательности заключения брака только в органах записи актов гражданского состояния; принцип добровольности брачного союза мужчины и женщины; принцип приоритета семейного воспитания детей, заботы об их благосостоянии и развитии и принцип обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Выделим следующие наиболее интересные позиции автора:

– автор ставит очень интересный вопрос о соотношении морали и права, пытаясь определить, какие виды общественных отношений

регулируются нормами семейного права, какие нормами морали и почему так получилось. В этом смысле интересен пример из судебной практики об измене мужа как основании для развода ввиду «утраты любви», хотя такого основания нет в СК РФ. Интересна и мысль об исторической трансформации моральных ценностей – в настоящий момент об этом говорит появление гражданского брака, когда молодые люди живут вместе без проведения регистрации брака;

– в книге приводятся интересные факты о реализации принципов семейного права, вытекающие из научно-технического прогресса. Например, рассказывается о «космической свадьбе» в 2003 г. российского космонавта Юрия Маланченко, находящегося на земной орбите, и американки российского происхождения Екатерины Дмитриевой – на Земле. Жених присутствовал на церемонии виртуально, вместо него в свидетельстве о браке расписался его адвокат (по законам штата Техас (США) жених или невеста могут отсутствовать на свадьбе). При этом идея «космической свадьбы» была полной неожиданностью для властей России, выразивших свое неудовольствие. Все это означает запрос на появление новых семейных принципов-идей и норм;

– в случае перемены пола одним из супругов возникает однополая семья, что запрещено СК РФ, однако нет механизма разрешения этой ситуации;

– исследуя принцип добровольности брака в сравнительно-правовом аспекте, А. Я. Рыженков обращает внимание на интересный факт: советские уголовные кодексы наказывали за принуждение женщины к вступлению в брак, хотя в реальности часто к вступлению в брак принуждали мужчину (при беременности девушки родственники с одной стороны или даже с обеих сторон);

– обращается внимание на роль Конституционного Суда РФ в снятии препятствий для реализации принципа приоритетного семейного воспитания детей. В частности, анализируется решение Суда, позволившее уменьшить количество ограничений и запретов, установленных законом для усыновителей, что позволило наиболее полноценно реализовать соответствующий принцип.

В 4-й главе А. Я. Рыженков исследует доктринальные принципы семейного права. Они не указаны в тексте СК РФ, однако анализ семейного законодательства позволил автору аргументировать вывод о необходимости дополнения ст. 1 СК РФ тремя новыми принципами: принципом ответственности за нарушение норм семейного законодательства; принципом свободы само-

стоятельного определения супругами режимов принадлежащего им имущества и принципом алиментных обязательств супругов, родителей и детей, а также иных членов семьи. Были сделаны следующие выводы:

– законодательно закрепленные принципы (сформулированные в конкретной норме) выполняют регулятивную функцию. В отличие от них, доктринальные принципы выполняют другие функции: интерпретационную, идеологическую и отчасти стимулирующую. Доктринальные принципы влияют на последующее развитие всех отраслей законодательства. В своей книге автор последовательно доказывает, что доктринальные принципы – это исходные юридические идеи, сформулированные учеными-юристами, составляющие часть научного правосознания, выраженные текстуально, необязательные для субъектов права и выступающие в качестве научно обоснованных ориентиров в процессе правового регулирования семейных общественных отношений;

– приняв участие в более рамочной дискуссии об увеличении количества самостоятельных видов юридической ответственности, автор аргументирует вывод о существовании отдельного вида ответственности – семейно-правовой, в рамках которой основной санкцией является лишение или ограничение родительских прав, отмена усыновления или признание брака недействительным (например, в случае фиктивного брака). Подобных санкций нет в рамках других видов юридической ответственности (гражданско-правовой, административной, уголовной и т.д.). Весьма интересны и выводы автора о соотношении категорий «меры защиты» и «меры ответственности»;

– применительно к реализации принципа свободы самостоятельного определения супругами режима их имущества автор высказывает интересную позицию относительно раздела семейного бизнеса при разводе супругов.

Таким образом, монография А. Я. Рыженкова о принципах российского семейного права является весьма серьезным и интересным исследованием, посвященным важному теоретическому и практическому вопросу, связанному с повышением эффективности действия системы

принципов семейного права как основных идей, лежащих в основе данной отрасли права. В книге проводится анализ юридической техники конструирования принципов семейного права, а также показан детальный механизм их практической реализации с помощью обычных правовых норм-предписаний, обязательных к исполнению.

На систему принципов семейного права и механизм их реализации оказывает сильное влияние ряд неправовых факторов, связанных с научно-техническим прогрессом (изменение пола, суррогатное материнство), факторов внешней политики (запреты и ограничения на усыновление российских детей иностранцами), а также моральные (нравственные) представления, сложившиеся в российском обществе в определенный исторический период.

В ходе исследования автором анализируются пробелы и коллизии как в рамках системы принципов семейного права, так и в рамках механизма их реализации, высказаны конструктивные предложения по устранению выявленных недостатков. Характерной чертой книги является простой и логичный стиль изложения материала, стремление автора сделать понятным читателю сложные проблемы современного семейного права на доступном (даже для не-юриста) языке. Думается, что выводы автора непременно будут востребованы как в научной деятельности, так и в учебном процессе при преподавании семейного права, а также использованы законодателем и высшими судебными инстанциями при подготовке руководящих разъяснений по практике применения норм семейного законодательства. Издание монографии А. Я. Рыженкова является заметным событием в юридической науке, которое, как хочется надеяться, будет с интересом встречено широкой читательской аудиторией.

Монография стимулирует размышления о дальнейших тенденциях и перспективах развития семейно-правовой науки, однако из этого не следует, что проблемы, которым посвящена эта книга, исчерпаны. Необходимы дальнейшая разработка теории и практики семейного права, поиск новых законодательных подходов, направленных на улучшение системы принципов и в целом гарантированность семейных прав граждан.

Поступила в редакцию 02.08.2022; одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 29.08.2022
The article was submitted 02.08.2022; approved after reviewing 28.08.2022; accepted for publication 29.08.2022